

JOHN GARDNER

NO DEALS

MR BOND

© 2005 by Vlad Pavlov

© 1987 Glidrose Publications Ltd.

© 2001 перевод В. И. Павлова

- 1 -

Морской сокол

Штурмана, как и многих его коллег по должности в Королевском морском флоте, вся команда полюбовно звала «Васко». Сейчас, стоя в центральном посту субмарины, залитым красным светом, «Васко» склонился над капитаном и, тронув его за руку, сказал:

-Подходим к пункту назначения, сэр.

Капитан-лейтенант Алек Стюарт кивнул и скомандовал:

-Стоп машины. Приготовиться к всплытию.

-Есть стоп машины, - послышалось от вахтенного офицера.

-Есть приготовиться к всплытию, - ответил старший рулевой, сидевший рядом со своим напарником за пультом управления рулями глубины.

-Акустик? – тихим голосом сказал капитан.

-Слабый шум в районе острова Борнхольм. В порту Ростока обычное движение тяжеловесных судов. Два шума, похожие на патрульные лодки: где-то в пятидесяти милях, идут вдоль побережья, курс ноль-два-ноль. Подлодок нет.

Капитан-лейтенант Алек Стюарт изогнул бровь. Сейчас ему было невесело. Во-первых, ему совсем не нравилось вести свою подлодку класса «Трафальгар» в запретных водах. А во-вторых, он не любил «теней».

Он знал, что их называют «теньями», поскольку вычитал это в каком-то романе. Он бы назвал их «шпиками» или же просто «шпионами». Но кто бы эти ребята там ни были, ему совсем не нравилось, что они на борту его подлодки, пусть даже их лидер и был морским офицером. Да, во время военных учений Стюарт выполнял различные секретные задания. Но чтобы боевая операция, да еще и в мирное время! Для него это было как кость в горле.

Когда «тени» поднялись на борт, он подумал, что звание морского офицера было простым прикрытием, но через пару часов убедился, что Морской сокол – так звали их лидера – действительно прекрасно разбирался в морском деле, так же как и два его напарника.

Но тем не менее, все эти тайны плаща и меча были не для Алека Стюарта. И задание ему предстояло далеко нелегкое. Поступившие указания по операции «Морской сокол» были краткими, но точными:

ОКАЗЫВАТЬ МОРСКОМУ СОКОЛУ И ЕГО КОЛЛЕГАМ ВСЯЧЕСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ. В ПОГРУЖЕННОМ СОСТОЯНИИ, СОХРАНЯЯ ТИШИНУ, ПРОСЛЕДОВАТЬ НА МАКСИМАЛЬНОЙ СКОРОСТИ В СЛЕДУЮЩИЙ ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ.

Координаты, после того как Стюарт бегло сверился с картами, подтвердили его самые худшие страхи. Эта точка находилась где-то в районе пятидесятимильной полосы Восточногерманского побережья, зажатого между Западной Германией и Польшей, примерно в пяти милях от берега.

В ПУНКТЕ НАЗНАЧЕНИЯ ОСТАВАТЬСЯ В ПОГРУЖЕННОМ СОСТОЯНИИ И ЖДАТЬ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ МОРСКОГО СОКОЛА. НЕ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕ ОБНАРУЖИВАТЬ СВОЕ ПРИСУТСТВИЕ ДРУГИМ СУДАМ, В ОСОБЕННОСТИ БОЕВЫМ ЕДИНИЦАМ ГДР И РОССИИ, ДЕЙСТВУЮЩИМ В ПОРТАХ ЭТОГО РАЙОНА. ВОЗМОЖНО, ЧТО В ТОЧКЕ НАЗНАЧЕНИЯ МОРСКОЙ СОКОЛ ПОЖЕЛАЕТ СОЙТИ С КОРАБЛЯ ВМЕСТЕ СО СВОИМИ ДВУМЯ КОЛЛЕГАМИ. ДЛЯ ЭТОЙ ЦЕЛИ ОНИ ВОСПОЛЬЗУЮТСЯ СВОЕЙ НАДУВНОЙ ЛОДКОЙ. ПОСЛЕ ИХ ОТБЫТИЯ ПОГРУЗИТЬСЯ НА ПЕРЕСКОПНУЮ ГЛУБИНУ И ОЖИДАТЬ ИХ ВОЗВРАЩЕНИЯ. В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ЧЕРЕЗ ТРИ ЧАСА ОНИ НЕ ВЕРНУТСЯ, ВОЗВРАТИТЬСЯ НА БАЗУ, ОСТАВАЯСЬ В ПОГРУЖЕННОМ СОСТОЯНИИ И СОХРАНЯЯ ТИШИНУ. В СЛУЧАЕ УСПЕШНОГО ЗАВЕРШЕНИЯ МИССИИ СУЩЕСТВУЕТ ВЕРОЯТНОСТЬ, ЧТО КОМАНДА МОРСКОГО СОКОЛА ДОСТАВИТ НА БОРТ ДВУХ ЧЕЛОВЕК. ПРЕДОСТАВИТЬ ИМ ПОЛНЫЙ КОМФОРТ И ВЕРНУТЬСЯ НА БАЗУ СОГЛАСНО ВЫШЕУКАЗАННЫМ ИНСТРУКЦИЯМ. ПРИМЕЧАНИЕ: ЭТА ОПЕРАЦИЯ ОХРАНЯЕТСЯ ЗАКОНОМ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЕ. ВАМ, КАК КОМАНДИРУ СУДНА, СЛЕДУЕТ ПРИКАЗАТЬ КОМАНДЕ НЕ ОБСУЖДАТЬ ДЕТАЛИ ЭТОЙ ОПЕРАЦИИ НИ МЕЖДУ СОБОЙ, НИ С ПОСТОРОННИМИ. ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ НА БАЗУ ВЫ ОТЧИТАЕТЕСЬ ЛИЧНО ПЕРЕД БРИГАДОЙ ИЗ АДМИРАЛТЕЙСТВА.

«Чертов Морской сокол! – мысленно выругался Стюарт. - И чертова операция!» Пробраться в такой пункт назначения незамеченными – дело не простое: маршрут субмарины пролегал через Северное море, затем через пролив Скагеррак, через Каттегат, потом через узкие проливы, разделяющие Датское и Шведское побережья (всегда очень хитрая задача для штурмана), после чего в водах Балтики. А последние пятьдесят с лишним миль – Восточногерманские территориальные воды, по которым то и дело снуют суда Восточного блока, не говоря уже о русских подлодках с баз Ростока и Штральзунда.

-Перескопная глубина, – почти шепотом скомандовал Стюарт, оглядев Центральный пост, в котором царила приглушенная атмосфера: сейчас на подлодке все сохраняли тишину.

Рулевые на посту погружения и всплытия медленно подняли субмарину с двухсот пятидесяти мильной глубины ближе к поверхности.

-Есть перескопная глубина, сэр.

-Поднять перископ.

Вверх скользнула толстая металлическая труба, и Стюарт рывком отогнул поворотные ручки. Он включил прибор ночного видения и осмотрелся, сделав один круг. Еле-еле проглядывалась линия побережья, безликая и плоская. Больше ничего. Никаких огней, никаких судов. Не было даже рыбацких лодок.

-Опустить перископ.

Стюарт согнул ручки обратно, шагнул к радиопередатчику и взял переговорное устройство. Включив его большим пальцем, он произнес все тем же тихим голосом:

-Морскому соколу просьба пройти в Центральный пост.

В носовом отсеке, среди спасательного оборудования, помеченного красным, сразу же за торпедными установками, в оставшемся малюсеньком свободном пространстве на импровизированных койках, прикрепленных в четырех футах от палубы, лежал Морской сокол и его два напарника. Все трое были одеты в черные резиновые костюмы, на поясе у каждого - по водонепроницаемой кобуре. Рядом с ними громадной бесформенной кипой лежала распакованная надувная лодка.

Услышав приказ капитана, Морской сокол спрыгнул на металлическую палубу и не спеша направился в Центральный пост.

Только лишь те, кто принадлежал к самому узкому кругу подпольного мира спецслужб, узнали бы в Морском соколе командера Джеймса Бонда. Два его помощника являлись офицерами элитного отряда Специальной морской службы, они были хорошо известны за свою надежность, посему часто использовались Британской Секретной службой... Когда Бонд, нагнув голову, вошел в Центральный пост, Стюарт посмотрел на него и сказал:

-Мы доставили вас точно в срок. – В его поведении по отношению к Бонду не было ни намека на почтительное уважение, только лишь формальная вежливость.

Бонд кивнул:

-Отлично. Хотя, по правде говоря, мы прибыли где-то на час раньше чем надо, так что в запасе у нас есть немного времени. – Он взглянул на циферблат своих наручных часов «Ролекс» из

нержавеющей стали. – Можете выпустить нас где-нибудь минут через двадцать?

-Конечно. Сколько вам на это потребуется времени?

-Я так понимаю, вы всплывете только частично. Ну а нам лишь надо успеть надуть лодку и отгрести из зоны погружения. Десять, может, пятнадцать минут вас устроят?

-И радиосигналы только те, о каких условились?

-Три «браво» от вас, если грозит опасность. Две «дельты» от нас, чтобы вы всплыли и приготовились принять нас на борт. Мы воспользуемся носовым люком, как и договаривались. С этим никаких проблем, я надеюсь?

-Только обшивка скользкая. А особенно неудобно будет подниматься обратно. Но я пошлю вам в подмогу двух матросов.

-Да, и если можно, веревку. И желательно трап. Насколько я знаю, наши гости никогда раньше не поднимались на борт субмарины в ночное время.

-Предупредите, когда будете готовы. – Еще больше Стюарта расстраивал тот факт, что на его шею повесят каких-то «гостей».

-Хорошо. А мы пока соберем вещи.

Бонд вернулся к своим помощникам из СМС - к капитану Дэйву Эндрюсу и лейтенанту Джо Приди. Они быстро прошлись по всем пунктам плана; каждый повторил, что должен делать в случае, если что-то пойдет не так. Затем оттащили лодку, весла и маленький навесной моторчик к скобтрапу носового люка, через который им предстояло выбраться наружу, к холодным ветрам Балтики. У основания скобтрапа их ожидали двое моряков, одетых в дождевики; один из них ожидал приказа подняться наверх.

Тем временем в Центральном посту капитан-лейтенант Стюарт снова осмотрел горизонт, отдал приказ всплыть и погасить свет. Когда вторая команда была выполнена, все отсеки субмарины окутала крошечная тьма; лишь в Центральном посту светились приборы, и кое-где временами мелькали красные огоньки от узконаправленных фонариков. Один из таких фонариков держал стоящий у основания трапа матрос.

-Субмарина всплыла! - слышался мягкий голос из динамиков.

Матрос быстро взобрался по скобам, повернул задрайку и со слабым лязгом открыл носовой люк. Из образовавшегося сверху круглого маленького отверстия хлынул холодный свежий воздух. Первым по трапу поднялся Джо Приди, ему помогал тусклый красный свет от фонарика, который держал матрос. Дэйв Эндрюс, поднявшись до половины трапа, взял у Бонда край сдутой резиновой лепешки и стал подтягивать его к Приди, после чего они на пару

выволокли громоздкую надувную лодку на поверхность. Бонд поднимался последним; матрос, стоявший внизу, передал ему весла и навесной моторчик. Этот моторчик числился в списке самого засекреченного оборудования морских пехотинцев. Мотор «I.P.I.» был прост в обращении, имел маленькие лопасти, но при этом работал эффективно и почти бесшумно, потребляя горючие из расположенного на корме лодки бензобака, чьи стенки были выполнены из специального материала: при попадании в них пуль, дырки затягивались сами.

Наконец Бонд поднялся к Приди, к этому времени резиновая лепешка обрела длинную, обтекаемую форму скоростной лодки. В ней были скамейки, борта - снабжены рукоятками.

Убедившись, что рация с двусторонней связью надежно прикреплена к резиновому костюму, Бонд, стараясь не поскользнуться на обшивке субмарины, стал ожидать, когда его напарники спустят лодку на воду. Пока передавали весла и мотор «I.P.I.», матрос держал их тупорылую шляпку за носовой канат. Затем Бонд скользнул с обшивки прямо на корму, матрос отпустил канат, и лодка отпрянула от субмарины.

Подождав, пока их суденышко не отнесет подальше от подлодки, Бонд взял висящий на шее компас со светящимся циферблатом и установил ориентир. Назвав его своим товарищам, он положил компас на видное место перед собой и, воспользовавшись веслом как указателем, отдал приказ лечь на курс. Они принялись грести: размашисто, спокойно; и вскоре развили довольно солидную скорость. Кругом была кромешная тьма. Сверив через две минуты курс, Бонд услышал, как подлодка с шипением уходит под воду. Ночное небо сливалось с чернильным морем, и лишь после получасовой усиленной гребли и постоянных сверок с компасом, на горизонте стало проглядывать Восточногерманское побережье. Им предстоял долгий путь. Но если все пройдет гладко, то на обратном пути - чтобы по-быстрому добраться до субмарины - команда воспользуется мотором.

Прошло больше часа, теперь они находились довольно близко от побережья и направлялись прямо в укромную бухточку, чья малюсенькая полоска песка была отчетливо видна в темноте. Они подождали, пока лодку не отнесет ближе к берегу. Сейчас все трое были напряжены и готовы к любой опасности, потому что находились в максимально уязвимом положении. Эндрюс, сидевший на корме, взял мощный фонарь, направил в сторону песчаной полоски пляжа, и быстро просигналил морзянкой две буквы «V». Ответ – четыре длинных вспышки – последовал сразу же.

-Они здесь, - пробормотал Бонд.

-Только бы за ними не было хвоста, - прошептал в ответ Приди.

Когда их лодка оказалась у берега, Эндрюс прыгнул в воду и стал удерживать ее за носовой швартовый. К воде подбежали две черные фигуры.

-Meine Ruh' ist hin¹. – Произнося это, Бонд почувствовал легкую абсурдность ситуации: читать строку из Гете – поэта, которого он почти совсем не знал – посреди ночи на пляже Восточной Германии.

-Mein Herz ist schwer², - слышался от фигур ответ, дополнивший двестише.

Трое мужчин помогли паре забраться в лодку и быстренько рассадили их на скамейки. Эндрюс потянул за швартовый и развернул лодку, Бонд установил по компасу обратный курс. В считанные секунды они снова гребли. Через тридцать минут они включают мотор и просигналят ожидающей их субмарине.

Тем временем в Центральном посту за их продвижением зорко следил акустик, благодаря коротковолновому передатчику, установленному на надувной лодке. Одновременно с этим он прощупывал весь район, его напарник прощупывал территорию радиусом шире.

-Похоже, что они возвращаются, сэр, - сказал старший акустик.

-Сообщите, когда они заведут мотор. – Голос Стюарта звучал напряженно. Что у шпииков за дело - он понятия не имел, да и знать не хотелось. Он лишь надеялся на то, что его пассажиры благополучно вернутся и привезут с собой, тех кого хотели забрать, после чего - обратная дорога безо всяких приключений.

-Так точно, сэр. Я думаю... Ох, ты Боже мой... - акустик замолк, его оборвал громкий сигнал, раздавшийся в наушниках, и точка, появившаяся на экране радара. – За ними погоня. – Он пояснил: - Курс ноль-семь-четыре. Идут с берега, по их правому борту. Судно быстрое и легкое. Я думаю, это «Пчела».

Стюарт выругался вслух - что-то, что он редко позволял себе в присутствии своей команды. «Пчелой» назывался патрульный катер на подводных крыльях Российского производства. И хотя это судно уже устарело - имело две пары тринадцатимиллиметровых пулеметов и поисковый радар типа «Пот драм», - оно все равно являлось грозным противником как на мелководье, так и в беспокойных водах открытого моря.

¹ Покоя нет (нем.)

² На сердце тяжесть (нем.)

-Это почерк «Пчелы», сэр, и она идет прямо на них, причем очень быстро, - сказал акустик.

Бонд и его команда слышали тяжелый гул моторов патрульного катера почти сразу же после того, как отошли на веслах от берега.

-Может, включим мотор? И дадим деру? – крикнул Дэйв Эндрюс Бонду.

-Мы не успеем.

Бонд знал, что нужно делать, но думать о последствиях не хотелось. От груза принятия решения его избавил Дэйв Эндрюс, который наклонился назад и крикнул:

-Подпустите их поближе и будьте готовы ко взрыву. Меня не ждите. Я вернусь сушей, если, конечно, меня не заденет миной! – и тут же прыгнул за борт, исчезнув в море.

Бонд знал, что у Эндрюса с собой были две маленькие намагничивающиеся мины, которые – если их прикрепить в нужных местах – продырявят у бронекатера бензобаки. Он знал также и то, что взрыв, скорее всего, разорвет морского пехотинца на клочки.

В этот момент их ослепил свет от прожектора, и патрульный катер сбросил скорость; его длинные, лыжеподобные подводные крылья стали уходить под воду, а нос опускаться. Расстояние между суднами уменьшалось. Из громкоговорителя грянула резкая немецкая речь:

-Стоять! Остановитесь! Мы заберем вас к себе на борт для дачи показаний. Это приказ. Если вы не остановитесь, мы откроем по вам огонь. Лечь в дрейф!

-Подними руки над головой, - сказал Бонд Приди. – Покажи, что ты безоружен, и делай, что говорят. Будет взрыв. Когда он случится, вы все спрячете головы между колен...

-И попроситесь со своими задницами, - пробормотал Приди.

-...и закроете головы руками.

Нос катера опустился, двигатели работали на холостом ходу, и его продолжало сносить к надувной лодке, освещенной замершим лучом от прожектора. Расстояние между ними уменьшилось уже почти до пятидесяти ярдов, как вдруг носовая часть патрульного катера исчезла в ослепительно белом пламени, которое сразу же превратилось в красное. Через секунду после вспышки раздался оглушительный взрыв, а за ним - тяжелый грохот.

Подняв голову, Бонд убедился, что Эндрюс установил взрывчатку как надо. А иначе и быть не могло, подумал он. Каждый уважающий себя офицер Специальной морской службы точно знает, где и как для максимального эффекта нужно расположить заряд на любом судне стран Восточного блока, и Эндрюс великолепно

справился со своим заданием. Всю палубу охватило огнем, а носовая часть с подводными крыльями взмыла высоко над водой. Но не прошло и минуты, как катер целиком исчез в пучине.

Надувную лодку, которую толкнуло взрывной волной, теперь бесконтрольно кидало из стороны в сторону. Бонд взял навесной моторчик. Перевесил его через корму, поглубже погрузил в воду и включил зажигание. Маленький «I.P.I.» зажужжал, закрутив лопастями. Держа его за ручку, Джеймс мог одновременно рулить лодкой и регулировать скорость.

Бонд прекрасно понимал, что они теперь уязвимы, поскольку все вокруг было озарено пламенем от погибшего патрульного катера. Полдюжины вопросов пробежало у него в голове: успел ли патрульный катер предупредить другие суда, тщательно охранявшие этот участок побережья? Появилась ли их лодка на радаре береговой охраны или какого-нибудь скоростного корабля? Не задело ли взрывом Дэйва Эндрюса? Скорее всего задело. Ушла ли подлодка на глубину, приготовившись ускользнуть, пока ее не засекли? Вот это было очень даже возможно, ведь капитану дороже его атомная субмарина, чем какая-то там операция «Морской сокол». Пока Бонд думал об этом, Приди определял курс с помощью своего компаса:

-Два румба право руля. Румб лево руля. Нет. Лево руля. Еще лево руля. Прямо руля. Так держать...

Джеймс еле справлялся с управлением: утопив мотор поглубже в пенистую воду, он отчаянно старался удержать его за рукоятку, но тот так и норовил вырваться из его хватки. Бонд изо всех сил пытался заставить маленькое суденышко идти точно по курсу, который постоянно поправлял Приди: то прямо руля, то право руля. Вдобавок лодку здорово швыряло по сторонам.

Его лицо хлытали брызги и ветер. Он посмотрел на двух пассажиров, чьи сгорбленные фигурки, одетые в анораки и шерстяные шапки, были видны в затухающем свете от останков патрульного катера. Судя по их дрожащим плечам, было совершенно ясно, что они в ужасе. Вдруг, море снова погрузилось во тьму, причем произошло это так же внезапно, как и взрыв патрульного катера, озаривший его темные глубокие воды.

-Пол мили. Гаси мотор! – крикнул сидящий на носу Приди.

Сейчас они все узнают. В любую минуту выяснится: бросил их материнский корабль или нет.

Стюарт наблюдал уничтожение патрульного катера на радаре, и спрашивал себя: сгинули ли во взрыве Морской сокол со своими товарищами? Он даст им четыре минуты. Если к тому времени они не появятся на локаторе, ему придется уйти на глубину, затихнуть и

приготовиться уматывать из запретных вод. Через три минуты и двадцать секунд акустик объявил, что засек их.

-Возвращаются, сэр. Идут быстро. На моторе.

-Приготовиться к всплытию. Встречающей бригаде к носовому люку.

Приказ выполнили. Затем акустик сказал:

-Пол мили, сэр.

Стюарт спрашивал себя, а не допустил ли он глупость? Внутренний голос говорил ему: убирайся, пока не засекли. Чертов Морской сокол, подумал он. «Морской сокол?» Глупость какая. Это не старый ли фильм с Эрролом Флинном?

Радист в своих наушниках отчетливо услышал две буквы Д морзянкой, которые радировал Бонд с дрейфующей шлюпки.

-Две Дельты, сэр.

-Две Дельты, - без особого энтузиазма повторил Стюарт. – Всплываем. Гасить свет. Встречающей бригаде отдраить носовой люк.

Команде Морского сокола помогли взобраться на борт, а затем спуститься по трапу внутрь. Приди задержался снаружи, чтобы избавиться от надувной лодки. Он распорол ее резиновый корпус и установил заряд, который уничтожит ее под водой, не оставив никаких следов. Когда Приди спустился, Стюарт скомандовал срочное погружение и сменить курс. И только потом он прошел в носовой отсек, чтобы поговорить с командой Морского сокола. Увидев, что их на одного меньше, он посмотрел на Бонда и вопросительно поднял брови.

Тот не стал дожидаться вопроса и сказал:

-Он не вернется.

И тут капитан-лейтенант Стюарт обратил внимание на двух новичков из команды Морского сокола. «Женщины, - подумал он. – Черт возьми! Женщины!...» Женщина на корабле – всегда плохая примета. А командиры подлодок – народ суеверный.

- 2 -

Морской сокол, пять лет спустя

Стояла весна, лучшее время года, когда Лондон выглядит особенно соблазнительно: в парках золотые ковры из крокусов, девушки, скинувшие свои тяжелые зимние наряды, и приятное ощущение, что буквально за углом уже притаилось лето. Джеймс Бонд, одетый в удобный махровый халат, растворился в безмятежности - он заканчивал свой завтрак второй по счету большой чашкой кофе, смакуя уникальный вкус свежемолотых зерен «Де Брай». Его маленькую столовую заливал солнечный свет, и было лишь слышно, как на кухне что-то тихо напевала себе под нос Мэй, звеня извечной посудой.

Сегодня Бонд работал в Штабе Секретной Службы в вечернюю смену, поэтому весь день был в его личном распоряжении. Но все равно даже в подобные дни конторской работы его первой обязанностью был просмотр всех национальных и крупных провинциальных газет. Сегодня он уже выделил три маленькие статьи, появившиеся в утренних номерах «Мэйл», «Экспресс» и «Таймс». Одна рассказывала об аресте Британского бизнесмена в Мадриде; три строчки в «Таймс», комментировавшие инцидент в Средиземноморье; и подробная статья в «Экспресс», уверявшая, что Секретная Разведывательная Служба находится в серьезных контрактах со своими коллегами из МИ-5 из-за неподделенной территории.

-Как? Вы еще не закончили, мистер Джеймс? – с укоризной спросила Мэй, забежав в комнату.

Бонд улыбнулся. Казалось, что ей очень нравится гонять его из комнаты в комнату в те дни, когда он по утрам выходной.

-Можете убирать, Мэй. Только чашку кофе оставьте, я еще не допил.

-Ох уж эти ваши газеты! – Она махнула рукой в сторону раскиданной на столе корреспонденции. – Теперь там ни капельки хорошего не пишут.

-Ну, я не знаю... - начал Бонд.

-Это ужасно ведь, правда? – Мэй схватила один из бульварных листков.

-Что именно?

-Как что? Еще одна бедная девушка! Статья - на всю первую страницу, а еще в утренних новостях выступал шеф полиции. Говорят, что объявился новый Джек Потрошитель!

-Ах, вы об этом! Да, ужасно. – Первые страницы Бонд просмотрел вскользь – там везде писали об особо жестоком убийстве, которое - если верить прессе - полиция связывала с другим, совершенным на прошлой неделе. Бонд глянул на заголовки.

**В САРАЕ ОБНАРУЖЕН ТРУП С ОТРЕЗАННЫМ ЯЗЫКОМ!
НАЙДЕНО ИЗУВЕЧЕННОЕ ТЕЛО ЕЩЕ ОДНОЙ ДЕВУШКИ!
ПОЙМАЙТЕ МАНЬЯКА, ПОКА ОН ВНОВЬ НЕ НАНЕС
СВОЙ УДАР!**

Он взял номер «Телеграф», где эта история была не передовицей.

Вчера, во второй половине дня было обнаружено тело двадцати семи летней мисс Бриджет Хэммонд, компьютерного программиста по специальности. Девушку нашел садовник в заброшенном сарае, близ ее дома, в Норидже. Мисс Хэммонд считалась пропавшей без вести уже двадцать четыре часа. Когда утром она не появилась на работе, ей в квартиру, на Торп-роуд звонила ее коллега из «Райтлайн Компьютерс».

Полиция уверена, что смерть была насильственной. Горло девушки перерезано, и присутствуют «явные сходства» с убийством двадцати пяти летней Миллисент Зампек, совершенным в Кембридже на прошлой неделе. Изувеченное тело мисс Зампек было найдено в парке Бакс, что за колледжем Кингс. В процессе расследования выяснилось, что у жертвы отрезан язык.

Полиция заявляет: «Не вызывает сомнения тот факт, что это работа одного человека. Не исключено, что на свободе разгуливает маньяк».

Бонд откинул газету в сторону, отметив про себя, что из-за быстрого развития средств современных коммуникаций, извращенное убийство стало настолько обыденно, что даже перестало заслуживать особого внимания в прессе.

Внезапно зазвонил телефон, и у Джеймса появилось странное ощущение: на затылке зашевелились волосы, а в желудке образовалась бездонная пустота. Им будто бы овладело дурное предчувствие, что ему сегодня – как говорилось у них в Секрет Сервис – «предложат» очень неприятное дело.

Звонила благоверная мисс Манипенни. Для подобных разговоров они с Бондом пользовались обыкновенными кодовыми фразами, оговоренными за многие годы.

-Как насчет ленча? – все, что она спросила после того, как он назвал свой номер.

-Есть дело?

-Очень похоже на то. В его клубе. 12:45. Дело важное.

-Еду.

Бонд повесил трубку. Приглашение на ленч в «Блейдсе» - для «М» это было редкостью, и ничего хорошего собой это не предвещало.

Ровно в 12:40, зная одержимость своего шефа к пунктуальности, Бонд расплатился с таксистом на Парк-лейн, после чего из своей обычной предосторожности совершил прогулку до Парк-стрит, где и находился пожалуй самый роскошный из всех джентльменских клубов, чей элегантный фасад в адамовском стиле был утоплен в глубь улицы.

«Блейдс» - уникален по своей сути и является отпрыском частного клуба «Скавуар Вивр», закрытого почти сразу же после своего основания в 1774 году. Его наследник, «Блейдс», появился на свет в 1776 году на тех же условиях. Это один из немногих джентльменских клубов, которые и по сей день процветают и поддерживают свои стандарты. Он существует почти полностью на доходы от высоких ставок за карточными столами. И кухня здесь до сих пор изысканная. Среди его членов есть несколько очень могущественных личностей, которые частенько хитростью убеждают своих приезжих богатых партнеров по бизнесу – арабов, японцев и американцев – посещать клуб в качестве гостей. Тысячи и тысячи фунтов регулярно гуляют здесь из рук в руки в зависимости от того, как легла карта, или как сложилась игра в трик-трак.

Бонд распахнул двери и направился к конторке портье. Бреветт знал, что Бонд очень редкий посетитель клуба, и поэтому приветствовал его соответствующе. Бонд всегда вспоминал его отца, он, тоже будучи портье, стал свидетелем той крупной игры, в которой агент 007 с подачи «М» разоблачил злодея сэра Хьюго Дракса в шулерстве... А вообще, члены семьи Бреветтов служили портье в клубе «Блейдс» уже более ста лет.

-Адмирал уже ждет вас в обеденном зале, сэр.

Бреветт вежливо указал в сторону молодого гарсона, тот отвел Бонда по широкой лестнице в обеденный зал, украшенный белым и золотым, в стиле эпохи регенства. «М» сидел в полном одиночестве за угловым столиком, подальше от окон и дверей, спиной к стене,

чтобы видеть любого, кто заходил и выходил из зала. Когда Бонд подошел к его столику, тот коротко кивнул и глянул на свои часы.

-Точно в срок, Джеймс. Молодчина. Правила знаешь. Что будешь заказывать? Только помни, что мы здесь не на весь день.

Бонд заказал зажаренного палтуса с огромной порцией салата и попросил принести приправ, чтобы добавить их по собственному усмотрению. «М» кивнул в одобрение. Вкусы своего агента он знал так же хорошо как свои собственные, и сам прекрасно понимал, что соус к салату лучше приготавливать самому.

Заказ принесли, и «М» стал молча наблюдать за тем, как Джеймс Бонд аккуратно высыпал в маленькую чашечку, принесенную вместе с приправами, пол ложечки перца и размолот его. Затем положил туда такое же количество соли и сахара, добавил две с половиной ложечки горчичного порошка, тщательно растолок вилкой получившуюся смесь, следом добавил и размешал три столовых ложки масла, а потом аккуратно распыскал одну столовую ложку винного уксуса. Добавил пару капель воды, и только затем в последний раз размешал и полил этой смесью салат.

-Станешь для кого-нибудь чертовски хорошим мужем, 007. - В светло серых глазах шефа не было ни намек на сожаление о том, что он упомянул о супружестве - тема, которую Бонд тщательно избегал с момента безвременной кончины своей жены от рук СПЕКТРа.

Бонд проигнорировал неуместное замечание шефа и принялся атаковать свою рыбу с навыком хирурга.

-Так что же случилось, сэр? – тихо спросил он.

-Казалось бы, времени так много, но его так не хватает! – медленно произнес «М». – Это слова покойного Поэта Ларэйта. Хотя ты, наверное, не отличишь Бетжемана от Ларкина, да?

-Зато я знаю пару отборных пошловатых стишков, сэр. Хотите расскажу про Веселого лудильщика или про Славного старого монаха? Я даже могу прочитывать один забавный лимерик.

«М» ел рыбу. Он тоже заказал палтуса, но с молодой картошкой. «М» прожевал и взглянул на Бонда, светло серые глаза шефа были холодны.

-Тогда прочитай мне что-нибудь о «Морском соколе», Джеймс. Ты помнишь о «Морском соколе»?

Бонд кивнул, живо вспоминая эти события, хотя минуло уже пять лет. При выполнении миссии «Морской сокол» погиб Дэйв Эндрюс. И Бонду никогда забыть те дни и ночи, которые он провел в тесных каютах подлодки, стараясь успокоить двух девушек и сделать их пребывание на судне более комфортным.

- Что если я расскажу тебе всю правду о «Морском соколе»? – спросил «М».

-Если вы считаете, что мне следует знать об этом, сэр.

Секретная Служба всегда работала по принципу: «каждый человек знает только то, что ему следует знать». Поэтому все, что тогда сказали Бонду об операции «Морской сокол» - это то, что ему надлежит забрать двух агентов. Он помнил, как Билл Тэннер – Начальник Штаба – сообщил ему, что люди, которых он будет вытаскивать из передраги, «бегут в одних носках», то есть вынуждены срочно спасти свои шкуры.

Словно думая вслух, Бонд сказал:

-Они были чертовски молоды.

-А? – резко бросил «М».

-Я говорю: они были очень молоды. Те девушки, которых мы эвакуировали.

-Они были не единственными. – «М» посмотрел в сторону. – Всю группу мы вытянули почти за семь дней. Четырех девушек, молодого парня и их родителей. Нам удалось это. Пару девушек привез ты. А теперь, Джеймс, две из этих девушек мертвы. Ты, наверное, читал об этом сегодня утром. У них были новые имена, новые легенды. Их было невозможно проследить. Но все же кому-то удалось уже добраться по меньшей мере до двух из них. Зверски убиты, отрезаны языки. Ты читал об этом маньяке, который разгуливает на свободе?

Бонд кивнул.

-Вы хотите сказать...? – начал он.

-Я хочу сказать, что обе эти девушки были переправлены к нам после того, как выполнили для нас кое-какую секретную работу; но осталось еще трое агентов, а где-то разгуливает убийца, который ждет не дождется, чтобы отрезать им языки.

-Киллеры КГБ оставляют нам таким образом свою весточку?

-Да, с каждым убийством. Они слизывают с торта крем, Джеймс, и я хочу это прекратить, и быстро.

-С какого торта?

-Давай заканчивай ленч, и мы с тобой прогуляемся по парку. То, что мне надо сказать тебе, слишком деликатно даже для этих стен. «Торт» - это одна из самых эффективных операций, проведенных нами за последние годы. Я полагаю, что именно поэтому нам такая расплата. Месть, как говорится, - это блюдо, которое следует подавать в холодном виде. Думаю, что за пять лет оно успело уже порядочно приостыть.

Пока они прогуливались по Ридженс-Парк - похожие на двух бизнесменов, неохотно возвращавшихся в свои офисы, - «М», не глядя на Бонда, говорил.

-«Торт» – это был хитро спланированный контрудар. Ты знаешь что такое «Эмили»?

-Конечно. Словечко устарело, но я знаю, что оно означает.

Бонд уже много лет не слышал термин «Эмили». Так их коллеги из американской разведки называли специальных мишеней КГБ. В основном, Эмили встречались в Западной Германии. Обычно это были невзрачные девушки, ведущие унылую жизнь, обреченные на одиночество до конца своих дней. Романы в их жизнях отсутствовали, поскольку им приходилось присматривать за своими престарелыми родителями, и свободного времени совсем не оставалось: весь день на работе, а вечером нужно сидеть с немощной матерью или отцом. Но у всех Эмили было еще кое-что общее. Как правило, они работали в правительственных учреждениях, в основном в Бонне, зачастую в качестве секретарей Федерального Ведомства по охране Конституции. Это Ведомство было Западногерманским эквивалентом МИ-5, но являлось отделом Федеральной разведывательной службы – ФРС, которая, в свою очередь, тесно сотрудничала с Британской Секретной Службой, Американским ЦРУ и Израильским Моссадом.

За многие годы своей деятельности КГБ использовал множество женщин этой категории. В жизни Эмили внезапно появлялся мужчина, и очень быстро скука и однообразие куда-то исчезали. Ей теперь дарят подарки, водят по дорогим ресторанам, в оперу, а главное - она чувствует себя привлекательной и желанной. Потом случается невероятное – она переспала с ним. Быть любимой – остальное неважно, даже если ее любовник иногда просит оказать ему маленькую услугу – либо украсть парочку документов из офиса, либо скопировать кое-какие не очень важные фрагменты из досье. И не успевала Эмили оглянуться, как оказывалась во всем этом по уши, и если что-то шло не так, то она была вынуждена бежать вместе с любовником в Восточную Германию. Когда же ей устраивали новую жизнь в ГДР, а порой даже в самой России, то ее любовник исчезал.

Бонд на секунду задумался. И по сей день Эмили не вышли из моды: буквально совсем недавно было несколько случаев предательства как раз среди этой категории. И нельзя сказать, что к Эмили относились лица исключительно женского пола.

-Мы решили воспользоваться идеей Эмили в ответ, - сказал «М», прервав мысли Бонда. – Но нашими мишенями были очень

важные птицы - высокопоставленные офицеры ГУ. Именно они и выдумали саму идею с Эмили, и даже обучали агентов-соблазнитель.

Бонд кивнул. «М» говорил о Главном Управлении разведки. Это была самая эффективная спецслужба во всем Восточном блоке после КГБ.

-Мишенями были высокопоставленные чины ГУ, и прикомандированные офицеры КГБ, включая одну женщину. В нашем распоряжении было несколько законсервированных агентов, но они были засланы так давно, что сами для этой работы уже не годились. Это были супружеские пары. Когда мы засылали их, то думали, что это может пригодиться. И вот пришло время, и мы решили использовать их детей. Для этого мы выбрали пять семей. У них были красивые детишки, всем под двадцать, совершеннолетние. Ты понимаешь о чем я? – «М» звучал несколько смущенно, так было всегда, когда он обсуждал «медовые операции», как они именовались в шпионских кругах. – Мы их прощупали. И остались довольны. Немножко понатаскали по оперативной части. Двух из них даже свозили на какое-то время на Запад... – Он сделал паузу: мимо прошла группа нянь, кативших детские коляски, обсуждая своих работодателей. - Потребовался год, чтобы спланировать «Торт». Мы многого добились, и почти без посторонней помощи. Мы поймали на крючок одну женщину - шишку из КГБ, настоящей старой закваски, и заарканили пару высокопоставленных чинов ГУ. Кроме них была еще одна крупная рыбина, очень опасная. А через какое-то время все провалилось, да так внезапно, что нас еле-еле успели предупредить. Остальное ты знаешь. Мы привезли их домой и позолотили им ручки: они получили дома, образование, карьеры. Мы поимели с этого много выгоды, 007. И вот, на прошлой неделе убивают одну из девушек.

-Надеюсь, не одну из тех, что я...

-Нет. Но эти убийства нас сразу насторожили. Мы ни в чем не могли быть уверены. Не могли сообщить в полицию. Мы и сейчас не можем. А теперь они убрали вторую, девушку по фамилии Хэммонд из Нориджа. – Он глубоко вздохнул. – Они просигналили нам громко и отчетливо этой дикостью с языками. Быть может, это дело рук КГБ, возможно, ГУ, или даже ГРУ. Но как бы там ни было, осталось еще две девушки и один представительный молодой человек. И их надо спасти, 007. Перевезти в безопасное место, и охранять, пока мы не уничтожим команду киллеров.

-И я тот, кто должен спасти их?

-В общем, да.

Бонду была очень хорошо знакома эта хрипота в голосе шефа.

Глядя куда-то в сторону, «М» продолжал:

-Сам понимаешь, это далеко не легкая операция.

-Легких операций вообще не бывает. – Бонд вдруг понял, что пытается хоть как-то приободрить самого себя.

-Но эта – крайне сложная, 007. Нам известно, где находятся двое из них – две девушки, которых, кстати, привез ты. А вот с молодым человеком дела обстоят гораздо хуже. Известно, что он был на Канарских островах. – «М» тяжело вздохнул. – Между прочим, одна из девушек в Дублине.

-Значит, до девушек можно добраться быстро?

-Решать тебе, Джеймс. – Редко когда «М» обращался к Бонду по имени. Сегодня он делал это уже третий раз. – Я не могу дать санкцию на спасательную операцию. Я не могу приказывать тебе.

-Ого!

-В случае, если что-то пойдет не так, нам придется отречься от тебя, даже перед нашей полицией. Когда операция «Торт» провалилась, сторожевые псы из Министерства иностранных дел отдали нам четкий приказ: эвакуировать всех участников операции, снабдить каждого новой легендой и оставить в покое. Никаких дальнейших контактов. Если я обращусь к власти предержащим с просьбой о протекции этих людей, а потом попытаюсь воспользоваться одним из них вместо приманки, чтобы разделаться с киллерами, то получу бездушный ответ типа...

-Пускай они сами свои торт и кушают, - мрачно заметил Бонд.

-Точно. Пускай мрут себе, а вы забудьте об этом. Никаких компромиссов. Никаких связей.

-Так, что же вы хотите, сэр?

-А я уже сказал. Ты получишь фамилии и адреса. Я введу тебя в курс дела, разрешу порыться в личных делах, даже в полицейских рапортах об убийствах, которые мы, конечно же, ...э-э-э... приобрели. Это займет у тебя остаток дня. Я предоставлю тебе пару недель отпуска. Или в противном случае ты продолжаешь выполнять свои обычные обязанности. Понимаешь?

-Хорошо. – Голос Бонда был тверд. – Введите меня в курс дела и дайте отпуск. Я спасу их...

-Но это неофициально. Я даже не смогу позволить тебе воспользоваться нашими конспиративными квартирами...

-Я сам позабочусь об этом, сэр. Введите меня в курс дела, а я выручу их и доберусь до киллеров. И уж постараюсь, чтобы никто, кроме хозяев этих киллеров не узнал о том, что происходит.

Тишина, кажется, длилась вечность. Затем «М» глубоко вздохнул.

-Я сообщу тебе фамилии и номера личных дел для Архивного отдела по дороге обратно в фирму. После, ты получишь двухнедельный отпуск. И желаю тебе удачи, 007.

Бонд знал, что одной удачей ему будет не обойтись.

- 3 -

Будь элегантней Дэйр

Секреты Архивного отдела, находившегося на третьем этаже, оберегали девушки. Они носили обычные джинсы и рубашки, хотя еще несколько лет назад у них была своя «униформа»: гарнитур из жакета и джемпера, жемчужные украшения и отменного покроя юбка от Хэрродс или от Харви Николса. Но с тех пор, как правила смягчились «М» даже подходил к этому отделу крайне редко, но информацию для Бонда дал исчерпывающую.

В парке он быстро продиктовал Джеймсу фамилии и индексы дел, заставил его все повторить и сказал сделать еще один круг по внутренней круговой аллее парка. И только потом «М» и агент 007 вернулись в то огромное безликое здание, в котором располагался штаб Сикрет Сервис.

Высокая, загадочного вида богиня записала под диктовку Бонда имена с индексами и вручила записку вахтенному офицеру, которого звали Ровена МакШайн-Джонс, а для всех – просто Солнышко³. Девушка не задала ни единого вопроса, даже бровью не повела. Мисс МакШайн-Джонс лишь кивнула, и компьютеры принялись за работу. По прошествии пяти минут Богиня вернулась с толстой пластиковой папкой, помеченной красным, что означало гриф «Совершенно секретно». На обложке виднелась дата и следующие слова: «Выносить из здания запрещается. Вернуть до 16:30». Бонд знал, что если он игнорирует указание вернуть документы, то кто-нибудь из хранительниц Архива все равно разыщет его и заберет документы, затем пропустит их через шредер и сожжет. Ну а если он вздумает просто на просто вытащить их из папки, не говоря уже о том, чтобы вынести из здания, то тогда сработает «умный» микрочип, спрятанный в корешке папки, и просигналил об этом.

Придя в свой кабинет, на столе Бонд нашел папку с таким же грифом секретности, с одной лишь разницей: ее надлежало вернуть на девятый этаж, то есть лично в руки «М».

Просмотрев обе папки за час, Джеймс отложил в своей памяти всю информацию. Еще один час провел, сверяя содержимое памяти с содержимым документов. После вернул первую папку в Архивный отдел, а другую понес в кабинет «М».

³ Шайн – сиять (англ.)

-Думаю, что он меня примет, - сказал Бонд, улыбнувшись мисс Манипенни, когда зашел в приемный кабинет.

-Снова отпуск, Джеймс? Он говорил, что тебе, возможно, захочется взять отпуск на какое-то время.

-Лишь из-за непредвиденных семейных обстоятельств. – Бонд посмотрел ей прямо в глаза, как умелый лицемер.

Манипенни вздохнула:

-Эх, если бы я была причиной твоих семейных обстоятельств. Я ведь знаю, какие такие обстоятельства ты сфабриковал ради своего отпуска.

-Пенни, если бы все обстояло именно так, то это было бы как нельзя лучше.

Зазвенел инерком, и из динамика раздался четкий голос «М»:

-Если это 007, Манипенни, пусть заходит, и прекратите балаболить. Когда вы собираетесь вместе, то становитесь похожими на парочку старых посудомоек.

Манипенни подарила Бонду душещипательный взгляд и закатила глаза. Тот лишь улыбнулся сварливости своего шефа и, видя, что над дверью зажглась зеленая лампочка, вежливо и коротко кивнул Манипенни и прошел в его кабинет.

-Зашел вернуть вам эти жуткие документы, сэр.

Он положил папку на стол. В ней были полицейские рапорты о двух убийствах и шокирующие фотографии. Насильственная смерть всегда легче смотрится наяву, нежели когда она навеки запечатлена фотокамерой. Затылки обеих девушек были раздроблены, языки - после смерти отрезаны с хирургической аккуратностью. Детектив, ведущий расследование, был уверен, что убийца отлично разбирается в медицине. Согласно рапортам, почти не оставалось сомнений в том, что оба убийства были совершены одним, или одними и теми же людьми.

«М» молча пододвинул папку к себе.

-Манипенни сказала, что тебе нужно две недели отпуска для решения личных дел, 007. Так, нет?

-Так, сэр.

-Отлично. Тогда ты свободен. Надеюсь, что у тебя все сложится хорошо.

-Благодарю вас, сэр. Я думаю, что перед уходом зайду в отдел «Кью». Но к шести мне обязательно нужно быть в отеле «Мэйфэйр».

«М» кивнул. Он был доволен – это на какую-то секунду промелькнуло в его ледяных серых глазах. Мужчины обменялись взглядом молчаливого понимания. Из оставшихся трех потенциальных жертв ближе всех находилась Хейзер Дэйр: она владела салоном красоты за углом у отеля «Мэйфэйр». Это было

приятным совпадением, потому что Бонд иногда ужинал в ресторане этого отеля, считая «Ле Шато» особенно хорошим, причем не только за его превосходнейшие блюда, но и за безопасность и уединение, которые могли предложить полдюжины столиков, надежно укрытые от глаз и ушей других посетителей в укромных альковах.

«М» отпустил Бонда почти небрежным взмахом правой руки, и тот отправился в недра здания штаба к Оружейнику - майору Бутройду, который заведовал отделом «Кью». Вышло так, что майора на месте не оказалось и отделом руководила его опытная ассистентка – длинноногая Энн Рейлли, носившая очки, но нисколько не терявшая от этого свою бесстыдную аппетитность. В Секрет Сервис все звали ее просто Кьют. В начале своей карьеры в отделе «Кью» она виделась с Бондом очень часто, но с годами и ввиду ненадежного жизненного графика агента 007 их отношения превратились в чисто дружеские.

-Джеймс, вот так здорово, - сказала она в приветствие. – Чем же мы обязаны такому счастью? Уж не наклеывается ли что-нибудь новенькое, а?

-Да вот, ухажу на пару недель в отпуск. Думал: может, возьму с собой пару вещичек.

Он намеренно не стал вдаваться в детали. Если бы он отправлялся в обычный отпуск, то ему следовало выписать себе телефонный скремблер СС-500. Но в этот раз он решил послушать, что сейчас разрабатывают в отделе, и, возможно, забрать какие-нибудь новые миниатюрные приспособления.

-У нас как раз имеется несколько вещичек на испытание. Может быть, ты захочешь взять их опытные образцы? – Кьют ухмыльнулась, играючи поманив его. – Прошу в мою опочивальню, - сказала она, и Бонду подумалось, а не дал ли ей «М» какие-нибудь специальные инструкции.

Они пошли быстрым шагом по длинной комнате, в которой молодые люди в рубашках с короткими рукавами сидели за компьютерами, а другие, пользуясь огромными увеличителями с подсветкой, работали с миниатюрными радиодетальями.

-Теперь, - сказала Кьют, - все хотят, чтобы размер был как можно меньше, а радиус действия и объем памяти – как можно больше.

-Ты это о чем?

Теперь очередь улыбнуться пришла Бонду, хотя глаза его даже не посветлели. В голове вертелись фотографии двух зверски убитых молодых девушек, но он, разумеется, понимал, что Кьют имела в виду подслушивающие устройства, всевозможные сигнализации, тайники и современные орудия убийства.

Он ушел через полтора часа, забрав с собой несколько миниатюрных приспособлений, включая обязательный скремблер СС-500. Но скремблер, согласно полученным инструкциям, агенту 007 был бесполезен, поскольку и «М» и Министерство иностранных дел не признают его до полного завершения задания. В дверях своего офиса Кьют нежно положила свою ладонь на руку Бонда.

-Если тебе понадобится что-нибудь отсюда, просто позвони, и я лично привезу тебе все.

Он посмотрел ей в глаза и понял, что был прав: Кьют все-таки получила от «М» какие-то инструкции.

«Эвакуировать всех участников операции, снабдить каждого новой легендой и оставить в покое», - сказал «М». Бонд понимал, что это означает. Это все равно, что быть вычеркнутым из завещания богатого родственника. И если он провалит задание, его постигнет та же участь, что и агентов операции «Торт».

Сев в свою машину «Бентли Мулсанн Турбо», упрятанную в подземном гараже, Бонд проверил девятимиллиметровый автоматический пистолет «АСП», запасные обоймы и телескопическую стальную дубинку. Имея в багажнике дорожный чемодан с недельным запасом одежды, к «уличной работе» – как ее называли инструкторы - он был готов. Бонд завел мотор, плавно выкатил машину из паркового пространства и вырулил по эстакаде на залитые весенним солнцем улицы Лондона, чувствуя, как буквально на каждом тротуаре таится смерть.

Через каких-то двадцать минут он уже шел по тем самым тротуарам, проходя мимо «Ланганс Бразерье», чья броская красная неоновая вывеска на Страттон-стрит горит даже в полдень. Свой автомобиль Бонд оставил у отеля «Мэйфэйр», передав его в руки швейцара в синей ливрее, на лацкане которого был скромно приколот значок парашютного полка. Джеймс знал, что машину быстренько поставят на парковый счетчик и присмотрят за ней в его отсутствие.

До салона красоты «Будь элегантней Дэйр», находившегося в конце Страттон-стрит, он дошел буквально за три минуты.

Почему у девушки фамилия Дэйр он понимал: это был дословный перевод с немецкого ее настоящей фамилии - Ваген. Откуда же взялось имя Хейзер – знали лишь люди из отдела Службы, заведующего перераспределением.

Окна салона были тонированными, а жирные золотые буквы, призывавшие всех быть элегантней Дэйр, сопровождала эмблема: женщина с короткой стрижкой, манерно держащая сигаретный мундштук. Малюсенькое фойе было устлано ворсистым ковром, а на стене висела забавная репродукция художника Курасаки. Дверь

лифта была позолоченной, а кнопка украшена миниатюрной эмблемкой Дэйр.

Бонд нажал кнопку, зашел в зеркальную кабину, и ее бесшумно понесло вверх. Как и фойе, кабина была устлана темно красным пышным ковром. Лифт плавно остановился, и Бонд оказался в другом фойе. Двустворчатая дверь вела в комнаты, где клиентки отдавались во власть сушильных аппаратов, профессиональных парикмахеров, косметических и простых массажистов. Здесь был такой же красный ковер, еще одна работа Куросаки, а справа – дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен». Прямо перед ним, за полукруглым столиком сидела золотистая блондинка, одетая в строгий черный костюм и белую шелковую рубашку с отливом. Создавалось впечатление, будто ее лицо начисто вычищено от малейшей пылинки или капельки жира, а судя по виду прически – каждый волосок зацементирован навеки в своем положении. Ее губы расплылись в ободряющей улыбке, а глаза спрашивали: какого черта мужчина делает в женском святилище? С подобным настроением Бонда встречали его коллеги из МИ-5 в своей штаб-квартире.

-Могу я чем-нибудь вам помочь, сэр? – Она говорила как продавщица, подражающая манерной медлительности аристократки.

-Очень возможно. Я хочу видеть мисс Дэйр, – сказал Бонд, предъявив ей свою фирменную неискреннюю улыбку.

С непроницаемым выражением лица девушка ответила, что очень сожалеет, но мисс Дэйр днем не было. В ее ответе отсутствовала убедительность, а взгляд на миг устремился в сторону двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен». Бонд вздохнул, достал пустую визитку, написал на ней одну строчку и подтолкнул визитку к девушке.

-Будьте умницей и передайте ей это. А я пока присмотрю здесь за всем. Это очень важно, и потом я уверен, что вам бы не захотелось, чтобы я вошел без приглашения.

Девушка засомневалась, тогда Бонд сказал, что мисс Дэйр может взглянуть на монитор, и кивнул в сторону телекамеры, расположенной высоко в углу у двери, – и если ей не понравится его лицо, то он просто уйдет. Блондинка все равно никак не могла принять решение, тогда он добавил что это официальное дело и взмахнул перед ней удостоверением – с виду солидной, ламинированной карточкой, покрытой разноцветными надписями, которые в сущности ничего не значили (его настоящее удостоверение было совсем другим: из обыкновенного пластика и хранилось в маленьком кожаном чехольчике).

-Если вы подождете минутку, я посмотрю, вернулась ли она. Потому что я точно знаю, что мисс Дэйр сегодня уходила.

Когда девушка исчезла за дверью с табличкой «Посторонним вход воспрещен», Бонд повернулся лицом к телекамере. На карточке он написал: «Я пришел с миром, принес вам гостинцы. Вспомните о галантных подводниках». Прошло пять минут, но записка подействовала словно чары. И вот уже золотистая блондинка ведет его через дверь, по узкому коридору и вверх по ступенькам к очередной массивной двери.

-Она сказала, чтобы вы заходили.

И Бонд зашел. И сразу же уставился на противоположный от рукоятки конец предмета из вороненой стали, который, судя по размеру и форме, был «Кольт Вудсман», модель «Матч Таргет». В Соединенных Штатах его называли бы «пуколкой», но даже такой пуколкой можно убить, и Бонд всегда держался с почтением в присутствии подобного оружия, особенно когда его держали так твердо и целились прямо в него.

-Ирма, - сказал он несколько изумленным тоном. – Ирма, пожалуйста, уберите пистолет. Я пришел, чтобы помочь вам.

Говоря это, Бонд заметил, что в комнате не было другого выхода, и что Хейзер Дэйр (участница операции «Торт», урожденная Ирмой Ваген) стояла в правильной позе: ноги слегка раздвинуты, спиной к противоположной стене, в левом углу. Ее глаза смотрели на него, не двигаясь.

-Так это действительно вы, - сказала она, не опуская пистолет.

-Во плоти, - ответил он со своей самой искренней улыбкой, - а вот вас, если честно, я еле узнал. Последний раз, когда мы виделись, вы были похожи на сверток из свитеров, джинсов и страха.

-А теперь остался один страх, - сказала она без намека на улыбку.

В выговоре девушки не осталось ни капельки немецкого акцента. Хейзер Дэйр целиком и полностью вжилась в свою легенду. Она стала очень привлекательной, с виду абсолютно уверенной в себе брюнеткой. Высокая, стройная фигура и длинные, красивые ноги. И надо сказать, что далеко не последнюю роль в ее элегантности сыграл тот бизнес, в котором за последние пять лет она здорово преуспела. Но под этой оболочкой чувствовался твердый характер, и не исключено, что упрямый нрав.

-Да, я понимаю ваш страх, - ответил он. – Вот почему я и здесь.

-Не думала, что они кого-нибудь пришлют.

-Они и не посылали. Это личная просьба. Так что я сам по себе, но я опытный профессионал. А пока, опустите пистолет. Я хочу

отвезти вас куда-нибудь в безопасное место. Мне нужно вашу троицу собрать в одну кучу, пока вы все еще живы.

Она медленно покачала головой:

-Нет, мистер...

-Бонд. Джеймс Бонд.

-Нет, мистер Бонд. Эти сволочи уже добрались до Франци и Элли. И я должна постараться, чтобы они не добрались до остальных моих друзей.

По-настоящему мисс Хэммонд звали Франциской Траубен, а Миллисент Зампек - Элеонорой Цукерман.

-Так я об этом и говорю. – Бонд шагнул вперед. – Вы спрячетесь в безопасном месте, где вас никто не найдет. А уж я разберусь с этими сволочами.

-Тогда, куда вы поедете, туда поеду и я. Пока это все не закончится – будь то хорошо или плохо.

Бонд повидал на своем веку достаточно женщин и понимал, что такое упрямство невозможно ни переубедить, ни как-то объяснить. На какое-то мгновение он залюбовался ее стройной фигурой, облаченной в элегантный серый костюм, подчеркнутый розовой блузкой и кулоном на тонкой золотой цепочке. Костюм сильно смахивал на Французский. «Из Парижа, - подумал он, - скорее всего, от Дживанши.»

-А вы хоть представляете себе, каким образом нам справиться со всем этим, Хейзер? Я буду называть вас Хейзер, да? А не Ирма?

-Хейзер, - тихо пробормотала она. После долгой паузы добавила: - Простите меня, ведь я назвала их настоящими именами. Да, я думала о себе как о Хейзер с того самого момента, как ваши люди выпустили меня в свет с новым именем. Но мне никак не привыкнуть, что вся наша шайка теперь скрывается под новыми личинами

-Вы что? в операции «Торт» пересекались друг с другом? Я имею виду: знали друг друга? Знали, у кого какая мишень?

Она быстро кивнула:

-И по настоящим именам и по псевдонимам. Да, мы пересекались друг с другом; знали, кто наши мишени, и кто наш шеф. Никаких связей. Вот почему Эмили и я были вместе, когда вы забрали нас с этого пляжика. – Она запнулась, потом нахмурилась, замотав головой. – Простите, я хотела сказать: Эбби. Эмили Николас теперь Эбби.

-Эбби Хэритидж, да?

-Правильно. Так случилось, что мы - старые подруги. Я говорила с ней этим утром.

-Она в Дублине?

Хейзер улыбнулась:

-А вы неплохо проинформированы. Да, она в Дублине.

-По открытой линии? Вы говорили по открытой линии?

-Не волнуйтесь, мистер Бонд...

-Джеймс.

-Хорошо. Не волнуйтесь, Джеймс. Я сказала ей только два слова. Понимаете, до того как открыть этот салон, некоторое время я часто виделась с Эбби. Для открытой линии мы разработали простую систему кодовых фраз. К примеру: «Элизабет заболела» и ответ: «В полдень приеду».

-И что это означает?

-То же самое, что и «Как твоя мама?». В операции «Торт» эта ключевая фраза, брошенная в разговоре, была предупреждением. Слово «мама» - сигналом: «Тебя раскусили. Предпринимай соответствующие действия».

-То же самое, что и пять лет назад.

-Да, и вот нам опять нужно предпринимать соответствующие действия. Понимаете, Джеймс, я была в Париже. И только этим утром прилетела обратно. В самолете я прочитала об убийствах. И я сразу же поняла в чем дело. Если бы совершили только одно убийство, то нас бы это насторожило, но два, да еще... язык... - Впервые она выглядела потрясенной. Она сглотнула, собираясь с мыслями. – Языки не оставляют никаких сомнений. Очаровательное предупреждение, да?

-Довольно громкое.

-Предупреждения и вендетты редко бывают тихими. Вы знаете, как Мафия поступает в своей семье с прелюбодеями?

Он быстро кивнул.

-Приятно мало, но там есть своя логика. – Ему вдруг вспомнился последний из таких случаев, когда жертве отрезали гениталии.

-В том, что отрезают именно языки, есть тоже своя логика.

-Вообще, вы правы. Но тогда что же означает эта фраза - «Элизабет заболела»?

-Что мы провалились. Поэтому встретимся в назначенном месте.

-И где это?

-Это там, куда я направляюсь рейсом компании «Аэр Лингус» из аэропорта Хитроу, в 8.30 вечера.

-В Дублин?

Она снова кивнула:

-Да, в Дублин. Там я возьму напрокат машину и отправлюсь на встречу. Эбби ждет меня с этого полудня.

-И тот же самый сигнал вы отправили Фрэнку Бэйзли, или Францу Бельзингеру? Тому, кто известен как Джангл?

Она до сих пор была напряжена, но все же слегка улыбнулась:

-Он всегда был шутником. Немного рисковым. Его псевдоним был Вальд, по-немецки – лес. Теперь он называет себя Джангл. Нет, мне не удалось передать ему послание, потому что я не знала, где он находится.

-А я знаю.

-Где?

-Очень далеко отсюда. А пока скажите мне, где вы встречаетесь с Эбби?

На секунду она задумалась.

-Ну давайте же, - настаивал Бонд. – Я пришел, чтобы помочь вам. Я все равно поеду с вами в Дублин. Я должен. Где вы с ней договорились встретиться?

-Ну, мы решили и уже очень давно, что лучший способ что-нибудь спрятать – это положить на видное место. Поэтому остановили свой выбор на «Эшфордском замке» в графстве Майо. Это отель, в котором останавливался президент Рейган.

Бонд улыбнулся. Чувствовался профессионализм. «Эшфордский замок» – роскошный и дорогой отель, и последнее место на земле, где киллерам взбретет в голову искать их.

Он сказал:

-Так, давайте сделаем вид, будто у нас деловая встреча, хорошо? И не возражаете, если я воспользуюсь вашим телефоном?

Она села за свой длинный стол и положила пистолет «Вудсман» в ящик. Затем раскидала бумаги и подтолкнула к нему телефон. Бонд позвонил в «Хитроу», в кассы авиакомпании «Аэр Лингус» и под фамилией Болдман забронировал себе билет на рейс EI-177.

-Моя машина прямо за углом, - сказал он, вешая трубку. – Мы уйдем отсюда где-нибудь в семь. К тому времени уже стемнеет, и я надеюсь, что весь ваш штат разойдется по домам.

Она глянула на свои изящные часики от Картье, и ее брови поднялись.

-Они закончат уже очень скоро...

Словно в подтверждение этому зазвонил телефон. Бонд предположил, что звонила та самая блондинка, поскольку Хейзер сказала, что все свободны. Сама она будет работать допоздна с тем джентльменом, который зашел, и проследит, чтобы все двери в здании были закрыты. Попрощавшись до утра, она повесила трубку.

Пока яркий весенний день увядал, а грохот уличного движения на Пиккадилли затихал, они сидели и говорили - Бонд осторожно и

мягко расспрашивал девушку об операции «Торт». Он выяснил гораздо больше, чем сегодня утром из досье. Оказалось, что именно Хейзер Дэйр была ответственна за поднятие паники, это она позвонила всем остальным участникам операции, сказав ключевую фразу: «Простите, но Густав отменил ужин». Она вела их главную мишень, полковника Максима Смолина, который в то время был заместителем начальника ГУ. Заодно девушка невольно рассказала Бонду много чего о себе самой и о подноготной «Торта», и его насторожили кое-какие несоответствия: либо некоторые детали не попали в досье, которые он изучал, либо были оттуда удалены.

Когда наступило без пяти семь, Бонд спросил, если ли у нее плащ. Она кивнула, подошла к шкафчику, утопленному в стену, и накинула на себя белый плащ. Плащ слишком уж сильно бросался в глаза и был явно французского производства, ведь только у французов получалось шить плащи со вкусом. Бонд приказал ей запереть ящик с «Вудсманом». Затем они вышли из ее офиса и направились к лифту, по дороге везде выключая свет. Когда лифт с тихим шипением доставил их на первый этаж, в кабине внезапно сам собой погас свет. Двери открылись: маленькое фойе было погружено в сумерки.

Вдруг Хейзер завопила, потому что на нее ураганом набросился убийца.

- 4 -

Увертки и нырки

Человек, ворвавшийся в кабину лифта, по всей видимости думал, что Хейзер одна. Позже Бонд понял: все, что тот видел в сумерках фойе – это белый плащ девушки, ведь она шагнула из лифта сразу же после того, как двери открылись. Джеймса швырнуло на зеркальную стену кабины, и он, захваченный врасплох, не знал что лучше – лезть за пистолетом или дубинкой. Но мешкать было нельзя. Убийца уже схватил одной рукой Хейзер за плечо и разворачивал девушку, а другой замахнулся над ее головой предметом, похожим на огромный молоток. Скользя по стеклянной стене, отчаянно стараясь не потерять равновесие, Бонд с силой выкинул вперед правую ногу, нанеся прямой удар пяткой по голенищу бандита. Он почувствовал, как его ботинок угодил в цель, и услышал сдавленный рык: убийца промахнулся, молоток прошел в нескольких дюймах от головы Хейзер и угодил в зеркало на задней стене кабины, разнеся его вдребезги.

Пока бандит пытался восстановить равновесие, Бонд вытащил из висевшей на правом бедре кобуры телескопическую дубинку и резко встряхнул ее - стальные трубки дубинки со щелчком закрепились в разложенном положении, и получилось довольно серьезное оружие. Бонд ударил им парня по шее. Тот упал, даже не вскрикнув. Был лишь слышен тупой удар стальной дубинки, а за ним царапающий звук, когда киллер пропахал лицом по осколкам стекла.

Внезапно наступила тишина, которую подчеркивали лишь сдавленные всхлипывания Хейзер. Бонд попробовал нащупать выключатель аварийного освещения кабины лифта. Его рука коснулась панели управления, и двери начали закрываться. И снова открылись, поскольку сработал защитный механизм, когда двери наткнулись на ноги лежащего в проходе бандита. После того, как это повторилось три раза, Бонд все же нашел нужную кнопку, и кабина залилась светом.

Хейзер забилась в дальний угол, подальше от неподвижного тела, облаченного в черные джинсы, черную водолазку и перчатки. Волосы у незнакомца были тоже черного цвета, но бордовые струйки крови придавали ему какой-то дикий, панковский вид. В разбитом зеркале отражались алые пятна, а паутиноподобная трещина рождала калейдоскопическую картинку из черного и красного.

Правой ногой Бонд перевернул тело. Парень остался жив. Его рот был широко распахнут, а лицо, которым он ударился о стекло, от основания волос до рта - усеяно порезами. Некоторые из ран выглядели очень глубокими, но слышалось частое дыхание, и кровь вроде бы текла не слишком сильно. Бонд прикинул, что когда парень очнется, то скорее всего будет чувствовать больше боли от его ударов, чем от порезов.

-Пара таблеток аспирина, и он будет в полном порядке, - пробормотал Бонд.

-Миша! - с яростью произнесла Хейзер.

-Вы знаете его?

-Один из громил, которых они держат в Берлине; обучался в Москве. – Говоря это, Хейзер пятилась в сторону, стараясь отодвинуться как можно дальше от типа, которого она назвала Мишей. Тем временем двери все продолжали закрываться и открываться, ударяясь о Мишины ноги в каком-то монотонном барабанном ритме.

-Ну и настойчивые же твари – эти двери в лифтах, - сказал Бонд, склонившись над телом несчастного Миши. Поискав, он вытащил из-под него оружие, предназначавшееся для затылка Хейзер. Это был совершенно новый плотничный молоток. Он взвесил его в руке: тяжелый, деревянная рукоятка и огромный боек. Бонд протер рукоятку носовым платком и положил молоток на пол. Нагнувшись снова, он начал обыскивать тело на наличие любого другого спрятанного оружия.

-Ничего, нету даже карманной мелочи, ни пачки сигарет, - констатировал Бонд, выпрямившись. – Хейзер, нет ли часом из этого чертового здания другого выхода? Пожарного или что-нибудь в этом духе?

-Есть. Железная зигзагообразная лестница на задней стене салона. Я установила ее, когда делала капитальный ремонт. А почему вы спрашиваете?

-Потому что, везунчик Хейзер – а вам, сладкая моя, повезло чертовски, – наш друг Миша пришел не один. Он не может быть один, если считать, что товарищ Максим Смолин решил поступить с вами также свирепо, как и с двумя другими девушками.

-Но Максим не стал бы... - начала она и, промолчав, спросила: - Но почему?

-У Миши с собой был лишь инструмент, которым он хотел разmozжить вам череп. Нет ни ножа, ни маленького медицинского инструмента для быстрого отрезания языков – а ведь именно это их фирменный знак, а?

Она робко кивнула. Бонд пнул молоток в угол кабины, схватил бесчувственного Мишу за воротник свитера и, без труда подняв его, вытолкнул в фойе. Освободив двери, Бонд ударил ладонью по верхней кнопке. Лифт бесшумно поднял их ко входу в салон красоты. Открыв компактный металлический шкафчик в стене, Хейзер отключила сигнализацию. Затем толкнула двустворчатую дверь.

-Свет не включать, - скомандовал Бонд. – Ведите.

Он почувствовал, как она взяла его за руку (для девушки, которая только что избежала неминуемой смерти ладонь была поразительно холодная) и повела мимо раковин и сушилок парикмахерского салона, а затем по коридору, стены которого были буквально утыканы дверьми гигиенически белого цвета. Коридор заканчивался дверью, над которой светилась надпись «Запасной выход» красного цвета, она была заперта на засов. Когда, открыв ее, они выбрались на металлическую площадку, их обдало вечерним холодком. Отсюда казалось, что протяни руку и ты коснешься стен соседних домов. Справа находилась шаткая зигзагообразная лестница, ведущая вниз.

-И как же мы выберемся? Оттуда, я имею ввиду? – спросил Бонд, посмотрев вниз. Там был виден лишь малюсенький дворик, окруженный высокими стенами зданий.

-Внизу – дверь. Ей пользуются лишь те, у кого есть ключи. У нас четыре экземпляра, у каждого из моих менеджеров – у менеджера отдела парикмахеров, консультации по красоте, массажа, - и один у меня. Дверь ведет в коридор, идущий параллельно залу автомобильного салона, а в конце другая дверь. Обе двери открываются одним и тем же ключом. Вторая дверь выходит прямо на Беркели-стрит.

-Тогда побежали! Вперед!

Она повернулась к пожарной лестнице, одна рука уже на перилах, но в этот момент Бонд услышал за дверью быстро приближающийся топот.

-Быстрее! – Голоса он не поднимал. – Спускайтесь вниз, но только не запирайте за собой двери. На против отеля «Мэйфэйр» припаркован темно зеленый «Бентли». Зайдите в фойе и ждите меня. Если увидите, что я тороплюсь и обе руки видны, бегите к машине. Если моя правая рука будет в кармане и я не спешу, затеряйтесь в толпе на пол часа, потом возвращайтесь и снова ждите. Те же сигналы с получасовым интервалом. А сейчас, бегите!

Она замешкалась на секунду, но потом начала спускаться. Девушка увеличила темп, и лестница стала сильно раскачиваться. Бонд тем временем метнулся к пожарной двери, достал свой

девятимиллиметровый пистолет «АСП» и прижал к бедру. Топот становился все громче, и когда он прикинул, что расстояние то, что надо, резко дернул на себя дверь. Бонд сделал это по всем правилам, выделив себе времени только на то, чтобы убедиться, что его мишени не полицейские, которые скорее всего будут не слишком дружелюбны, зная, что он потенциальный преступник.

То что эти люди были не полицейские, не приходилось и сомневаться, если только Лондонские силы правопорядка не решили теперь пользоваться «кольтами» сорок пятого калибра без предупреждения. Как только Бонд показался, люди, с топотом бежавшие по коридору, заскользив остановились. Странно, но они включили в коридоре свет, из-за чего их очень хорошо было видно. Хотя, как прекрасно понимал Бонд, он и сам – такая же отличная мишень, даже не смотря на то, что стоял боком, как постоянно говорили на курсах ближнего боя.

Убийц было двое. Двое мускулистых парней. Один бежал позади другого. Тот, что впереди выстрелил, его громадный «Кольт» прогрохотал в стенах коридора словно бомба. От дверного косяка отлетел огромный кусок со щепками, оставив в нем большую дыру. Вторая пуля прошла между Бондом и косяком. Он почувствовал рядом с головой ее свист, но к этому моменту тоже выстрелил, низко, чтобы попасть по ногам, ведь его пистолет «АСП» всегда был заряжен страшными пулями Глейзера. Ими он мог запросто убить. Мелкая дробь двенадцатого номера, находящаяся в жидком тефлоне внутри мягкой оболочки пули, взорвалась бы прямо в теле. А Джеймс Бонд не горел желанием кого-либо убивать. Заявление «М» было вполне четким: «В случае, если что-то пойдет не так, нам придется отречься от тебя, даже перед нашей полицией». Бонд не хотел, чтобы от него отреклась его же собственная Служба, ведь тогда он загремел бы за убийство в каталажку. Он дважды нажал на курок, пустив в каждую стену по пуле, - раздался визг от боли и крик. Бонд развернулся и помчался вниз по пожарной лестнице. Хейзер уже нигде не было видно.

Когда Бонд подбежал к двери, которую Хейзер оставила открытой, ему показалось, что сверху раздался еще один крик. Он забежал в дверь и захлопнул за собой, заперев на «американский замок». Затем кинулся по коридору к двери, которая вела на улицу. Через какие-то секунды Бонд был уже там. Он свернул влево, потом снова влево, держа обе руки на виду. Тут же откуда-то появился швейцар с ключами его машины и отпер «Бентли». Бонд щедро наградил швейцара чаевыми и небрежно улыбнулся Хейзер, которая выйдя из главного входа отеля перешла улицу.

Машина была припаркована носом к Беркели-стрит. Заведя мотор, Бонд свернул влево и объехал площадь Беркели. Затем снова повернул налево, потом направо, проехал мимо эксклюзивного отеля «Коннат», и свернул влево на Гросвенор-сквер, потом проехал по Верхней Гросвенор-стрит и слился с интенсивным движением на Парк-лейн.

-Смотрите в оба, - сказал он Хейзер, которая молча сидела рядом. - Я полагаю, что вы сможете засечь хвост. Я поеду через парк, по Эксхибишн-роуд, а потом прямо к шоссе М-4. Думаю, что вам не нужно напоминать правила, но если вы все же забыли...

-Я не забыла, - отрезала она. - Увертки и нырки, да?

-Правильно, это называется именно так. Как в самолете - никогда не летите по прямой дольше чем пол минуты. Всегда присматривайте за своим тылом. Всегда запутывайте следы.

-Даже тогда, когда им известно, где вы, - добавила она едко.

-Верно. - Бонд ухмыльнулся, но в выражении его лица все еще сквозило что-то жестокое. - А, кстати, как вы собирались поступить со своим багажом, Хейзер?

-У меня дома собранный чемодан. Но какой теперь толк!

-Придется купить зубную щетку в аэропорту. Остальное может подождать до Ирландии. Вы забронировали билет под своей фамилией?

-Да.

-Что ж, вам придется отменить бронь. Будем надеяться, что список пассажиров еще не слишком длинный. Позвоним со станции автосервиса. Эти двое - скорее всего, люди Смолина; ожидали найти ваш изувеченный труп, чтобы отрезать язык. Судя по их виду, они способны на это.

-А вы...?

-Убили их? Нет, но по крайней мере один из них ранен; может быть, оба. Я не останавливался, чтобы посмотреть. Вы пока что придумайте себе подходящую фамилию.

-Смит.

-Нет. Правило гласит: никаких Смитов, Джонсов, Гринов и Браунов. Вам нужно выдумать что-нибудь более убедительное.

-Арлингтон, - сказала она. - Как Арлингтон-стрит. Звучит солидно.

-Точно также называется одно кладбище в США. Может оказаться плохой приметой, но все равно пойдет. Ну как? За нами пока еще никто не едет?

-Позади ехал какой-то «Ягуар»-XL, который мне не понравился, но он свернул на Мэрлоус-роуд. Думаю, что все чисто.

-Отлично. А теперь слушайте, Хейзер. Вы отмените бронь у «Аер Лингус», и попытаетесь достать себе место на фамилию Арлингтон, как только мы приедем туда. Обо всем остальном позабочусь я. Хорошо?

-Как скажете. – Она была вполне спокойна. В холодном, собранном тоне ее голоса Бонд почувствовал лишь легкое напряжение, но степень ее профессионализма определить так и не мог.

На шоссе М-4 они остановились на первой же станции автосервиса, которая находилась в милях трех от въезда в аэропорт «Хитроу». Бонд направил девушку к пустой телефонной будке, а сам принялся слоняться около второй, ожидая, пока ее освободит одна женщина, собиравшаяся, судя по всему, позвонить по всем номерам из своей записной книжечки. В конце концов он занял будку, которую освободила Хейзер. Она кивнула ему, подтвердив, что отменила бронь. Бонд поискал в голове нужный телефон и позвонил в аэропорт «Хитроу», в кассы компании «Бритиш Эйруэйс». Он спросил, есть ли свободные места на аэробус в Ньюкастл вылетом в 20:15. Его заверили, что есть; тогда он попросил два места - для мисс Дэйр и мистера Бонда.

Вернувшись на автостоянку, агент 007 воспользовался открытым багажником своей машины как прикрытием, чтобы незаметно переложить дубинку и пистолет «АСП» в потайное отделение дорожного чемодана. Здесь оружие находилось в полной безопасности: его невозможно было засечь ни металлоискателем, ни рентгеноскопом, и почти невозможно было обнаружить при обыкновенном обыске. В случае же обнаружения он будет вынужден предъявить официальное разрешение от Сикрет Сервис, но тогда каждый офицер Спецотдела Ирландской Гарды будет знать, что агент 007 в Республике.

Через пятнадцать минут они приехали в аэропорт, Бонд отогнал «Бентли» на долговременную автостоянку и сел вместе с девушкой на автобус, следовавший до главного терминала. По пути Бонд объяснил Хейзер свой план, как добраться до Дублина. Это был трюк, который он уже проделывал и раньше.

-Списки пассажиров внутренних рейсов проверяют редко. А к аэробусу мы будем проходить через те же ворота, что и пассажиры рейса в Ирландию. - Далее Бонд детально объяснил, что делать в случае, если ей не удастся достать билет на рейс 177 авиакомпании «Аэр Лингус».

Сперва им следовало разделить и встретиться только тогда, когда Бонд - под фамилией Болдман - купит билет в Дублин. Хейзер

тем временем следовало купить себе маленькую дорожную сумку и самые необходимые вещи.

-Хотя теперь в «Хитроу» ничего такого необходимого все равно не купить, - добавил он, внезапно вспомнив те славные деньки, когда в любом аэропорту и на любой железнодорожной станции можно было достать практически все, что угодно.

Когда автобус доставил их до первого терминала, было ровно без двадцати восемь, поэтому пришлось поторопиться. Хейзер пошла в кассы «Аэр Лингус», а Бонд - в кассы аэробусов, чтобы приобрести билеты на их настоящие имена, заплатив своей собственной кредиткой. После он быстро вернулся в кассу «Аэр Лингус» и забрал свой билет, забронированный на мистера Болдмана. Затем стал ожидать Хейзер. Та вскоре появилась с новой дорожной сумочкой, в которой лежали ее покупки.

-Удалось достать зубную щетку, расческу, комплект запасного нижнего белья и духи, - сказала она.

-Отлично. А теперь пойдете к аэробусу на Ньюкастл.

Они прошли по коридору к воротам и предъявили билеты. Бонд посмотрел на экран объявлений и убедился, что посадка на рейс EI-177 у ворот номер 14 уже началась. У места посадки на аэробус как всегда царила обычная суматоха. Здесь Бонд под шумок взял два посадочных талона. Затем он и Хейзер без труда проскочили в конец очереди и снова прошли через те же двери. Направляясь к воротам номер 14, Бонд следовал за Хейзер на порядочном расстоянии. Если за ними кто-нибудь следил, то эти «кто-нибудь» теперь будут уверены, что они сели на аэробус до Ньюкастла.

Если «М» решил и дальше нарушать правила и поставил на безопасной дистанции своих соглядатаев, то они обнаружат о Дублинской регистрации, когда будет уже слишком поздно. Но больше всего Бонда беспокоили люди Смолина, которые, возможно, уже наводили справки и прочесывали аэропорты. За многие годы, в течение которых Бонду приходилось сталкиваться с такими организациями как СМЕРШ и СПЕКТР, у него развилось чувство опасности, но сейчас оно молчало. Людей Смолина было не слышно и не видно.

Бонд и Хейзер сели на рейс EI-177 отдельно, в трех рядах друг от друга и встретились лишь через час, после того, как прошли таможенную в Дублинском аэропорту. На улице было темно и шел дождь, но к длительной поездке в графство Майо Джеймс был вполне готов. Пока Хейзер искала в аэропорту магазин одежды, Бонд взял на прокат машину. Среди предложенных автомобилей был «Сааб» - это было как нельзя лучше, поскольку о «Бентли-турбо» и

речи быть не могло. Для того, чтобы оформить необходимые документы, он воспользовался водительскими правами и кредитной карточкой, выданными на фамилию Болдман. Девушка, одетая в красную униформу, улыбнулась как истинная ирландка и предложила отвести Бонда к его автомобилю, но тут он обернулся и увидел Хейзер. Та стояла в нескольких ярдах от него, прислонившись к колонне. Девушка была сама не своя, ее лицо – белее мела. Подойдя к Хейзер, Бонд увидел в ее руках номер дублинской «Ивниниг Пресс».

-Что случилось, милая моя Хейзер? – спросил он нежно.

-Эбби, - прошептала она. – Смотрите. – Она поднесла к его глазам заголовок. – Должно быть, это Эбби. Сволочи!

Бонд почувствовал, как волосы зашевелились у него на затылке. Заголовок, выполненный жирным двухдюймовым шрифтом, кричал: «В ОКРЕСТНОСТЯХ ОТЕЛЯ НАЙДЕН ТРУП ЗВЕРСКИ ИЗУВЕЧЕННОЙ ДЕВУШКИ». Он просмотрел статью. Да, говорилось об отеле «Эшфордский замок», графство Майо. Девушка, личность которой не установлена, избита насмерть. Отсутствуют некоторые части тела. Да, подумал Бонд, скорее всего это номер три – Эбби Хэритидж или Эмили Николас. Значит, у Смолина - если за убийствами действительно стоял полковник Максим Смолин, - действовали две группы киллеров. Взглянув на дрожащую Хейзер, Бонд понял, что они теперь нигде не будут в безопасности.

-Нам надо поторапливаться, - сказал он ей мягко. – Так что следуйте за той славной девушкой в красной униформе.

- 5 -

Джако Би

Погода стояла несколько хуже, чем та, которая в Ирландии именуется «мягкой». Дождь хлестал по лобовому стеклу так, что габаритные огни проезжающих автомобилей были еле видны. Бонд вел машину с чрезмерной осторожностью. Сидевшая рядом согбенная Хейзер плакала.

-Это я виновата... уже три... Эбби. О Господи, Джеймс...

-Вы не виноваты. Выкиньте это из головы, - сказал он, понимая, что чувствует девушка, после того, как пару часов назад выслушал всю историю в ее офисе.

После такой новости, которой была посвящена вся первая страница в «Ивнинг Пресс», Бонд понимал, что ехать прямо в «Эшфордский замок» глупо. Поэтому, свернув на дорогу, ведущую из аэропорта, где в него чуть не врезалась побитая «Кортина» желтого цвета, он, не доезжая до главной трассы, идущей с севера в Дублин, свернул у вывески отеля «Интернешнл Эйрпорт». Это место он хорошо знал.

Притормозив у входа в отель, Бонд взглянул на Хейзер.

-Прекратите плакать. – Это было произнесено тихим командным тоном - не безжалостным и не безразличным, но все равно командным. – Прекратите плакать, и я расскажу, что мы сделаем дальше.

Спроси его тогда, он вряд ли бы смог ответить, что будет делать дальше, но ему было необходимо как-то внушить Хейзер доверие, чтобы та помогала ему. Девушка хмыкнула и посмотрела на него заплаканными глазами.

-И что же нам делать, Джеймс?

-Первое, мы снимем номер в этом отеле. Только на одну ночь. Я не пытаюсь как-то воспользоваться ситуацией, Хейзер, но придется снять один номер на двоих. Один номер. Я лягу на софу, поставив ее поперек двери. Мы - мистер и миссис Болдман. Я снимаю один номер исключительно ради вашей безопасности. Идет?

-Как скажете.

-Тогда сделайте что-нибудь со своим лицом, и пошли. Помните: мы - обыкновенная английская пара, или, быть может, ирландская. Все зависит от того, в голосе ли я сегодня.

Зайдя внутрь, Бонд умудрился подделать дублинский выговор и снял номер, не преминув выразить свое мнение о погоде чересчур строгой дежурной по администрации.

Номер был комфортабельным, но без всяких излишеств – как раз местечко на одну ночь. Хейзер сразу же плюхнулась на кровать. Она больше не плакала, но выглядела уставшей и испуганной.

Тем временем Бонд срочно принимал решение. «М» запустил его в это дело, подчеркнув, что официального статуса у него не будет. Зато у Бонда имелись свои собственные связи, даже здесь, в Ирландской Республике. А поскольку эти связи не пересекались с Британским посольством, он не видел причины, почему бы не воспользоваться ими.

-Скоро принесут поесть, - сказал Бонд. – Так что, может, вы пока освежитесь в ванной, а я тем временем сделаю пару телефонных звонков?

Даже если за ним гнался Смолин вместе со всем ГУ, ГРУ и КГБ, вряд ли его разговор подслушали бы в отеле «Интернэшнл Эйрпорт». Порывшись в памяти, агент 007 набрал местный телефонный номер; после трех гудков ему ответила какая-то женщина, но свой номер не сообщила.

-А инспектор Мюррэй у себя? – спросил Бонд с дублинским акцентом.

-А кто его спрашивает?

-Передайте, один приятель. Он узнает.

Женщина ничего не ответила. Через пару секунд послышался низкий голос инспектора Нормана Мюррэя из Специального отдела Гарды.

-Норман, это Джако Би говорит.

-Что? Джако? А ты где, Джако?

-Не на противоположном берегу, Норман.

-Господь с тобой! И какого же черта ты здесь делаешь, а? Я надеюсь, ты не угодил в какую-нибудь переделку. И почему я не знаю, что ты в стране?

-Потому что, я не афишировал это. И я не угодил ни в какую переделку. Как там поживает очаровательная миссис Мюррэй?

-Прекрасно. Весь день на ногах, а потом пол ночи играет в свой сквош. Если бы знала, что ты позвонишь, то передала бы тебе горячий привет.

-Не думаю, что ей следует об этом знать.

-Значит, ты в переделке. В официальной переделке?

-Но ты этого не усек; понимаешь, о чем я?

-Понимаю.

-Ты мой должник, Норман.

-Да я знаю, Джако. Прекрасно знаю. Чем я могу помочь? – Последовала короткая пауза. – Неофициально, конечно.

-Для начала - отель «Эшфордский замок».

-Ох ты, Господи! Это ведь не касается нашего отдела, да?

-Может и касается. И даже если так, то я прошу все равно неофициально. Они уже установили личность девушки?

-Я выясню это. И перезвоню, да?

-Я сам позвоню, Норман. Ты будешь там примерно еще час?

-Да, буду. Домой я уйду за полночь. На этой неделе я в вечернюю смену, хотя жена все равно играет в сквош со своими друзьями.

-Как же, как же, надейся.

-Пошел ты, Джако. Перезвони мне через десять-пятнадцать минут. Окей?

-Спасибо. – Бонд быстро повесил трубку, моля Бога, чтобы Мюррэй не стал проверять его через посольство. Никогда не знаешь, как поведут себя люди из Спецотдела полиции - что на том берегу, что на этом. Он позвонил по другому номеру. На этот раз ответил веселый, но в то же время необычно сдержанный голос.

-Мик? – спросил Бонд.

-А вам какого Мика?

-Большого Мика. Скажите ему, что звонит Джако Би.

-Джако, ах ты старый черт! - прогремело в трубке, - ну и где же ты? Готов поспорить, что сидишь сейчас в каком-нибудь роскошном отеле, а на коленях у тебя – одна из красивейших девушек, какую только может представить себе любой горячий парень.

-Не на коленях, Мик. Но красивая девушка имеется. – Бонд посмотрел на вышедшую из ванны Хейзер с мокрым лицом. – И очень красивая девушка, - добавил он ей в комплимент. Она не улыбнулась, лишь схватила свою сумочку и вновь удалилась в ванную.

-Ну, а я что говорю? - Большой Мик громко гоготнул. – Ну а если на горизонте женщина, Джако Би, то значит у тебя неприятности, или же я тебя совсем не знаю.

-Возможно, Мик. Очень даже возможно.

-Чем я могу помочь, Джако?

-Ты сейчас работаешь, Мик?

Он снова тепло рассмеялся:

-Так, мотаюсь туда-сюда, если ты понимаешь о чем я.

Бонд понимал. Вот уже больше пятнадцати лет он был знаком с Миком Шином по кличке «Большой Мик». Что касалось законов, то тут Ирландец ходил по тонкой веревочке, и у Джеймса была сотня

причин доверять и ему и его товарищам, причем доверять своей жизнью. За время их долговременного знакомства агент 007 обучил его некоторым навыкам своей профессии – как обнаружить слежку, как проводить наружное наблюдение, как уходить от хвоста.

-У тебя есть чистая тачка, Мик? – Он знал, что если у Большого Мика нет автомобиля, то тот быстро достанет его.

-Возможно есть.

-Нужно три, и по паре ребят на каждую.

Последовала очень короткая пауза, хотя, возможно, чуть-чуть длиннее, чем Бонд ожидал.

-Шесть парней и три тачки. А для чего?

-Работенка на пару деньков. Расценки - как всегда.

-Наличными?

-Наличными.

-А деньги за опасность?

-Если таковая будет.

-С такими ребятами как ты, Джако, опасность всегда имеется. Так что за работа?

-Простая и незатейливая, как кочерга. Вероятно, мне понадобится, чтобы вы присмотрели за мной и за девушкой – с расстояния.

-Когда?

-Вероятно, завтра утром. Я говорю, два дня, может быть, три.

-Позвони нам ближе к полуночи, Джако. Если для тебя, то автомобили должны быть респектабельными...

-И надежными...

-Я как раз собирался это сказать.

-Мы совершим маленькую и милую поездку за город, и все.

Большой Мик снова заколебался. Понизив голос, он спросил серьезным тоном:

-Мы ведь не поедem на север, ведь правда, Джако?

-Совершенно в противоположном направлении, Мик. Насчет этого ты не волнуйся.

-Слава тебе Господи. Мы ведь не лезем в политику, Джако, ты пойми.

-Я перезвоню около полуночи.

-Давай.

Бонд повесил трубку, и в этот момент из ванны опять вышла Хейзер, приведшая в порядок свое лицо и прическу. Он тепло улыбнулся девушке.

-Какая жалость, что вы так прекрасно выглядите, Хейзер.

-Что вы имеете в виду?

-Дело в том, что мне хотелось бы отвести вас поужинать. Дублин славится своими превосходнейшими ресторанами. Но к несчастью...

-Нам нельзя высовываться.

-Да. Так что боюсь, нам придется есть сэндвичи с кофе здесь, в номере. Кстати, что вы будете?

-А нельзя ли вместо кофе бутылку вина?

-Как скажете.

Бонд позвонил дежурной и выяснил, что в ассортименте имеются сэндвичи с копченой лососиной. Он заказал их и бутылку лучшего в списке вина, «Шаблис». Затем достал из своего чемодана дубинку и пистолет. Он не хотел попасться на древнейшую хитрость – замена официанта, доставляющего заказ; одна из тех немногих реалий его профессии, которые можно найти в дешевых шпионских кинобоевиках. Пока не пришел официант, он снова позвонил инспектору Мюррэю, как и обещал. Разговор был коротким. Бонд в точности знал, сколько времени может понадобится Мюррэю, чтобы проследить его звонок и вычислить тем самым, что он находится в отеле «Интернешнл Эйрпорт». На задании никому нельзя доверять.

-Норман? Это Джако. Есть что-нибудь?

-Это будет в утренних газетах, Джако. Но есть еще кое-что, о чем я хочу поговорить с тобой.

-Скажи лишь, что там будет в газетах.

-Девушка местная, Джако. Никакого криминала. Подрабатывала горничной. Имя Бетти-Энн Маллиган.

-Ага. Есть ли у них какие-нибудь предположения?

-Никаких. Хорошая девушка. Двадцать два года. Последнее время никаких любовников. Семья просто в шоке.

-А увечья?

-Думаю, ты знаешь какие, Джако. На вашем берегу два аналогичных случая. У Бетти-Энн Маллиган разmozжен череп и отсутствует язык. Вырезан после смерти. Мне сказали, что действовал настоящий профессионал.

-И все?

-Проблема в одежде, которая на ней была. Плащ и шарф.

-Ну?

-Не ее, Джако, мальчик мой, совсем не ее. Вещи принадлежат одной постоялице отеля. Когда Бетти-Энн отправилась на работу, стоял чудный солнечный день. Но во второй половине дня пошел дождь, а дом у девушки далеко. Две мили, а у нее ни плаща, ни шляпки. И ее пожалела одна постоялица...

-Как ее имя?

-Мисс Элизабет Ларке, с «е» на конце, Джако. Тебе что-нибудь это говорит?

-Нет, - ответил Бонд искренне, - но к утру, может, что-нибудь выясню. Если узнаю, то позвоню.

-Хорошо, а теперь...

Бонд постоянно поглядывал на свои часы. Оставалось где-то тридцать секунд до того, как его звонок проследят.

-Нет, Норман. Не сейчас. Тебе придется подождать со своими вопросами. Появится ли в газетах имя той постоялицы?

-Нет, не появится. И о я зыке тоже.

-Отлично. Да, и Норман, все это - совершенно неофициально. Я еще позвоню. —

-Джако... - воскликнул Мюррэй, но Бонд повесил трубку.

Целую минуту он просто сидел и смотрел на телефон, но в дверь постучал официант и прервал его мысли...

-Хейзер, а вы часто виделись с Эбби? Кажется, я уже спрашивал вас об этом, но мне нужно знать поточнее.

Они ели сэндвичи и пили «Шаблис» семьдесят восьмого года. Урожай этого года был хорошим, но цену у вина слишком перегнули. Протянув Бонду опустевший бокал, Хейзер ответила:

-Мы виделись два, а то и три раза в год.

-И соблюдали правила конспирации?

-Да. Мы были очень осторожны. Мы останавливались в отелях под вымышленными именами...

-Например?

-Она всегда была Элизабет. Я — Хетти. Фамилии у нас были птичьими и рыбными. Она была птичкой, я — рыбкой.

-Ага. И у вас был список?

-Нет. Каждую нашу встречу мы договаривались о тех фамилиях, которые возьмем в следующий раз. — Она засмеялась - задорно, почти как озорная школьница. — Мы с Эбби были очень близки. Она была моей самой лучшей подругой. В свое время я была мисс Соул, мисс Сэлмон, мисс Крэбби. Названия живности мы чуточку коверкали. Например, мисс Пик произносилось как мисс Пайк.

-И кем вы должны были быть на этот раз?

-Вы окрестили меня мисс Арлингтон, хотя я должна была быть мисс Хетти Шарке, с «е» на конце.

-А птичка?

Ее глаза опять увлажнились, и он понял, что девушка вновь разрыдается. Бонд нежно попросил ее успокоиться. Хейзер кивнула, всхлипнула и попыталась что-то сказать. Со второй попытки она все же заговорила слабым голосом:

-Ну, по этому поводу мы много смеялись. Она была мисс Элизабет Спэрроу, Рен, Джэй, Хоке, с «е» на конце.

-А в этот раз?

-Ларке.

-С «е» на конце, разумеется.

-Да.

Так значит, мисс Ларке, спокойно сидящая в «Эшфордском замке», на самом деле - Эбби Хэритидж. Интересно, одолжила ли она бедной девушке плащ с шарфом из жалости, или же потому что кого-то заметила; и если так, то не убралась ли она сразу же после этого из отеля?

-А у вас был какой-нибудь запасной вариант на случай провала?

Хейзер кивнула:

-Всегда. Но в этот раз была аварийная ситуация. На такой случай мы разработали план действий еще в нашу первую встречу после, того как нас переправили на Запад. Если что-то пойдет не так, или я не появлюсь, она должна была ехать в Росслэйр, в огромный отель «Греит Соудерн», который стоит у гавани. Потому что там, в случае чего, для бегства можно воспользоваться паромом. Но теперь... - Она замолкла: вот-вот - и расплчется.

Бонд взглянул на часы. Уже за одиннадцать. На секунду ему стало жалко девушку, и он захотел рассказать ей, что Эбби жива и здорова. Но глубокий опыт приказал ему держать эту информацию при себе.

-Послушайте, Хейзер, завтра у нас будет тяжелый день. Я пойду вниз позвонить. Ни в коем случае не открывайте дверь никому, кроме меня. Я отстучу морзянкой букву «V» – тук-тук-тук-т-у-у-у-к – дважды. Если подойдет кто-то другой, сидите тихо. И не подходите к телефону. А сейчас приготовьтесь к постели. Я отвернусь...

-О, Господи, Джеймс, я же уже большая девочка. И не забудьте – у меня есть оперативный опыт.

Она захихикала, из-за чего в мозг Бонда закралось смутное подозрение. Предполагалось, что девушка - хорошо обученный оперативный агент, которому в операции «Торт» доверили, возможно, самую важную мишень - и на тебе: кажется, опьянела от половины бутылки «Шаблиса». Что-то здесь было не так. Она была похожа на любителя-самоучку, который лезет из кожи вон, чтобы выглядеть профессионалом. Бонд накинул пиджак.

-Конечно, мисс Хейзер Дэйр. Дверь не открывать, только на мой стук; и к телефону не подходить. Я не на долго.

Спустившись вниз, Бонд пошел в бар и заказал водку с тоником, заплатив английской десятифунтовой банкнотой. Сдача пришла исключительно Ирландскими деньгами, и поскольку разницы в банковском курсе не было никакой, он убедил бармена, разменять ему три фунта десятипенсовыми монетами для телефона-автомата в фойе.

Бонд потянул время: проверил бар, буфет, фойе, даже спустился в комнату отдыха, которая находилась внутри самого фойе и занимала почти все пространство, из-за чего походила на бункер; ее интерьер был заставлен мягкой мебелью из кожзаменителя. Никто не вызывал подозрения. Ничего из ряда вон выходящего - как сказал бы его старый друг, инспектор Мюррэй. Полностью убедившись, что все спокойно, Бонд подошел к телефонам, расположенным у двери, отыскал в телефонном справочнике отель «Эшфордский замок» и набрал его номер.

-Я хотел бы поговорить с одной из ваших постоялиц, с мисс Ларке, - сказал он телефонистке. – С мисс Элизабет Ларке.

-Одну минутку. – Послышался щелчок переключаемой линии, и та же девушка ответила:

-Сожалею, сэр, но мисс Ларке уже заплатила за номер и уехала.

-Когда? Понимаете, я звоню от имени ее подруги, которая должна была встретиться с ней в вашей гостинице. Ее зовут мисс Шарке, Ш-а-р-к-е. Ей случайно не оставили какого-нибудь сообщения?

-Я соединю вас с Дежурной.

Последовала короткая пауза, после чего другой голос объявил:

-Регистрация.

Бонд повторил вопрос. Да, мисс Ларке просила передать, что поедет дальше.

-А вы не знаете, куда?

-Это дублинский адрес. – Девушка в нерешительности заколебалась, но потом все же продиктовала Бонду дублинский адрес Эбби. Судя по всему, это было где-то у Фицвилльям-сквер.

Бонд поблагодарил ее, повесил трубку, затем позвонил в штаб-квартиру Спецотдела Гарды, находившуюся в Дублинском замке.

-Норман, это снова Джако, - сказал он, как только его соединили с Мюррэйем.

-О, ты только-только успел. Я сегодня раньше освободился. Подожди минутку. – Минутка слегка затянулась: Мюррэй пытался проследить телефонный звонок.

-Все нормально, старик. Вот о чем я хотел поговорить с тобой.

-Поговорим, но не сейчас, Норман, возможно завтра. У меня один вопрос: как ты думаешь, мальчики из Майо уже закончили с мисс Ларке – с той постоялицей, которая была так добра и предложила несчастной девушке свой плащ?

Снова пауза, потом еще пауза и еще... Мюррэй тянул, чтобы дать время инженерам связи.

-Ну? – подтолкнул его Бонд.

-Думаю, да; если они взяли ее будущий адрес. Я говорил с детективом, ведущим это дело. Она вне подозрений; нежна и невинна, как овечка. Овечка и жаворонок⁴ - забавно, да? – он разразился хохотом.

-Спасибо, Норман.

Джеймс быстро повесил трубку. Официально Мюррэй знал Бонда как Джако Би. Уже много лет это был его телефонный псевдоним в Ирландской Республике – его «кликуха», как говорили ветераны Сикрет Сервис. Вообще-то, она уже порядочно «износилась», но никто и не думал ее менять. Бонд и Норман уже пару раз работали вместе, и Мюррэй прекрасно понимал, от имени какой «службы» выступал Джако Би. У них были напряженные, недоверчивые, но в то же время чисто деловые отношения. И очень даже возможно, что Мюррэй, так и не определив после трех звонков местонахождение Бонда, направится сейчас к резиденту Британской Секретной службы, который сидел в посольстве, на Меррион-роуд.

Полночь еще не наступила, но Большой Мик далеко от телефона никогда не отходит. Высыпав мелочь на верхнюю крышку телефона-автомата, Бонд набрал его номер. Мик ответил сразу же.

Когда со взаимными любезностями было покончено, он сказал:

-Я раздобыл и машины и людей. Только сообщи мне детали, Джако.

Бонд продиктовал ему номер взятой напрокат машины, и добавил:

-Около десяти, может быть, в десять тридцать ты подцепишь нас у парка Грин. Там будет припаркована наша машина, сами мы подойдем с Грэфтон-стрит. Что у тебя, Мик?

-«Вольво» темно-бордового цвета, темно-синяя «Ауди» и старенькая «Кортина» мышиного цвета, старенькая, но бежит быстро. Куда мы поедем, и как нам расположиться?

-Мы поедем прямо в Росслэйр. Я хочу, чтобы один из вас ехал далеко впереди, скажем, на «Кортине», а «Вольво» и «Ауди» - рядом со мной. Зажмите меня, если сможете, Мик, но не сильно. Не надо привлекать внимания. Мигните, если заметите настойчивый хвост.

⁴ Ларк – жаворонок (англ.)

Мигните дважды, если увидите смуглого мужчину с короткой стрижкой и широким лицом, которой скорее марширует, чем ходит...

-В машине он особо не помарширует, - едко заметил Большой Мик.

-Он военный; Немец. Единственное описание, которое я могу дать, - грустным тоном ответил Бонд, осознав, что по телефону описать внешность Максима Смолина довольно непросто. Он видел его всего один раз, в Париже года три назад; увидел однажды, но досье на него читал раз сто. В досье было несколько фотографий, сделанных скрытой камерой, но все они были бесполезны. Бонд отвлекся от своих мыслей и вернулся к разговору с Большим Миком:

-Тогда увидимся завтра, Мик, и большое спасибо. Деньги в том же месте, окей?

-Твое слово джентльмена, Джако. До завтра.

Бонд повесил трубку и собирался уже подняться в номер, как его посетила одна идея: он решил проверить кое-что еще. Возможно, он был чересчур подозрительным, но ничего не мог с собой поделаться: что-то его угнетало. По дороге к лифту он остановился у внутреннего телефона и позвонил в собственный номер. Бонд нахмурился, услышав короткие гудки. Значит, Хейзер не послушалась его, что еще больше беспокоило. Подойдя к двери номера, он быстро отстучал морзянкой две буквы «V». Дверь открылась, и бело-розовая фигурка юркнула обратно в постель. Он закрыл дверь, запер на цепочку и обернулся к девушке, та лежала, слегка улыбаясь. На столике у кровати стоял телефон, рядом лежала трубка. Он кивнул в сторону телефона.

-Ой. – Она широко улыбнулась, пошевелившись под одеялом, из-за чего оно чуть спало, обнажив плечо и часть груди. – Меня нельзя подпускать к телефонам, Джеймс. Не могла удержаться и ответила, поэтому трубка и снята. – Она повесила трубку и взглянула на него; скользнув, одеяло целиком обнажило грудь. – Если ты хочешь спать у меня. Джеймс, я жаловаться не стану.

Она выглядела такой беззащитной, что Бонду пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы отказаться.

-Ты славная девушка, Хейзер, и я польщен. Устал, но польщен. К тому же, утро вечера мудренее. А денек нам завтра выпадет трудный.

-Я чувствую себя... такой одинокой и брошенной. – и с этими словами, Хейзер отвернулась, уткнувшись в подушку, и надвинула на себя одеяло.

Бонд тихо забрал с кровати одну из подушек, снял пиджак, брюки и накинул короткий шелковый халат из своего чемодана. И, накрывшись одеялом, которое лежало в шкафу, Бонд в буквальном

смысле растянулся поперек двери, рука - на рукоятке автоматического пистолета.

Через некоторое время Бонд погрузился в сон.

Внезапно он проснулся. Было пять утра, и кто-то осторожно поворачивал ручку двери.

- 6 -

Василиск

Джеймс Бонд бесшумно выкатился из-под одеяла и прицелился из пистолета. Дверная ручка медленно поворачивалась. Замерла. К этому времени Бонд подскочил к спящей Хейзер и затряс ее обнаженное плечо рукой, в которой держал пистолет. Другой рукой он осторожно зажал ей рот. Когда девушка что-то тихо забубнила, Бонд наклонился к ней и прошептал, что к ним гости, чтобы она замолчала и легла на пол, за кровать. Она кивнула и убрала со своего лица его руку. Он вернулся к двери, встав сбоку, у стены. Не один раз ему приходилось лицезреть то, что пули могут сделать с человеком сквозь дверь. Он осторожно снял цепочку и, отойдя в сторону, резко дернул дверь на себя.

-Джако? Приветик.

Даже не смотря на горящий в коридоре свет, он узнал высокую фигуру и умное, смеющееся лицо инспектора Мюррэя, который вглядывался в сумерки комнаты.

-Какого черта!

Бонд шагнул за его спину, одним быстрым движением с силой втолкнул полицейского в комнату, захлопнул дверь и включил свет. Мюррэй потерял равновесие и начал падать вперед, попытавшись ухватиться за кровать, но Бонд сделал ему захват шеи и приставил к правому уху дуло пистолета «АСП».

-Ты что затеял, Норман? Тебя когда-нибудь убьют, если будешь и впредь так подкрадываться. Или, может, ты окружил отель полицией?

-Спокойно, Джако! Я пришел с миром – один и неофициально.

Из-за кровати медленно показалась Хейзер, ее испуганные глаза смотрели прямо в веселое лицо инспектора.

-О, - воскликнул он, его рот расплылся в дружественной улыбке, а Бонд слегка ослабил хватку. - О, а это, должно быть, мисс Арлингтон, да? Мистер Болдман? Или мне называть тебя Джако Би?

Продолжая держать пистолет у головы Мюррэя, Бонд отпустил его шею. Свободной рукой он нашел в набедренной кобуре инспектора «Вальтер ППК» - табельное оружие служащих Ирландской Гарды. Достал его и оттолкнул подальше.

-Для человека, пришедшего с миром, ты хорошо приготовился, Норман.

-Ой, ну ладно тебе, Джако, мне положено носить пушку. Тебе это так же хорошо известно как и мне; и потом – ну какое значение играет такой вшивый пистолетик между друзьями?

-Им можно убить, - циничным тоном заявил Бонд. – Значит все это время ты знал, что я здесь? И про мисс Арлингтон?

-Ух! Ну конечно, старик. Но я никому не говорил. Видишь ли, к нам поступил сигнал тревоги, а тут вдруг ты объявляешься в нашем аэропорту. Твое счастье, что я дежурил в Дублинском Замке в тот момент, когда пришел факс. Я позвонил на Меррион-роуд, главному Британскому шпику – старику Гримшо, и спросил, нету ли у нас сейчас кого-нибудь лишнего, и не ожидаются ли таковые в ближайшее время. Гримшо всегда говорит мне правду. Так удобней. И время экономится. Он сказал, что никаких шпииков, никаких учебных операций; и я поверил ему. А потом звонишь мне ты. Вот я и заинтересовался. – Он мигнул и перевел взгляд на Хейзер. - Надеюсь, что вы не подружка мисс Ларке, мисс Шарке? Ведь правда, дорогая моя?

-Что? – У Хейзер отпала челюсть.

-Потому что если это все-таки вы, то у вас чертовски хреновая система безопасности, которая не соответствует тем стандартам, которые знаем и ценим мы. Фамилии типа Ларке и Шарке привлекают внимания. Они глупые, а мы тут совсем не дураки.

Бонд отступил на шаг.

-Дорогая моя, скажите ему, что он все-таки дурак, - предложил он, передразнивая выговор Мюррэя, который был скорее южно-шотландским, нежели дублинским. Как он сам всегда говорил: «Я родился на Севере, обучался на Юге, в отпуск езжу в Шотландию и Испанию, а работаю в Республике. Я нигде не чувствую себя дома».

-Это глупо, Норман, - лезть ко мне в номер в это время ночи.

-А когда же еще-то? Не середь бела же дня, когда мне приходится просчитывать каждый свой шаг!

-Ты ведь мог постучать.

-А я хотел постучать, Джако! Еще тридцать секунд, и я бы постучал! Тук, тук, так тебя, тук!

Мужчины смотрели друг на друга в полном взаимном недоверии.

-Я здесь не ради забавы. – Инспектор Мюррэй склеил теплую улыбку. – Я здесь потому, что по гроб обязан тебе, Джако, а свои долги я всегда отдаю.

Это была правда. Четыре года назад Бонд спас Мюррэю жизнь прямо на границе Республики, недалеко от Кроссмаглена. Но этот случай останется навсегда похороненным в секретных архивах Сикрет Сервис.

Хейзер взяла с кровати одежду и захотела накинуть ее и одновременно привести в порядок прическу. Это была серия интересных и обнажающих движений, во время которых оба мужчины молча пялились на девушку. Когда она все же обрела приличный вид, Мюррэй сел на кровать и развернулся в тщетной попытке видеть и Бонда и Хейзер одновременно.

-Послушайте, девушка, - сказал он, - Джако скажет вам, что вы можете смело доверять мне.

-Даже и не думайте о доверии, мисс Арлингтон. – Лицо Бонда оставалось бесстрастным.

Мюррэй вздохнул.

-Ну ладно. Тогда просто сообщу вам факты, потом поеду домой, выпью чашку кофе и спать.

Они будто бы сидели и играли в гляделки. В конце концов Мюррэй заговорил:

-Ваша мисс Ларке – та, что одолжила бедной девушке свой плащ и шарф...

-Что... - начала Хейзер, но Бонд еле заметно мотнул головой, просигналив, чтобы она никак не реагировала.

-Так вот. Ваша мисс Ларке ушла в нору - как говорят о лисах.

-Вы хотите сказать, что она не...? – начала снова Хейзер.

-Заткнись! – отрезал Бонд.

-Господи, Джако, ты не мог бы держать себя в руках? – Мюррэй широко улыбнулся, вздохнул и снова заговорил:

-У нас был дублинский адрес. – Он посмотрел сначала на Хейзер, потом на Бонда, чье лицо было самой невинностью. – Адресок на Фицвилльям-сквер. – Он подождал, но не получив в ответ никаких комментариев, пожал плечами и продолжил: -Так вот, как сказали бы у вас в Лондоне: там кто-то пошуровал и смылся.

-Ты хочешь сказать, что по этому дублинскому адресу жила некто Ларке?

-Чье имя не Ларке, как я подозреваю, а Хэритидж. Эбби Хэритидж.

-А эта женщина... как ее? Ларке или Хэритидж... - начал Бонд.

-Ой ладно тебе, Джако, давай не будем разыгрывать дурачков. Ты сам все прекрасно знаешь, черт бы тебя побрал; прощай за выражение мисс... э... Шарке.

-Арлингтон, - твердо сказала Хейзер. Кажется, она, наконец-то, контролировала себя.

-Ну да. – Мюррэй ясно давал понять, что не верит ни одной букве в ее имени. – Я же говорю вам - адрес, который сообщила нам

мисс Ларке, принадлежит некой мисс Хэритидж. Обе пропали без вести. А квартира на Фицвилльям-сквер перевернута вверх дном.

-Ограбление? Хулиганство? – быстро спросил Бонд.

-И то и другое. Там страшный бардак. Я бы сказал, работа профессионалов, замаскированная под работу любителей-самоучек. Интересный факт, что на месте не найдено ни единого кусочка корреспонденции. Они вскрыли даже пол. Ну, что ты об этом думаешь?

-Так ты пришел сюда на рассвете ради того, чтобы сказать мне все это?

-Но ты же проявлял интерес к делу в Эшфордском замке. И я подумал, что тебе нужно об этом знать. Кроме этого, зная, какого рода деятельностью ты занимаешься, я подумал, что мне следует сообщить тебе кое-что еще.

Бонд кивнул, чтобы Мюррэй продолжал.

-Тебе известен парень по фамилии Смолин? – с полным безразличием спросил Мюррэй. – Максим Смолин. Спецотдел в Лондоне и, как я полагаю, твои люди тоже, знают его под дурацким псевдонимом «Василиск».

-Хмм, - промычал Бонд.

-Тебе нужна биография этого клоуна, или ты ее уже знаешь, Джако?

Бонд улыбнулся:

-Окей, Норм...

-И не смей называть меня Норм! А то я засажу тебя в тюрьму по такой липе, что в Республику ты больше никогда в жизни не попадешь.

-Окей, Норман. Максим-Антон Смолин, родился в 1946 году, в Берлине. Родители: немка Кристина фон Гешман и генерал Советской армии Смолин. Алексей Алексеевич Смолин. Девушка тогда была его любовницей. Молодой Смолин взял фамилию отца, но национальность матери. Обучался в Берлине и Москве. Мать умерла, когда ребенку было всего пару лет. Ты про него, Норман?

-Про него, про него.

-Он начал карьеру военного в одном из тех замечательных Российских училищ, я сейчас забыл в каком именно. Возможно, что в 13-ой Армии. Короче, он получил офицерское звание, и его послали в Центр обучения Спецназа; Спецназ - это элита; можно сказать - элита наемных убийц. Так молодой Максим получил должность в наисекретнейшей военной разведке – в ГРУ. Это единственный способ попасть в ГРУ; это тебе не КГБ, который вербует людей прямо с улиц, стоит лишь тебе самому сделать им предложение. Сменив массу постов, Смолин вернулся в Восточную

Германию, причем вернулся высокопоставленным офицером ГУ – это Восточногерманская разведка.... Наш Максим – парень еще тот. Он крот в заповеднике кротов. Работая на ГУ, которое в свою очередь естественно работает на КГБ, Смолин время от времени подрабатывает на сторону, поскольку на самом деле является офицером ГРУ.

-Я смотрю, ты знаешь его как облупленного. - Мюррэй сиял от удовольствия. – Знаешь, что говорят о ГРУ? Говорят, чтобы попасть в ГРУ нужен рубль, а чтобы выйти – нужно два. Почти как в Ирландской поговорке. Офицером ГРУ стать очень трудно. Но раз уж ты попал туда, то еще трудней сделать оттуда ноги. Есть только один способ: в длинном деревянном ящике. Они очень ценят завербованных иностранцев, а Смолин – русский только наполовину. Мне сказали, что в Восточной Германии он обладает громадной властью. Даже кагэбэшники страшатся его.

-И что, Норман? Ты можешь рассказать нам о нем что-нибудь новое? – спросил Бонд.

-Ты знаешь, Джако, весь мир думает, что на нашем поделенном пополам острове существует только одна проблема – Север и Юг. Все они ошибаются, и я уверен, что ты прекрасно знаешь об этом. Твой человек – Василиск – прибыл в Республику два дня назад. И когда, Джако, я услышал об этой трагедии в «Эшфордском замке», то вспомнил, что на вашем берегу уже произошло два подобных случая, и тогда у меня в голове всплыла одна цитата.

-Да неужели?

-Очень меткая фраза о вашем Советском Главном разведывательном управлении – о вашем ГРУ. Есть один перебежчик из ГРУ, его фамилия Суверов. Он писал о людях, которые не умеют молчать, о тех, кто выдают секреты. Так вот он написал: «ГРУ знает, кому отрезать языки!» Интересно, Джако?

Бонд с серьезным видом кивнул. Историки, писавшие о спецслужбах мира, не уделяли особого внимания ГРУ, считая, что оно полностью поглощено КГБ. «ГРУ (Советская военная разведка) целиком подчинено КГБ,» - утверждал один автор. Другой написал: «Лишь на теории следует рассматривать ГРУ как отдельно взятое целое». Они оба были не правы. ГРУ всегда отчаянно боролось за то, чтобы сохранить свою независимость.

-О чем призадумался, Джако? – Мюррэй поудобней устроился на кровати.

-Я только подумал, что сливки ГРУ богаче и гораздо опасней, нежели их оппоненты из КГБ. Такие люди как Смолин – лучше обучены, и лишены каких-либо предрассудков.

-Так вот, Джако, Смолин приехал, и... - Мюррэй замолчал, с его лица исчезла улыбка, и взгляд стал твердым. – И эта сволочь от нас ушла. Пардон за выражение, мисс Дэйр.

-Арлингтон, - неубедительно промямлила Хейзер. Бонд заметил, что она выглядела одновременно нервной и слегка грустной.

Норман Мюррэй поднял руку и помахал.

-Дэйр, Ваген, Шарке; а еще как? – Он зевнул и потянулся. – Была трудная ночь. Надо бы идти спать.

-Ушел от вас? – внезапно спросил Бонд.

-Он выкинул фокус, Джако. Исчез. Но Смолин всегда был хорошим фокусником по этой части; он настоящий Гудини. Кстати о Гудини. Смолин, по всей видимости, не единственный, кто сейчас просто так разгуливает по Республике.

-Только не говори, что в придачу вы потеряли из виду Председателя ЦК КПСС.

-Не время для шуток, Джако. Нам подкинули информацию. Ничего конкретного, лишь тоненькую соломинку.

-И за нее можно зацепиться?

-Если то, что нам сказали – правда, то тебе не захочется цепляться за нее, Джако Би.

-Да? – Бонд ждал.

-Прошел слух, что в Республике находится кто-то, кто гораздо выше Смолина. Ничего конкретного, но слух очень сильный. К нам приехал кто-то с самой верхушки. Вот и все, что я могу сказать тебе. Ну что ж, будем прощаться. Спокойной ночи, и сладких вам сновидений. – Он встал, прошел в угол комнаты и подобрал свой «Вальтер».

-Спасибо, Норман. Огромное тебе спасибо, - сказал Бонд, провожая его до двери. – Могу я тебя кое-что спросить?

-Давай. Это бесплатно.

-Вы потеряли из виду товарища Смолина...

-Да. И мы не имеем ни малейшего понятия, кто этот другой, и находится ли он вообще в нашей стране.

-А вы продолжаете их искать?

-В общем, да, конечно. Это у вас там недостаток кадров, Джако Би.

-А что вы сделаете, когда прижмете кого-нибудь из них?

-Посадим его в самолет на Берлин. Хотя обычно эти ребята начинают жаловаться и убегают в этот рассадник зла, что на Оруэлл-роуд. Знаешь, тот, на крыше которого около шестисот антенн и параболических тарелок. Как иронично, правда? Советы расположили свое посольство на Оруэлл-стрит. Именно там и

должен прятаться твой человек, в здании с целым лесом связной аппаратуры на крыше.

-А сейчас там его нет?

-Почем мне знать? Я не сторож своему брату.

Они вошли в парк Сан-Стефенсенс-Грин со стороны Грэфтон-стрит. Хейзер тащила пакеты, набитые покупками из магазинов «Швицерс» и «Браун Томас», Бонд шел в двух шагах позади нее, чуть левее. Его пиджак был расстегнут, в левой руке он нес маленький сверток, а правую руку держал на животе. С того момента, как Норман Мюррэй ушел, его все больше и больше беспокоило то, как разворачиваются события. Да и Хейзер была вне себя из-за того, что он не сказал ей правду об Эбби.

-Но почему же ты мне не сказал? Ты ведь знал, каково мне было. Ты ведь знал, что она жива...

-Я знал, что она, возможно, жива.

-Но почему тогда не проявить порядочность и не сказать мне об этом?

-Потому что я не был уверен в этом. И потом мне кажется, что с вашей замечательной операцией «Торт» с самого начала было что-то нечисто. Да и сейчас здесь что-то нечисто.

Он не стал говорить дальше, поскольку почувствовал, что начинает вскипать. Теоретически – операция «Торт» была хорошей, но если Хейзер являлась типичной представительницей молодой пятерки, выбранной для ее проведения, то отдел Планирования проявил преступную халатность. Подготовить команду должным образом, времени совсем не было, а тот факт, что у них были завербованные родители, оказался вполне достаточным доводом.

Их имена вертелись в голове Бонда, как заевшая пластинка: Франци Траубен и Элли Цукерман, обе мертвы, размозжены головы и вырезаны языки; Франц Бельзингер, который предпочитает, чтобы его звали Вальд; Ирма Ваген и Эмили Николас, которая должна быть в Росслэйр. Бонд спросил себя: почему Франц выбрал себе псевдоним Вальд? Нет, хватит! Нужно называть их английскими именами, хотя ничего хорошего эти имена им не дали. Он должен думать о покойных Бриджет и Миллисент и о живущих Хейзер и Эбби; и о возможно живущем Джангле Бэйзли.

Думая об этих пятерых, Бонд не забывал и о темных фигурах, в особенности, о Максиме Смолине, которого он так много раз видел запечатленным на зернистых фотографиях и некачественных микропленках, снятых всевозможными скрытыми камерами, затем

искаженными при увеличении. И только один единственный раз Джеймс видел Смолина во плоти, когда тот выходил из ресторана «Фуке» на Елисейских полях. Бонд со своим коллегой сидел в открытом кафе, расположенном через дорогу; но даже не смотря то, что их с полковником разделяла широкая улица, по которой постоянно неслись автомобили, приземистая, крепкая, с военной выправкой фигура Смолина произвела на него глубокое впечатление. Почему? Возможно из-за того, что полковник держал себя как профессиональный солдат, правда, с некой вычурностью; или, быть может, из-за его взгляда: глаза, которые постоянно бегали; и руки: одна зажата в кулак, другая – разжата с твердым как сталь ребром. Казалось, что одним только своим видом Смолин излучал энергию и жестокую власть.

Седьмой же участник этого представления - «кто-то, кто выше Смолина», чье имя Норман Мюррэй не назвал, отбрасывал на все это дело тень длиннее и чернее.

Бонд отвлекся от своих мыслей и вернулся в настоящее, заметив, что дождь уже прошел, хотя по-прежнему было прохладно. Над крышами неслись облака цвета пушечного дыма. Остановившись у перехода, Бонд заметил Большого Мика - чернобородого, взъерошенного парня, сидевшего за рулем темно-бордового «Вольво». Ирландец не показал вида, но агент 007 был уверен, что тот уже узнал и припаркованную машину, и его самого и Хейзер, пока они стояли у светофора. Загорелся зеленый свет, они перешли дорогу и продолжили, не спеша, идти дальше. Бонд попросил Хейзер не торопиться.

-Идея та же, что и при поджигании запала взрывчатки. Просто уходи. И никогда не беги - а то вдруг поскользнешься.

Она кивнула. Видно, что о взрывчатках девушка что-то все-таки знала. «Значит чему-то ее все-таки научили, - предположил Бонд. - По дороге в Росслэйр надо будет об этом выяснить поподробней, выжать по капле.»

Они не пошли через парк, а решили прогуляться по его северной стороне в сторону восточной, где была припаркована их машина. Проходя мимо отеля «Шелбоурн», Бонд чуть не окаменел. Взглянув через дорогу на знаменитый отель, он второй раз в жизни увидел во плоти аккуратную и компактную фигуру полковника Максима Смолина, которого сопровождали два низкорослых, мускулистых мужчины. Троица спускалась по лестнице и поглядывала по сторонам, видимо, ожидая транспорта.

-Не смотри в сторону «Шелбоурна», - на выдохе пробормотал Бонд. – Нет, Хейзер, не смотри, - повторил он, прибавляя ходу, когда

та отреагировала. — Не останавливайся. Твой бывший любовник
вылез из своей норы.

- 7 -

Несчастный случай

Бежать не было смысла. Смолин узнал бы Хейзер и в одежде и без одежды, к тому же, предположил Бонд, Смолин узнал бы и его. Ведь его фотография была, пожалуй, в картотеке каждой спецслужбы мира. Надеяться можно было лишь на одно: что при таком уличном движении Смолин, который явно в эту минуту искал взглядом свое транспортное средство, просто их не заметит. Но Бонд знал, что шансы не ахти какие - Смолин умел машинально выделять в многотысячной толпе известное ему лицо, каким бы маловероятным присутствие этого лица там ни было.

Нежно взяв Хейзер под руку, Бонд отвел девушку за угол и, постепенно прибавляя ходу, направил ее к машине.

Он ощущал знакомое неприятное покалывание в районе затылка – словно там шебуршилась дюжина маленьких, ядовитых пауков. Хотя и не со стопроцентной уверенностью, но Бонд все же отдавал себе отчет в том, что шансы того, что полковник Максим Смолин провожает их взглядом, довольно велики. Быть может, полковник даже улыбнулся этому совпадению: увидеть свою бывшую любовницу здесь, в центре Дублина. Или, подумал Бонд, это не было простым совпадением? Как правило, в его ремесле слово «совпадение» приравнивалось чуть ли не к ругательным. «М» всегда говорил, что не бывает такой вещи, как совпадение, точно также, как Фрейд однажды сказал, что несчастный случай, произошедший с человеком, находящимся в состоянии стресса и замешательства, спонтанным назвать нельзя. Сев в автомобиль, Бонд посмотрел в зеркало, повернул ключ зажигания и пристегнул ремень безопасности. Движение на дороге было насыщенным, но он все же заметил догонявшую их «Кортину» мышиного цвета, следом за которой ехала темно синяя «Ауди». Большого Мика за рулем «Вольво» он уже видел; значит, все три машины уже едут вокруг парка Грин. Фокус заключался в том, чтобы успешно выбраться из города на дорогу, ведущую в предместья Дан-Лаогхэир, к побережью. Маршрут лежал через Брэй и Арклоу, Гори и Векфорд, прямо в Росслэйр. И фокус предстоял нешуточный, ведь, чтобы занять нужные позиции на дороге, им придется сделать вокруг парка не один круг, а это значит: придется снова проехать мимо отеля «Шелбоурн».

Бонд аккуратно вырулил из паркового пространства и с легким нетерпением стал ожидать в полосе «дырку». Поймав момент, он очень быстро дал задний ход, врубил первую скорость и газанул. Через пару секунд он ехал точно позади «Ауди».

Когда они объехали парк Грин вокруг, Смолина, как и двух его рослых коллег, у отеля «Шелбоурн» уже не было. «Кортину» покинула их на перекрестке, свернув на Миррион-роу, и направилась на Бэггот-стрит. К тому времени, как они сделали второй круг, позади уже пристроился Большой Мик. Теперь «Сааб» Бонда был аккуратно зажат между двумя машинами, а «Кортину» - в качестве лидера - ехала где-то далеко впереди, вне зоны их видимости. Глянув в зеркало, Джеймс увидел, как бугристое лицо Большого Мика расплылось в широкой улыбке – их маленькая хитрость удалась. Бонд стал метаться с одной полосы на другую, отчего мешки с покупками Хейзер, лежавшие на заднем сидении, стали болтаться и перекашиваться. Он хотел выбраться из Дублина как можно скорее.

-Почему он любил, чтобы его называли Вальдом? – внезапно спросил Бонд.

Дублин уже остался далеко позади, и движение на дороге стало спокойным. Сейчас они приближались к городку Брэй, чья огромная церковь, чем-то похожая на французскую, величественно возвышалась над остальными домиками.

Пока они пробирались по милым, но переполненным улочкам предместий Дублина, - мимо отеля «Джурис» и резиденции анахронического Дублинского Королевского общества, что находится в Боллсбридже, - Хейзер хранила молчание, чтобы не отвлекать Бонда. Но теперь, услышав его вопрос, она чуть не подпрыгнула в кресле.

-Вальд? Ты о Франце? О Джангле?

-Ну не о Шервудском же лесе, дорогуша.

Глаза Джеймса внимательно следили за дорогой, поглядывали в зеркала и на приборы, проверяя их каждые тридцать секунд. Но помимо управления машиной его мозг был занят и другой проблемой: Бонд намеревался провести допрос.

Хейзер молчала, словно обдумывая свой ответ.

-Это было странно. Ты видел его фотографии? Ведь он был таким красавчиком: блондин, гладкая кожа, стройный и подтянутый. Ну прямо гитлеровский идеал немца, который можно встретить на старых фотографиях! Истинный ариец!

-Так почему же он называл себя Вальдом? – слегка нетерпеливо повторил Бонд.

-Из-за тщеславия.

-А это-то здесь причем?

Бонд затормозил перед светофором. Его автомобиль стоял почти вплоты к заднему бамперу «Ауди». Где-то позади, за двумя грузовиками находилась «Вольво» Большого Мика.

-Из-за своей работы. Он был тщеславен по поводу своей работы. Он говорил, что может спрятаться от кого угодно и когда угодно. У него была идея-фикс, что никто не может его найти, пока он сам этого не захочет. Говорил, это все равно, что шарить в дремучем лесу. Кажется, Элли предложила называть его Вальд, ему понравилось. Он был несколько... самодоволен. Я правильно выразилась?

Бонд кивнул:

-Отсюда и такое имя - Джангл Бэйзли. Искать его – все равно что искать в лесу одно определенное дерево?

-Точно. Или иголку в стоге сена.

Теперь Бонд был еще более озабочен.

-Ты говоришь, что Элли дала ему эту кличку. Значит вы - пятеро – регулярно встречались друг с другом? – Иметь настолько плохую систему безопасности - это почти самоубийство, подумал он. Но в операции «Торт» много чего указывало на плохую систему безопасности.

-Нечасто, нет. Но встречались.

-Эти встречи санкционировались вашим шефом?

-Нет. Стриж виделся с каждым из нас в отдельности. У нас были регулярные встречи на конспиративных квартирах, в магазинах и парках. Но ты должен понять, что мы с детства знали друг друга.

Бонд подумал: а ведь они были почти дети, когда готовился этот чудовищный план! И две из них уже мертвы, а на головы и языки остальных назначено вознаграждение. И Смолин успокоится лишь тогда, когда все будут спокойно лежать в гробах. А что же Стриж, их шеф? В досье на него содержалось множество информации, которую «М» представил в своем свете. «Стриж» была кличка, его настоящее имя держалось в строжайшем секрете, даже не упоминалось в официальных документах. Но Бонд знал, кто скрывался под этим псевдонимом. Среди оперативников он слыл легендой, одним из опытейших и осторожнейших людей их профессии. Стрижом его прозвали за ту скорость, с которой он разрабатывал своих клиентов; он действовал шустро и наверняка. И он был не из тех, кто способен ошибаться. В то же время, если версия Хейзер о провале операция «Торт» была правдой, то получалось, что в конце концов чутье Стрижа все таки подвело...

Сейчас они проезжали по сельской местности, окрашенной в сочные, зеленые краски. Виднелось несколько коттеджей, из труб которых вился дымок от торфобрикетов. В этой картине было что-то

убаюкивающее, и в то же время что-то неопрятное, неопрятное, как операция «Торт». И снова Бонд быстро прошелся по всем фактам.

Все пять пар родителей были «спящими», то есть законсервированными агентами. Они поставляли лишь малую толику полезной информации, но все состояли на хороших должностях и имели надежные крыши. У Бриджет отец работал адвокатом, среди его клиентов были важные государственные служащие. Родители Миллисент – докторами, в списке их пациентов числилось несколько человек, связанных с разведкой. Остальные трое вышли из семей, сотрудничающих с военными и полувоенными организациями: отец Эбби являлся офицером Народной полиции ГДР, отцы Джангла и Хейзер были офицерами Немецкой армии, которые служили в Карлсхорстских казармах, где располагалось начальство разведки Восточной Германии и Советское руководство. Легко представить, почему на эту пятерку молодых людей обратили внимание планировщики операций, когда обдумывали идею шантажа ключевых фигур Восточной Германии.

Целью Бриджет был член Восточногерманского политбюро. Миллисент предстояло стать доступной одному из семи офицеров КГБ, служащих в Карлсхорстских казармах под тоненьким прикрытием неких «консультантов». У Эбби на примете был майор Восточногерманской армии. Джангл и Хейзер отвечали за главные призы; ими являлись госпожа капитан Дитрих - офицер ГУ, командующая штатом гражданских лиц, хорошо известная за свое тяготение к молодым юношам, и полковник Максим Смолин.

Смолин попался на крючок Хейзер, заглотив леску и грузило – во всяком случае так говорилось в рапорте. Бонд помнил каждую деталь из этого досье. Там говорилось: «Василиск снял для девушки маленькую квартирку, находившуюся в пяти минутах езды от Карлсхорстских казарм, там он и проводил с ней свое свободное время. После каждой «деловой» поездки за границу, он привозил ей дорогие подарки.» Далее прилагался перечень подарков, которые варьировались от Hi-Fi аппаратуры до кое-каких французских «сувениров». Подробность, составленного Стрижом списка, вызывала восхищение. Даты и наименования подарков были перечислены в одной колонке, время, проведенное Василиском за границей, с информацией о всех его передвижениях, - в другой. Из всех списков это был единственный настолько полный.

Госпожа капитан Дитрих тоже дарила своему Джанглу подарки, но Стриж не располагал достаточно полными сведениями об этом. Еще меньше информации имелось об отношениях между остальными тремя агентами и их мишенями. С самого начала Бонд задавал себе вопрос – была ли это цельная операция, или же его

начальство хотело только двоих – Дитрих и Смолина, а остальные выступали в качестве довеска или же просто отвлекали внимание? Принимая во внимание ошибку Стрижа, Бонду снова и снова приходилось просеивать детали операции...

Сейчас они проезжали по деревеньке, население которой было где-то пятьсот человек, и, казалось, что из всех строений здесь имелся только собор, двенадцать гаражей и двадцать баров.

Бонд сказал:

-Расскажи-ка мне еще раз об всем этом.

-Я все уже рассказала. – Она говорила тихим, усталым голосом, видимо больше не желая обсуждать операцию «Торт».

-Ну в последний раз. Что ты почувствовала, когда тебе попросили сделать это.

-Мне было всего девятнадцать. Думаю, я была скороспелой. Для меня это показалось шуткой. И только потом, когда уже было поздно, я поняла, на сколько же все это смертельно опасно.

-Но тебя захватила сама идея?

-Конечно! Ведь это было как приключение! Если бы тебе было всего девятнадцать и тебе бы попросили, соблазнить женщину, причем красивую женщину, которая старше тебя? Тебя бы такая идея не захватила?

-В зависимости от того по какую сторону от чувств лежали бы мои политические убеждения.

-Что ты этим хочешь сказать? – Ее расшатанные нервы начали проявляться.

-Когда с тобой связались и спросили об этом захватывающем приключении, ты была уже политически настроенной молодой девушкой?

Она глубоко вздохнула.

-Если тебе действительно интересно, то политика меня абсолютно не трогала. Все эти разговоры о Востоке, Западе, Севере, Юге, о коммунистической партии, об американцах, об англичанах для меня были пустой болтовней. Максим всегда говорил: «Для политики и религии границ не существует – это рынок».

-Правда? – Бонд удивился, неожиданно узнав о таких политических взглядах Смолина. – И что же он имел в виду, хотелось бы знать?

-Он имел в виду, что ты платишь деньги и делаешь выбор. Но раз уж ты сделал свой выбор, говорил он, то этим выбором ты связан по рукам и ногам. Он говорил, что политика коммунизма сравнима с римской католической церковью. У обеих правила, от которых нельзя уклоняться.

-Но ты все же пыталась его уклонить. Ты изо всех сил старалась его перековать.

-В общем, да.

Бонд хмыкнул.

-А до этого ты с ним встречалась?

Она снова вздохнула.

-Я же говорила. Он был частый гость в нашем доме.

-И он уже тогда проявлял к тебе интерес?

-Не очень.

Она запнулась, потом устремила в длинный монолог: полковник Смолин, возможно, и не самый красивый мужчина на свете, но привлекательный; с первого взгляда она не испытала к нему никакого физического влечения, но, между тем, в нем было что-то особенное. Смолин показался Хейзер еще более привлекательным после того, как девушке объяснили суть ее дела. Сначала отец признался, что борется против людей, которые разделили их страну пополам. Потом человек, которого в последствии Хейзер называла Стрижом, - ее шеф, - обрисовал картину в более грубой форме.

«Он сволочь, - сказал ей Стриж на первом инструктаже, - сволочь первой величины. Сволочь, которая, не задумываясь, повесит собственную мать на струне от пианино. Он профессиональный охотник на шпионов и убийца шпионов, и его не заботит, бывает ли он иногда не прав. Мы просим тебя затащить его в постель, завоевать его доверие и заставить поделиться с тобой своими мыслями, своими страхами, и, в конце концов, своими секретами.»

-Максим оказался не таким уж и плохим, как описал его Стриж.

Бонд уже до этого успел заметить, что Хейзер все еще испытывала скрытую ностальгию по роману со Смолиным. Он сказал:

-Я уверен, что любовницы палачей Аушвица и Бельсена говорили тоже самое, когда ели вишневый торт. – Когда дело касалось таких людей как Смолин, у Бонда не было времени на всякие там сантименты.

-Нет! – почти закричала Хейзер. – Почитай мой рапорт. Там все написано. Максим был странной натурой, но большинство из тех историй, которые о нем рассказывают, - неправда.

-Ах, так вот почему он послал команду киллеров за тобой и твоими друзьями? Так вот почему он вырывает им языки?

Она замолчала, уставившись взглядом вперед, на дорогу. Бонд мельком глянул на нее. Он мог поклясться, что в ее глазах стоят слезы.

-И ты вот так запросто согласилась на это, поймала его в свои сети, охмурила, соблазнила и стала регулярно рапортовать Стрижу о ваших пастельных беседах?

-Я же уже сказала тебе! – Теперь она уже почти кричала на Бонда. – Сколько можно повторять, Джеймс? Да! Да! Да! Я поймала его на крючок. Он даже стал нравиться мне. Мне с ним было приятно: он был нежный, чуткий, и очень любящий. Слишком любящий.

-Поэтому-то ты и прогадала момент истины?

-Да! Я что? Снова и снова должна рассказывать это? Господи... - Она действительно была уже на грани слез. – Стриж приказал мне привести его домой и поговорить с ним.

Бонд сосредоточился на дороге.

-И что случилось, когда ты поговорила с Максимом Смолиным?

Хейзер глубоко вздохнула, захотев что-то сказать. В этот момент Бонд зашел в поворот, ведущий к длинному прямому участку дороги, по обочинам которой росла живая изгородь из низкорослого кустарника. Большой Мик, едущий в двухстах ярдах позади, мигнул фарами. Бонд, глянув в зеркало заднего вида, увидел, что «Вольво» быстро нагоняют две машины, да так быстро, что во мгновение ока они поравнялись с автомобилем Большого Мика. Хотя Бонд не ездил по этой трассе уже много лет, у него появилось странное ощущение дежа-вю. В его воображении пронеслась картина аварии: синие мигалки, их тормозит полиция. Еще не зная, что там впереди, он почувствовал в животе комок страха. Позади две машины начали зажимать «Вольво».

Они вышли из поворота на прямой участок: дорога, как он и ожидал, была усеяна обломками и перегорожена предупреждающими знаками с мигалками. Бонд крикнул Хейзер, чтобы та держалась. Впереди виднелась машина Гарды, «скорая помощь», остатки автомобильного корпуса мышиного цвета, по всей видимости - «Кортины», и «Ауди», валявшаяся на боку в живой изгороди. Был еще тяжелый грузовик, стоявший поперек дороги. Сейчас Бонд был не предрасположен к грузовикам. Он резко ударил левой ногой на тормоз и попытался развернуть машину, прекрасно понимая, что сзади дорога блокирована разбившейся «Вольво» - если только Большой Мик не обладал сверхъестественными способностями.

Хейзер заорала. Автомобиль занесло, и он пошел юзом, продолжая набирать скорость, несмотря на все попытки Бонда его выправить. Слишком поздно Джеймс понял, что поверхность дороги была покрыта толстым слоем скользкого масла.

Их несло к месту аварии с потрясающей скоростью. Бонд отчаянно боролся с баранкой, чувствуя, что задок заносит слишком быстро, понимая, что столкновение неизбежно. Когда же оно случилось, ощущение было почти сравнимое с сексуальной разрядкой. Раздался скрипящий скрежет, и они остановились.

Бонд машинально схватил пистолет, но поздно. Двери распахнулись, и двое людей в форме Гарды вытянули Хейзер и Бонда наружу, ловко и очень больно скрутив им руки. Находясь в полубессознании, Бонд гадал, куда делся его пистолет. Он попытался – но безуспешно – оказать сопротивление, чувствуя, что их тащат в карету «скорой помощи». Там их ждало четыре человека.

Для бригады «скорой помощи» их не слишком сильно волновали телесные увечья. К этому времени Хейзер орала так, что и мертвого разбудила бы, но девушку утихомирил один из парней, резко ударив ее по шее ребром ладони. Она сразу же вырубилась. Двери закрылись и карета «скорой помощи» тронулась с места. Парень, ударивший девушку, подхватил ее и уложил на одну из коек.

Пятый человек появился из двери, соединявшей кузов с кабиной. И все равно никак нельзя было сказать, что «скорая» переполнена. Позже Бонд понял, что находился в очень большой карете «скорой помощи», по всей видимости, в переделанном военном автомобиле. Машина набирала скорость. Включили сирену. И поверх ее завываний послышался голос пятого:

-Мистер Бонд, я полагаю? Боюсь, что с вами произошел маленький несчастный случай на дороге, и мы были вынуждены как можно быстрее забрать вас с места этой трагедии. Прошу прощения за причиненные вам неудобства, но это было необходимо сделать для безопасности окружающих. Уверен, что вы поняли, о чем я. Если вы будете сидеть тихо, то мы с вами поладим, я просто уверен в этом.

Сомнений не было: полковник Максим Смолин обладал безграничным обаянием, даже когда в его голосе сквозила угроза.

- 8 -

Петух или ласка?

Карета «скорой помощи» свернула в сторону, подпрыгнула, притормозила, снова повернула и стала набирать скорость. Бонд прикинул, что они поспешно свернули с главной дороги и теперь, скорее всего, нарезали круги, запутывая следы. Возможно, что направлялись в сторону холмов; не исключено даже, что по труднопроходимому, скалистому ущелью Виклоу-гэп. Он посмотрел на Хейзер, которая без движения лежала на койке, и понадеялся, что никаких серьезных увечий ей не нанесли.

-С ней будет все в порядке, мистер Бонд. Мои люди получили приказ не убивать, а просто привести в бесчувственное состояние.

Вблизи Смолин производил более сильное впечатление, и этот незамедлительный ответ на беспокойный взгляд Бонда говорил о его уме и наблюдательности.

-Я уверен, что ваши люди хорошо обучены и как убивать и как не совсем убивать. – Бонд чуть было не добавил «Смолин», но вовремя опомнился.

-Обучены в совершенстве, дорогой мой сэр.

Смолин говорил на безупречнейшем английском, хотя дотошное ухо все же уловило бы тот факт, что выговор был слегка чересчур идеальным. Бонда удивила его обаятельная манера общения, за которой все же несомненно ощущалась абсолютная власть и уверенность в свои силы. Смолин выглядел человеком, привыкшим к беспрекословному повиновению, знавшим, что всегда главный он. Полковник оказался несколько выше, чем Бонд себе представлял, если вспомнить те два случая, когда он видел Смолина в живую. Его крепкое, мускулистое тело было облачено в дорогой анорак, шерстяные брюки и водолазку.

Смолин посмотрел на Бонда настойчивым взглядом, и в его черных, слегка овальных глазах загорелся веселый огонек.

-Могу я узнать, что происходит? – Бонду пришлось перекрикивать шум мотора и бречание раскачивающейся на ходу «скорой». Либо водитель не привык управлять подобным автомобилем, либо они и вправду ехали по трудной горной дороге. Улыбка полковника сменилась коротким и почти радостным смешком.

-Ой, ладно вам, Джеймс Бонд, вы сами хорошо знаете, что происходит.

-Я только знаю, что подвозил свою подругу, и вдруг нас похищают. – Он замолчал, и с наигранным замешательством добавил: - Вы знаете, как меня зовут?! Черт возьми! Откуда вы знаете, как меня зовут?

В этот раз Смолин разразился диким хохотом.

-Бонд, друг вы мой ситный, не делайте пожалуйста из меня дурачка. – Он кивнул в сторону Хейзер. – Вам известно, кем является ваша подруга, и что она сделала? Я подозреваю, вам *прекрасно* известно - и что она сделала, и кто я такой. В конце концов, многие вражеские спецслужбы завели на меня дело. Уверен, что и Британская Секретная разведывательная служба имеет на меня досье, так же, как и моя организация имеет досье на вас. Вам известно все об операции «Торт», и меня очень сильно удивит, если вы скажете, что не располагаете всеми деталями того наказания, которое в настоящее время проводится ее участникам.

-Какой торт? – Даже сам Бонд остался доволен этой убедительной смесью вопросительной интонации, недоумения и удивления, которую сумел изобразить.

-Операция «Торт».

-Я не знаю ни о каких тортах... ни о шоколадных эклерах! – Бонд внутренне подстегивал себя, чтобы изобразить злость как можно более убедительней. – Я знаю лишь то, что Хейзер попросила ее подбросить...

Смолин изобразил на лице печальную улыбку:

-Это после той небольшой проблемы, случившейся вчера в ее салоне красоты?

-Какой проблемы?

-Вы хотите сказать, что это не при вас ее пытались убить несколько бездумных кретинов, там - еще в Лондоне? Это не вы подвезли ее до аэропорта, да?... - Тень сомнения заползла в улыбку полковника.

-Я столкнулся с ней в «Хитроу», в зале для отбывающих пассажиров. – Бонд невозмутимо посмотрел на него. – А до этого мы встречались лишь один раз. Послушайте, что здесь вообще происходит? И зачем вы перегородили дорогу. Вы что? Какой-нибудь там террорист из Северной Ирландии?

Бонд тянул время и одновременно мерил силы противника. Хейзер до сих пор была без сознания, Смолин сидел очень близко к нему, остальные четверо были рассосредоточены по всему салону. Двое спереди, двое – у дверей. Все крепко держались, чтобы не потерять равновесие: казалось, что «скорая» ехала по «американским горкам». Бонд понимал: долго разыгрывать

простачка ему не удастся, а поскольку его обезоружили, то и о побеге думать бесполезно.

-Если бы я не знал, кто вы на самом деле, и не видел бы те предосторожности, которые вы предприняли для своей безопасности, то я подумал бы, что взял по ошибке не того человека. – Смолин снова улыбался. – Но ваши махинации с автомобилями и оружие, которое оказалось при вас. Так что... - Его заключение повисло в воздухе.

-Какие еще махинации? – с невинным видом переспросил Бонд.

-Я полагаю, что в подобных ситуациях вы всегда прибегаете к подобным приготовлениям. Дело в том, что за вами следовала наша вторая команда, с которой мы поддерживали радиосвязь. Затем мы просто на просто за милю от вас перекрыли дорогу. А когда вы попали в нашу зону, мы перекрыли дорогу позади вас. Старый принцип печной трубы.

Бонд больше не мог притворяться.

-Этим навыкам вас обучают в том центре, что у старого аэропорта в Ходинке? Да, полковник Смолин? Место, где все вы заканчиваете свою жизнь, будь то одним способом или другим - либо в тесном ящичке в крематории, либо с дикими воплями от пыток за предательство своей организации, которую, вы в шутку зовете «Аквариумом»? Или вас обучали в одном из кабинетов на улице Кнаменской?

-Так значит, Бонд, вы все таки знаете о моей организации. Вы знаете о ГРУ. Знаете так же и обо мне. Я польщен... и рад, что не ошибся в вас.

-Конечно, знаю, как и все те, кто не ленится читать нужные книжки. В моей организации говорят, что хитрости нашей профессии ни для кого уже особого секрета не представляют. Достаточно хорошенько покопаться в книжных магазинах на Черинг-Кросс-роуд, и вы узнаете все: методы, адреса, кадровый состав. Нужно лишь чуток почитать.

-Все же я думаю, что этого не достаточно.

-Возможно, ведь ГРУ любит оставлять все лавры КГБ, притворяясь шестерками серых людей с площади Дзержинского. Да, нам действительно известно, что вы более фанатичны, более засекречены, и посему более опасны.

Улыбка Смолина растянулась до ушей:

-Гораздо-гораздо опасней! Отлично, я рад, что мы оба знаем о чем речь. Мистер Бонд! Вы бы знали, как давно я горю желанием встретиться с вами лицом к лицу. Уж не вы ли часом и спланировали эту идиотскую операцию «Торт»?

-Тут вы меня поймали, полковник Смолин. Я ничегошеньки не знаю об этой операции.

Из кабины «скорой помощи» что-то крикнули, после чего Смолин, чуть ли не извиняясь, сказал, что вскоре будет вынужден принять меры, чтобы Бонд и Хейзер сохраняли молчание. Карета «скорой помощи» сбавила скорость, качнулась, и накренилась влево, да так сильно, что пришлось хвататься за поручни. Автомобиль продолжало трясти. Постепенно грохот стих, и машина остановилась. Со стороны кабины послышался звук захлопнувшейся двери. Затем открылись задние двери, и внутрь заглянул краснолицый мужчина, одетый в темную форму водителя скорой помощи.

-Их еще нет, герр полковник, - по-немецки сказал он Смолину.

Небрежно кивнув, полковник приказал смотреть и ждать. Бонд выгнул шею, чтобы увидеть, что там с наружи. Вид деревьев, за которыми возвышался каменный склон, подтвердил его начальное ощущение того, что они направлялись к унылым Виклоуским холмам.

-Подготовьте девушку, - слегка повернув голову, приказал Смолин одному из охранников, сидящих впереди. Тот кое-как отпер какой-то дипломат, достал оттуда шприц и начал его готовить. Увидев это, Бонд хотел было двинуться в его сторону, но соседний охранник достал автоматический пистолет и твердой рукой навел оружие на агента 007. Смолин поднял руку, словно попытавшись и защитить и одновременно унять Бонда.

-Все в порядке. Девушке ничего плохого не сделают. Просто я решил, что будет лучше, если какое-то время она побудет под действием слабого снотворного. Впереди у нас долгая поездка, и я не хочу, чтобы она находилась в сознании. Вы, дружище Бонд, ляжете сзади, на полу машины, которая вот-вот приедет. Лицо вам закроют, и если будете вести себя хорошо, вреда вам никакого не причинят. — Он замолчал и, улыбнувшись, добавил: - Пока не причинят!

Хейзер слегка шевельнулась и застонала, видимо, приходя в сознание. Человек, державший шприц, молча и не спеша стал готовить девушку к уколу. Укол он сделал умело, проколов кожу на ее обнаженной руке под точно выверенном углом.

-Так значит, Джеймс Бонд, вы говорите, что ничего не знаете ни о какой операции под кодовым названием «Торт»?

Бонд покачал головой.

-И я полагаю, - продолжал Смолин, - что вы никогда не слышали об Ирме Ваген?

-Это имя мне неизвестно.

-Но вы знаете Хейзер Дэйр?

-Да, мы виделись один раз, еще до нашей встречи в аэропорту.

-И где же вы познакомились, «еще до вашей встречи в аэропорту»?

-На вечеринке. У друзей.

-У друзей, в смысле – у друзей по работе? Я знаю, что в терминологии вашей Службы «друзьями» зовутся другие работники этой же Службы. Или, по крайней мере, «друзьями» их называют в МИДе.

-Нет, у простых друзей. У пары по фамилии Хазлетт... Том и Мария Хазлетт.

Бонд дал ему их адрес, в Хэмпштеде, зная, что проверка не принесет Смолину никаких результатов, поскольку Том и Мария являлись их агентами, специализирующимися на алиби. Если их спросят, даже намеками, знают ли они Бонда или Хейзер, те ответят: «Да. Ведь правда Хейзер очаровашка?» или «Конечно, Джеймс наш старый друг». И сразу же вызовут команду наружного наблюдения, которая сядет вопрошавшим на хвост. Этому ремеслу их обучила Британская Секретная служба.

-Значит вы заявляете, что не знаете, что Ирма Ваген и Хейзер Дэйр из салона красоты «Будь элегантней Дэйр» - одно и то же лицо?

-Я никогда не слышал ни о какой Ирме Ваген.

-Нет. Нет, конечно, не слышали, Джеймс. Зовите меня, кстати, Максим. Я не отзываюсь на уменьшительное Макс. Нет, вы не слышали ни об Ирме, ни о провалившейся операции «Торт». – Улыбка не сходила с его лица, но в словах прозвучало неверие. Потом он не выдержал и громко воскликнул:

-Я просто не верю вам, Джеймс Бонд! Я не могу поверить!

-Ну и не верьте на здоровье. – Бонд изобразил полное безразличие.

-Куда вы подвозили фрейлейн Ваген, известную вам под именем Хейзер Дэйр?

-В Эннискорти.

-И зачем же ей было нужно ехать в Эннискорти? – Смолин покачал головой, как бы подчеркивая свое неверие. – И куда же, в таком случае, направлялись вы сами, если вам было по пути вместе с ней?

-Мы просто совершенно случайно встретились в аэропорту и сели рядом в самолете. Я сказал ей, что еду в Ватерфорд, и она спросила, не подброшу ли я ее.

-И зачем же вы ехали в Ватерфорд?

-За хрустальным сувениром, зачем же еще? Я очень люблю Ватерфордский хрусталь.

-Ну, да, конечно. Его ведь так трудно достать в Лондоне, правда? – В этом тяжелом сарказме проявилась русская сторона Смолина.

-Я в отпуске, герр полковник Смолин. Я повторяю, я не знаком ни с какой Ирмой Ваген и не слышал ни о какой операции «Торт».

-Посмотрим, - ответил Смолин, вкрадчивым голосом. – А пока, чтобы устранить недоразумения и разрядить атмосферу, я расскажу вам, что *мне* известно об этой, так глупо названной операции, которую в былые времена отнесли бы к рангу «медовых». В качестве приманок ваши люди использовали четырех молоденьких и очень привлекательных девушек. – Он отогнул четыре пальца и принялся перечислять имена, загибая по одному, словно вычеркивая девушек из списка: - Франци Траубен, Элли Цукерман, Ирма Ваген и Эмили Николас. – Он снова весело рассмеялся. – Эмили – хорошее имя, если учесть, что так всегда называли «приманок» для мишеней. Да что я говорю! Вы и сами неплохо об этом знаете. – Он прошелся рукой по своей черной шевелюре. – У каждой девушки была своя мишень – высокопоставленный государственный служащий. И быть может, им удалось бы все это безнаказанно повернуть, если бы в это дело не втянули меня! – Внезапно его манера поведения изменилась. – Вы решили использовать *меня* в качестве мишени для своих игр! Меня, Максима Смолина! Решили, что меня может запросто окрутить и скомпрометировать какая-то там девчонка, которая имеет представление о подобном роде работы не больше, чем простой зеленый новичок! – Он поднял голос. – Вот это я никогда не прощу вашей организации. Послать мне какую-то любительницу! Любительницу, которая проговорила мне сразу же, на первом свидании, и в конце концов выдала всю свою маленькую группу. Ваша организация, Бонд, приняла меня за какого-то дурака! Если бы послали профессионала – другое дело, но такую любительницу как она! - Он ткнул в сторону лежащей Хейзер. - Любительницу я вам никогда не прощу.

Так, значит, вот он какой - настоящий Смолин: гордый, заносчивый и злопамятный!

-Я уверен, что Главное разведывательное управление тоже время от времени использует подобных временщиков. Правда, Максим? – Бонд задал этот вопрос с тенью улыбки.

-Подобных временщиков? – воскликнул Смолин, да так, что даже брызнул слюной. – Конечно, мы готовим временщиков, но никогда не используем их против мишеней важности, сравнимой с моей.

Ну, вот, приехали. «Важности, сравнимой с моей.» Оказывается, полковник Максим Смолин считает себя

неприкосновенным и незаменимым, без которого одна из секретнейших организаций Советского Союза исправно работать просто не сможет. (Другой наисекретнейшей организацией Советского Союза был старый враг Бонда, бывший СМЕРШ, теперь полностью переорганизованный в Восьмой отдел Управления «С» после того, как не оправдал себя в форме Отдела «В».)

Смолин тяжело дышал, и Джеймс почувствовал, как холодная, ледяная рука проводит невидимым пальцем по позвоночнику: страх давал о себе знать. Бонд увидел перед собой каменное лицо убийцы, убийцы с мускулистым телом и с бешеным огоньком в черных глазах.

Где-то вдалеке бибикнул автомобиль: три коротких сигнала и один длинный.

-Они приехали, - сказал Смолин по-немецки.

Двери «скорой помощи» распахнулись, открыв панораму усеянных булыжниками зеленых холмов, за которыми маячил какой-то лесок. «Скорая помощь» стояла вдалеке от дороги. В их сторону медленно ехали два автомобиля – «БМВ» и «Мерседес». Бонд взглянул на Смолина и кивнул в сторону Хейзер.

-Честное слово, я ничего не знаю об операции «Торт». – Он говорил тихим голосом, надеясь, что в слепой ярости Смолин поверит ему. – Это больше похоже на детище западногерманской ФРС, чем наших людей.

Смолин обернулся.

-Это детище вашей Службы, Джеймс Бонд. У меня есть доказательства, уж поверьте мне. Поверьте и в то, что мы выжмем из вас все, все до последней капельки. Осталось еще несколько загадок, которые нужно решить, и я здесь как раз ради этого.

-Каких загадок?

Автомобили были уже близко, а из «скорой помощи» уже спустились два человека, приготовившись переводить пленников.

-Мы разделались с двумя пауками из этой паутины – с Траубен и Цукерман. Вы, наверное, знаете их под именами Бриджет Хэммонд и Миллисент Зампек. Мелкота, но раздавить ее было нужно. Эта девушка – моя девушка – возможно, держит в своей куриной башке ответы на некоторые вопросы. И осталась еще одна. Николас, она же Эбби Хэритидж. Эта парочка и вы должны заполнить кое-какие белые пятна. А после мы отправим вас в ад, на вечное проклятие.

Если Хейзер и Эбби нужны ему живыми, зачем же тогда посылать громилу с молотком и тех двух парней, которые гнались за Бондом по пожарному выходу? Смолин, когда говорил об этом происшествии, охарактеризовал этих убийц как «бездумных кретинов, пытавшихся ее убить.» Пока агент 007 наблюдал, как

Хейзер переносили в «Мерседес», в голове у него стали появляться самые невероятные мысли. Его глубоко удивило то, что водитель переложил в свой багажник пакеты с покупками, приобретенные в Дублине. Шустро же они сработали, отметил про себя Бонд, если за такое короткое время успели вытащить из его разбившегося автомобиля все вещи. Хотя с другой стороны ГРУ организовано на военных принципах, поэтому неудивительно, что их похищение прошло с военной аккуратностью. Джеймс Бонд впервые сталкивался с ГРУ и был поражен такими высокими стандартами в дисциплине.

В Москве их штаб-квартира располагалась в красивом старинном особняке на улице Кнаменская, дом 19, который изначально принадлежал какому-то миллионеру, приверженцу царя. ГРУ постоянно цапалось с КГБ, поскольку Комитет Госбезопасности считал себя главней и важней Главного разведуправления, хотя ГРУ, имея глубокие военные корни, обладало выгодной независимостью от КГБ - более крупной и широко известной спецслужбы.

Он ощутил на плече руку Смолина.

-Ваша очередь, мистер Бонд.

Бонда подхватили за руки и за ноги и потащили в «БМВ», там ему на голову надели мешок, на руки за спиной - наручники, и заставили лечь на пол. Мешок пропах пшеницей, отчего горло пересохло в считанные минуты. Он услышал, как завелся мотор «скорой помощи», и почувствовал, как в спину уперлась нога Смолина, когда тот сел в машину. Через мгновение завелся двигатель «БМВ», и они тронулись с места.

Смолин сказал, что в «медовой» операции в качестве приманок были использованы четыре молоденькие и очень привлекательные девушки. Он упомянул только четырех девушек. Он не сказал ни о Джангле Бэйзли, ни о госпоже капитане Дитрих, которую Хейзер назвала одной из двух главных мишеней. Почему? Пока Бонд сосредотачивался, чтобы попытаться определить скорость и направление движения автомобиля, в его голове вырисовалась еще более зловещая картина. Быть может, Джангл еще не раскрыт как участник их сети? Не подсунул ли «М» Бонду маленький кусочек дезинформации, когда проводил инструктаж? А может все гораздо опасней? И не связано ли это каким-нибудь образом с тем слухом, который поведал ему Норман Мюррэй, что якобы на горизонте появился некто поважней, нежели Смолин. И не означает ли это, что Смолин находится под давлением сверху?

Ему вспомнилось улыбающееся лицо Мюррэя, и его слова: «Максим Смолин... дурацкий псевдоним «Василиск». Бонд обратился к своим скудным познаниям в мифологии. Василиском

называлось крайне омерзительное чудовище, вылупившееся из петушиного яйца, которое высидела змея. Даже самые бескорыстные и невинные люди погибали, лишь стоило им взглянуть Василиску в глаза. Это злобное существо уничтожило бы весь мир, если бы не два его врага – петух и ласка. Василиск не мог причинить ласке никакого вреда, а умер он от крика петуха.

Бонд стал гадать, кто же тогда он сам – петух, ласка, или ни то и ни другое.

- 9 -

Замок ГРУжасов

По приблизительным подсчетам Бонда они ехали где-то три часа, но уже по прошествии половины этого времени он потерял чувство ориентации. Хотя внутренний голос говорил ему, что автомобиль снова и снова проезжает по тем же местам. Лежа на полу машины в неудобной позе, с тесным мешком на голове, в темноте, дыша спертым воздухом, Бонд пытался рассудить, куда же конкретно они направляются. Когда он был вынужден бросить эту затею, то взялся заново рассматривать всевозможные теории, которые пришли к нему еще в карете «скорой помощи».

Бонд нисколько не сомневался в том, что угрозы Смолина не пустая болтовня: с ними действительно проведут доскональный допрос по поводу операции «Торт». Репутация полковника была достаточным гарантом этому. Но если в клочке той сомнительной информации, которую сообщил ему Норман Мюррэй, был хоть малейший намек на правду, то, возможно, что Смолин совсем не тот человек, который ему нужен. И если Бонду удалось расшевелить то высокомерие, которое Смолин проявил в машине «скорой помощи», то гэрэушник может повести себя нерационально, и тогда он, Бонд, воспользуется этим как рычагом. Он понимал, что пора как-то подействовать на разворот событий.

Машина остановилась, но Смолин не стал выходить.

-Ваша подруга вроде проснулась, - обратился он Бонду, - посему ее повели на коротенькую прогулку. Не беспокойтесь, с ней ничего не сделают. Она ведет себя послушно.

Захотев лечь поудобней, Бонд шевельнулся, но ему в плечо тут же уперся каблук смолинского ботинка, да так сильно, что он чуть не вскрикнул. Джеймс понял, что на допросе, который их ожидал, не будут прибегать к каким-то современным хитроумным методам - скорее он пройдет в атмосфере крайней жестокости.

Прошло какое-то время, машина свернула с хорошей дороги и поехала в гору по ухабистой тропе. Они продвигались со скоростью примерно тридцать миль в час, и их здорово трясло. Потом автомобиль выехал на ровную поверхность, слегка повернул в сторону и остановился. Послышалось, как затих мотор и открылись двери. Бонд ощутил, как его тело обдало свежим воздухом. Смолин отодвинулся, стянул с его головы мешок и снял наручники.

-Можете выходить из машины, мистер Бонд.

Бонд зажмурился от яркого света и стал растирать онемелые руки. Он с трудом заполз на сиденье и вылез наружу. Казалось, что ноги были совсем не его, а спина и руки болели так сильно, что он еле мог ими пошевелить. Чтобы не упасть, ему пришлось ухватиться за корпус автомобиля.

Прошло несколько минут прежде, чем Бонд смог ровно стоять на ногах, но он не терял этого времени понапрасну и осмотрелся по сторонам. Они находились на круговой дорожке перед фасадом огромного серого здания, на углах которого располагались квадратные башенки. Стена фасада была увенчана рядом зубоподобных бойниц, а мощная парадная дверь из дуба была вделана в нормандскую арку. Окна были оформлены в том же стиле. В целом, подумал Бонд, - типичный неоготический замок ранней викторианской эпохи. Но этот, как видно, имел несколько усовершенствований двадцатого века, таких как множество антенн, торчащих из одной башни, и огромная спутниковая тарелка, прикрепленная к другой. Дом находился в центре гигантской, поросшей травой поляны чашевидной формы, диаметром по крайней мере в три мили. Деревьев и укрытий было не видно.

-Добро пожаловать.

Сейчас Смолин находился в мирном расположении духа, по всей видимости, в пике своей обаятельности. Тем временем Хейзер помогли вылезти из «Мерседеса», припаркованного перед замком. Бонд услышал, как за входной дверью лают собаки; кто-то отпирал засовы. Через какие-то секунды двери распахнулись, и на улицу выбежали немецкие овчарки.

-Эй! Вотан, Зиги, Фафи, ко мне! - крикнул Смолин.

Большие гладкошерстные псы с нескрываемым удовольствием кинулись к Смолину. Заметив Бонда, одна из собак обернулась к нему и, оскалив клыки, зарычала.

-Молодец, Фафи, молодец! Фу! Сторожить! – сказал по-немецки Смолин, потом обратился к агенту 007: - На вашем месте я бы не делал резких движений. Фафи - отличный сторож, и лучше его не злить. Эти животные хорошо выдрессированы, и у них отлично развит инстинкт убийцы, так что будьте поосторожней. - Он перестал гладить остальных двух овчарок и, медленно указав на Бонда, сказал им: - Зиги, Вотан. Сторожить! Да, его. Сторожить!

Из дома вышли двое мужчин, а следом - молоденькая девушка с пышными белокурыми волосами. На ней была шелковая бордовая рубашка в обтяжку и складчатая юбка, которая стала развиваться и путаться между ног, как только девушка кинулась к Хейзер. Она кричала что-то по-немецки, ее глаза сияли, а лицо лучилось от счастья. Движения были полны невинной сексуальности, словно

сама девушка не осознавала, насколько прекрасны пропорции ее великолепного тела. Сердце Бонда ушло в пятки, когда он разобрал ее слова:

-Хейзер... Ирма... тебя тоже спасли! А я боялась, что нас так и бросят. Но они не бросили! - Она подбежала к Хейзер и обняла ее.

-Маленький обман, а что поделать. - Смолин взглянул на Бонда, а Хейзер еле выдохнула: - Эбби? Что...

-В дом! - Громкий голос Смолина резко прервал разговоры, которые начались между озадаченными девушками. - Все в дом! Быстро!

К ним подошли охранники. Овчарки стали ходить вокруг, наготове. Их особенно волновали Бонд и две девушки. Вместе с охранниками собаки сопроводили их через дверь в просторный холл с каменным полом, в интерьере которого над всем остальным доминировала галерея, пробегавшая вдоль трех стен, и широкая парадная лестница.

Хейзер выглядела спокойной. «Еще не прошло действие наркотика», - решил Бонд. А Эбби сильно дрожала. Когда же девушка посмотрела на Бонда, то в ее огромных голубых глазах возник ужас. Но, судя по выражению лица, к ней постепенно вернулись воспоминания пятилетней давности, и девушка вспомнила ту ночь, когда Бонд с ребятами из Специальной морской службы забрали ее и Хейзер с восточногерманского побережья.

-Это он? – громко спросила Эбби у Хейзер и, приподняв руку, указала на Бонда.

Хейзер мотнула головой и что-то шепнула ей, бросив взгляд на Смолина, потом на Бонда. Бонд тем временем осматривал холл, запоминая каждую деталь: темно-синие бархатные портьеры, три двери, коридор, ведущий в остальные уголки замка, и огромные портреты работы восемнадцатого века, так не подходившие к собравшейся здесь компании.

Тем двоим охранникам, что сопровождали Эбби, Смолин рявкнул какой-то приказ. Водители и остальные четверо, те что были в «скорой помощи», встали у дверей. Судя по манере, с которой они держали себя, и по отличительным выпуклостям на одежде, было件нятно, что ребята вооружены. Вооружены до зубов, подумал Бонд. Словно в подтверждение его мыслей, один их водителей достал из-за спины компактный автомат. Да, автоматов здесь было много, как и людей – охранников, которые сидели по периметру той зеленой поляны, в центре которой стоял замок. Охрана, автоматы и собаки; замки и засовы; а после долгая пробежка по открытой местности, до которой сначала еще нужно добраться.

-Ирма, дорогая моя, подойдите с Эмили сюда. Хотя, как мне кажется, она уже знакома с мистером Бондом.

Бонд остался доволен, увидев, что девушка, наконец, догадалась напустить на лицо выражение полного замешательства.

-Не думаю, что... - начала она.

Ее прервал холодный тон Смолина:

-Какой же я рассеянный. Мистер Бонд, получается, вы не знакомы с фрейлейн Николас, или с мисс Эбби Хэритидж, как она теперь предпочитает себя называть?

-Нет. К сожалению не имею чести знать. – Бонд подошел к Эбби и пожал ей руку, постаравшись внушить девушке этим жестом уверенность. – Мне очень, очень приятно.

Он говорил искренне, поскольку даже тогда, в их первую встречу, Эбби Хэритидж не показалась ему такой желанной, как сейчас. Всем своим видом Бонд попытался успокоить девушку, заверить, что все будет хорошо. Это оказалось довольно трудной задачей, когда немецкие овчарки приблизились, не проявляя агрессии, но тем не менее напомнив ему о своем присутствии.

-Как странно, - прокомментировал Смолин, - клянусь, но сперва мне показалось, что она вас узнала, Бонд.

-Он... - начала Эбби, но тут к ней вернулось самообладание, и она продолжила: - Он напомнил мне одного человека, которого я когда-то знала. Всего на какую-то долю секунды. Но теперь я вижу, что он англичанин, и я никогда раньше с ним не встречалась. И тем не менее, я тоже рада познакомиться.

Молодчина, отметил про себя Бонд, глядя на Хейзер, пытаюсь и ее приободрить своим взглядом. Взгляд самой Хейзер был все еще каким-то отсутствующим, хотя девушка все же сумела склеить твердую, уверенную улыбку в ответ. На какой-то миг, Бонд мог поклясться, что та пытается сообщить ему какую-то важную весть. Казалось, будто бы они уже понимали друг друга без слов.

-Ну что ж. – Смолин стоял рядом. – Я предлагаю поесть в сердечной, дружеской обстановке. Так сказать, подкрепиться перед работой, да?

-Перед какой работой, полковник Смолин?

-Не, Максим. Пожалуйста, зовите меня Максимом.

-Так перед какой именно работой? – настойчиво переспросил Бонд.

-Нам нужно о многом поговорить. Но сначала вам покажут ваши апартаменты. У нас хорошие условия для гостей, здесь в... - Он замолчал, словно, спохватившись, что может выдать их местоположение. Затем с довольной улыбкой добавил: - Здесь, в замке Варвик. Вы вспомнили замок Варвик, Джеймс?

-Название знакомо, - сказал он, кивнув.

-Мальчиком вы, наверное, читали о нем у Дорнфорда Йэйтса. Не помню сейчас в какой книге.

-Максим, а пооригинальнее названия не смогли придумать?

Смолин кивнул:

-Не смогли.

-Раз уж здесь расположена ваша база в Ирландии, то, может, лучше было назвать Замок ГРУ? Или замок ГРУжасов? – спросил Бонд без тени улыбки.

Смолин взорвался от смеха:

-Отличная, отличная шутка. Так, а где же наша домохозяйка? Ингрид! Ингрид! Где же Ингрид? Кто-нибудь, позовите ее.

Один из охранников исчез за дверью с надписью «Прислуга» и через пару секунд вернулся с какой-то брюнеткой, обладавшей угловатой фигурой и острыми чертами лица. Смолин приказал ей показать своим «гостям» их апартаменты, добавив, что мисс Хэритидж там уже с уютом разместилась.

-Тесно вам не будет, - сказал он, стоя руки в боки, откинув назад голову. – Там есть общая гостиная и у каждого отдельная спальня.

Двое из охранников подошли ближе, Смолин скомандовал Фафи идти следом. Худая фигурка Ингрид поднималась по лестнице бесшумно, словно плыла по воздуху. Но все же в ее движениях было что-то жуткое, нежели грациозное.

-Там очень удобно. – У Эбби был сильный и приятный голос. – Я вчера там ночевала, и мне понравилось, правда тогда я думала, что это мое убежище.

У девушки английский не был так безупречен, как у Хейзер, зато Эбби казалась - во всяком случае с первого взгляда - более открытой и общительной. Бонд чувствовал, что Хейзер целиком ушла в свою красивую оболочку – длинные ноги, стройное тело и прелестное личико, похожее скорее на маску. Эбби была полна юмора и нисколько не стеснялась своей привлекательности, скорее напротив - держала себя так, будто желала всему миру показать, какое у нее великолепное тело.

Их маленькая процессия, которую завершала Фафи, поднялась на галерею, чей пол был из полированной осины, и свернула направо, в коротенький коридорчик, в конце которого находилась массивная дверь, выполненная из того же материала. Она вела в огромную гостиную, оформленную в вычурном среднеевропейском стиле: матерчатые обои, софа, стулья с обшивкой в тон софы и массивные дубовые столики, стоявшие вдоль стен. Кроме этого здесь находился карточный столик с витыми ножками в форме животных

лап, громадное бюро и готический книжный шкаф, почти упиравшийся в потолок, на полках которого лежали лишь пачки журналов. На стенах висели три репродукции немецких художников, выполненные в темных красках и обрамленные в отвратительные деревянные рамы. На картинах были изображены горы, между ними долины, а на небе облака. По среди комнаты на полу, который тоже был из полированной осины, лежала ковровая дорожка, а вокруг нее в хаотическом порядке валялось несколько пышных ковриков. Ко всякого рода коврикам Бонд всегда относился с глубоким подозрением. Его так же беспокоил и тот факт, что в комнате не было окон - лишь три двери, помимо входной: по одной в каждой стене. Бонд решил, что они ведут в спальни.

-Моя комната вот эта, - сказала Эбби, подойдя к двери, которая находилась почти напротив входа. – Надеюсь, никто не возражает?

Она посмотрела Бонду прямо в глаза, затем игриво, сквозь приопущенные ресницы. Девушка стояла, выставив вперед ногу, согнутую в колене, демонстрируя тем самым плавный изгиб своего бедра, подчеркнутый тонким материалом юбки.

-«Кто не успел - тот опоздал», как любила говаривать моя няня, - сказал он, кивнув. И, обернувшись к Хейзер, предложил ей сделать свой выбор. Она пожала плечами и выбрала дверь слева. «Зло», - подумал он, вспомнив, что по старой традиции в искусстве театральной пантомимы дьявол всегда появляется на сцене с левой стороны - со стороны, которая олицетворяет зло и дурное знамение.

И снова Бонда стал одолевать невыносимый клубок из вопросов и теорий. Какую роль в этой истории играет Джангл Бэйзли? Намеренно ли «М» ввел его в заблуждение? Сделал ли Стриж ужасную ошибку, приказав Хейзер открыться Смолину? Каким образом Смолин был так хорошо проинформирован о всех действиях Бонда, и почему он намеренно отгородил себя от причастности к покушению на Хейзер, чуть не закончившемуся трагедией? Не намеренно ли одолжила прелестная Эбби свой плащ и шарф той бедной горничной из «Эшфордского замка»?

В его спальне мебель производила такое же гнетущее впечатление. Здесь была огромная кровать с массивным витым изголовьем, выполненным из дуба, большой шкаф-гардероб и старомодная мраморная раковина, одновременно выполнявшая роль туалетного столика. Ванная комната, выкрашенная в нереально зеленый авокадо, была оформлена по современным стандартам: отделка из осины, стенной шкафчик, ванна, в которую поместился бы разве что карлик, и даже биде, втиснутое между ванной и унитазом. Бонд вернулся в спальню, в дверях стоял один из охранников с его чемоданом в руке.

-Боюсь, что замки сломались, - сказал он по-английски. – Герр полковник приказал осмотреть содержимое.

«Катился бы к черту твой герр полковник», - подумал Бонд, а вслух сказал «спасибо». Очень сомнительно, что в его чемодане люди Смолина нашли что-нибудь, что могло бы их хоть как-то заинтересовать. Его основное оружие – пистолет «АСП» и дубинку – они уже забрали, зато забыли про зажигалку, бумажник и ручку, а все три предмета были из отдела «Кью» и благословлены лично малышкой Кьют. Бонда поразил тот факт, что Смолин до сих пор не подверг его личному обыску, при котором сразу обнаружились бы кое-какие секретные приспособления, спрятанные в его одежде. А такая оплошность как-то не вязалась с репутацией полковника.

Только Бонд собирался открыть чемодан, как из гостиной слышались громкие голоса девушек. Он тут же выбежал из спальни и жестом приказал им прекратить беседу, указав на телефон и люстру, напомнив тем самым, что комнаты почти наверняка напичканы «жучками».

И все же ему нужно было найти какой-нибудь бессловесный способ общения с девушками. Дело в том, что Хейзер проинструктировали задать Смолину три вопроса, и Бонд должен был выяснить какие, плюс – узнать побольше о Стриже. Когда-то для этих целей они могли бы просто собраться в одной из ванных комнат, выкрутить до упора все краны и спокойно говорить. Но с современными фильтрующими устройствами, позволявшими подавлять все посторонние шумы, эта старая уловка давно вылетела в трубу. Даже говорить шепотом при включенном на полную громкость радиоприемнике было теперь небезопасно.

Он подошел к бюро и попробовал открыть крышку. Она была не заперта; внутри, как и полагалось, лежала писчая бумага и конверты, разложенные по отдельным полочкам. Взяв немного бумаги, он указал девушкам сесть за один из тех столиков, что у стены, и продолжать говорить. Сам он подкрался к двери и выглянул наружу. Судя по всему их «тюремщики» были очень уверены в себе: дверь незаперта, в коридоре нет охранников.

Бонд вернулся за стол, сел между девушками, склонился над листком и достал свою ручку. Он расположил вопросы в порядке важности, стараясь писать быстро, пытаясь выстроить в логический ряд все свои подозрения и сомнения. Девушки совсем поникли, разговор не клеился, поэтому Бонд спросил Эбби, как ее сюда доставили.

-Они позвонили мне. После убийства той девушки.

Эбби придвинулась к нему чуть ближе, слегка задев его руку своей. Бонд стал выписывать вопросы по два на листок, в двух экземплярах: один - для Эбби, другой – для Хейзер.

-Позвонили?

-Ja⁵. Они сказали мне, выезжать, как только я буду не нужна полиции. Я должна была поехать в Галвэй, в отель «Корриб Греит Соудерн», там они собирались связаться со мной.

Ее плечо прижалось к его, отчего Бонд испытал во всем теле весьма приятную дрожь.

Он вручил два листа Хейзер и два Эбби, жестом указав им написать ответы. У Хейзер ручка была, у Эбби – нет, и Бонд отдал ей свою. Тем временем он продолжал разговор, задавая вопросы с нарочитой настойчивостью.

-И они вам сказали, что они из Британии?

Последовала короткая пауза: Эбби писала. Затем она ответила:

-Да. Сказали, что они от тех людей, на которых мы работали.

Она улыбнулась ему, обнажив идеальные зубки и дразнящий кончик розового язычка.

-И у вас не возникло ни малейших сомнений?

-Никаких. На вид они были истинные англичане, настоящие джентльмены. Пообещали, что я смогу переночевать в безопасном месте, после чего меня на самолете переправят в какое-то другое безопасное место.

Она нахмурилась и продолжила писать, по прежнему прижимаясь к нему плечом.

-Они говорили что-нибудь о Хейзер?

Наступила нестерпимая тишина: девушка писала ответ.

-В безопасности. Они сказали, что она в безопасности и вскоре приедет. Я никогда...

Он обернулся к Хейзер, у которой, судя по всему, никаких проблем с написанием ответов не было.

-Там, в «скорой», когда ты была без сознания, - начал он, подмигнув ей, чтобы та была готова к его вопросу, - Смолин говорил мне о каком-то «Торте». Ты не знаешь, о чем это он?

У нее отпала челюсть; она уже собиралась произнести «но», как вовремя вспомнила об их аудиенции слушателей и сказала, что ей не положено об этом говорить; это было грязное дело, и ни она, ни Эбби не ответственны за него.

-Это была ошибка, - добавила Хейзер. – Ужаснейшая ошибка.

Бонд нагнулся над столом и принялся читать то, что они уже успели написать; сначала пробежался взглядом по одной страничке, потом по другой. И подозрение, которое закралось у него ранее, еще

⁵ Да (нем.)

больше усилилось. Вдруг, двери с треском распахнулись, и на пороге появился Смолин в сопровождении двух помощников. Прятать бумаги не было смысла, но все же Бонд стянул их со стола, одновременно поднявшись со стула, надеясь этим движением отвлечь внимание Смолина.

-Джеймс, ты меня удивил. – Смолин говорил мягким, почти успокаивающим тоном, отчего его слова звучали еще более угрожающе. – Ты что думал? Мы только прослушиваем этот так называемый «номер для гостей»? Ошибаешься, друг мой. Здесь у нас *son et lumière*, то есть и звук и картинка. – Он издал свой характерный смешок. – И не представляешь, скольких людей мы скомпрометировали в этих комнатах. Так что, будь пай-мальчиком и отдай мне бумаги.

Один из охранников шагнул вперед, но тут Хейзер схватила у Бонда листки и метнулась к двери своей спальни, да так быстро, что парень, прыгнувший, чтобы схватить ее за ноги, промахнулся и влетел в стену. Девушка захлопнула за собой дверь и заперла на ключ.

Смолин и его помощник достали автоматические пистолеты; парень, который упал, вскочил на ноги и принялся колотить в дверь, крича по-немецки, чтобы Хейзер выходила. В ответ ни звука. Через какое-то время дверь открылась, и в комнату величественной походкой вошла Хейзер. За ее спиной из железного мусорного ведра вылся дымок.

-А их больше нет, - как бы между прочим заметила она, - они сгорели. Да и все равно, Максим, тебе бы это ничегошеньки не дало.

Смолин шагнул вперед и с силой ударил ее рукой по лицу, сначала тыльной стороной, потом ладонью. От ударов девушка пошатнулась, но потом выпрямилась, ее лицо горело.

-Ну все! Хватит! – Стиснув зубы, Смолин сделал глубокий вдох. – Еды ждать не будем. Я думаю, что настало время поговорить... И вы у меня запоете. Как миленькие!

Он повернулся к двери и позвал подкрепление; те с топотом взбежали по лестнице, у каждого наизготове оружие.

-Ты первый, Джеймс. – Смолин ткнул в его сторону пальцем, словно кинжалом.

Сопротивляться было бесполезно; двое охранников схватили Бонда за руки и потащили его в коридор, а затем вниз, по главной лестнице. Наблюдавшая за всем этим Ингрид, стоя в окружении рычащих собак, была похожа на тощее черное насекомое. Джеймса впихнули через какую-то дверь, протащили вниз по другой осиновой лестнице, затем по какому-то коридору и затолкали в маленькую комнатку, в которой был лишь один металлический стул,

привинченный к полу. Бонда усадили на стул. На запястьях и лодыжках защелкнули наручники и приковали их к ручкам и ножкам стула. Он чувствовал, что за спиной стоят двое охранников. Сам Смолин стоял прямо перед ним, его лицо сковала холодная злость.

Бонд мысленно приготовил себя к физической боли, или того хуже – к тому испытанию, которое русские называют «химическим допросом». Он выполнил все, чему его учили: очистил от мыслей мозг, заполнил его всякой белибердой, а всю важную информацию запрял в подсознание. Когда же Смолин приступил к допросу, Бонда охватил панический страх. Панический страх от слов, которые Смолин – главная мишень операции «Торт» – произнес очень тихим голосом.

-Джеймс, - начал он, - когда «М» пригласил тебя на ленч, а потом на прогулку по парку, и рассказал тебе о «Торте», сказав, что они отрекутся от тебя, если что-нибудь пойдет не так, какая была твоя первая мысль?

Смолин начал с самой сути вопроса; сути, которую Бонд похоронил в самые недра своего подсознания; сути, которую он выдал бы лишь под самым тяжелым нажимом.

- 10 -

Допрос

Для Бонда время остановилось - его мозг тонул в бесконечном водовороте вопросов. Подслушивающие устройства в «Блейдсе»? Узконаправленные микрофоны? В парке? Кто-то проник в кабинет «М»? Утечка со стороны самого «М»? Нет, это невозможно. И все же Смолин каким-то образом узнал об их разговоре. «М» провел свой первый инструктаж в парке, о чем на допросе Бонд стал бы говорить только в самом крайнем случае. Но Смолину уже было известно об этом. И если он располагал такими сведениями, то что же тогда ему было известно еще? И каким образом он узнал?

Долго блефовать не удастся, но притворяться следовало до конца.

-Какой инструктаж? В каком парке?

-Хватит, Джеймс, ты же сам прекрасно понимаешь, что лучше не упираться. Ведь я же опытный офицер ГРУ. И нам обоим хорошо известно то, как в наших организациях происходят утечки информации. Скажем, что об операции «Торт» мы узнали еще задолго до того, как девушки обнаружили, что их раскусили.

-Поскольку я не ничего не знаю об этом «Торте», то ничем не могу вам помочь, – ответил Бонд и подумал: «И снова только четыре девушки, а о парне ни слова.»

Смолин пожал плечами.

-Ты хочешь, чтобы я применил силу, Джеймс? Все мы иногда допускаем ошибки. Ваши люди допустили ошибку, спланировав «Торт». А мы сильно напортачили, позволив вашим агентам сбежать, как у вас говорят, «в одних носках». – Смолин злобно усмехнулся. – Правда, в случае с операцией «Торт», я думаю, следует говорить, что они бежали в одних колготках, да? – Он посмотрел на Бонда настойчивым взглядом, и тому показалось, хотя это было невероятно, что Смолин пытается передать ему какое-то тайное послание. – Ведь все агенты были женщинами, да?

-Я не понимаю, о чем вы говорите, - тихо произнес Бонд. – И не имею ни малейшего понятия ни о какой операции «Торт». Я подвозил девушку, с которой познакомился на вечеринке, и вдруг, на тебе! Меня хватает ГРУ! Да, я не отрицаю того, что – как вы и сами прекрасно знаете - являюсь работником одного из секретных отделов Британского правительства. Но у меня, как и у других работников, нет полного доступа к информации о каждом идиотском плане

нашей организации. Мы работаем по принципу: каждый человек знает только то, что ему следует знать.

-И твой шеф - «М» - решил, что тебе все же следует кое-что знать, Джеймс. Вчера, прогуливаясь по Ридженс-Парк после ленча в его клубе, он рассказал тебе одну историю, рассказал в красках. Сюжет был со множеством внезапных поворотов; правда, поведал он далеко не о всех. Затем сказал, что будет очень обязан, если ты замнешь это дело и спасешь от гибели всех участников операции «Торт». Он предложил тебе всю необходимую для этого информацию, но подчеркнул, что не сможет дать официальную санкцию. И если ты попадешь в переделку, то ни он, ни МИД не сможет вытащить тебя из тюрьмы. Им придется отречься от тебя. Решение зависело целиком от тебя, ну и ты, будучи опытейшим оперативником, конечно же, взялся за эту работу. Так вот я повторяю свой вопрос: что ты почувствовал, когда шеф рассказал тебе такую малость обо всем этом?

-Ничего я не почувствовал, потому что ничего этого не было и в помине.

Наступила долгая пауза, в течении которой Смолин, втягивал в себя воздух сквозь зубы.

-Ладно, упирайся себе. Я не намерен играть с тобой во всякие игры. И никакого методичного избияния. У меня мало времени. Мы просто сделаем тебе маленький укольчик. Мой рапорт должен быть готов уже к вечеру, потому что к вечеру мы ожидаем очень важного гостя.

Он обернулся к охранникам и стал что-то им говорить, мешая немецкие и русские слова. Насколько Бонд понял, полковник приказал принести медицинские инструменты и оставить его с Бондом наедине. Охранник - тот что повыше - поинтересовался, не понадобится ли полковнику какая-нибудь помощь.

-Протокол допроса я буду вести сам. Пленник прикован крепко. Так что идите и выполняйте приказ.

Это было сказано таким тоном, что те сразу же кинулись выполнять, что велено. Через пару секунд один из охранников вернулся, вкатив в комнату маленький медицинский столик.

Смолин отпустил его и подошел к одной из стен. Только сейчас Бонд заметил на стене ряд маленьких выключателей, которые Смолин аккуратно один за другим переключил в нижнее положение, затем вернулся к столику и стал приготавливать шприц. Параллельно он говорил очень тихим голосом, даже не глядя на Бонда.

-Я выключил звук, так что нас никто не услышит. Один из этих парней работает на КГБ. Эту дрянную новость я выяснил совсем недавно. Но в моей команде есть и другие предатели. Только двоих я

считаю преданными офицерами ГРУ и доверяю им, но даже эти двое могут оказаться в такой ситуации, в которой они не смогут подчиняться моим приказам. И я хочу, чтобы ты знал, что я вколю тебе всего лишь безвредную дистиллированную воду. А все эти ухищрения я проделал лишь для того, чтобы поговорить с тобой наедине. Поверь, это был единственный способ.

-О чем это вы, черт возьми, говорите? – Бонд непроизвольно понизил голос до шепота. Теперь ему следовало быть настороже. Доверять человеку с такой репутацией, как у Смолина, было нельзя.

-Я говорю о правде, Джеймс Бонд. – Смолин взял в руки шприц и маленькую пластиковую ампулу. Он проткнул иглой стенку ампулы, наполнил шприц и пустил маленькую струйку, чтобы избавиться от пузырьков воздуха. – Я говорю о том, как мне и Ирме сбежать отсюда. Извини, я хотел сказать – Хейзер. Мне удалось скрыть тот факт, что Вальд Бельзингер - для тебя Джангл Бэйзли – является частью операции «Торт». Я сделал это для того, чтобы прикрыть себя и Сюзан.

-Сюзан? – переспросил Бонд, Смолин тем временем взял его руку, чтобы сделать укол.

-Это моя коллега, Сюзан Дитрих. Я скрыл ее маленький роман и предательство Родины. И я предупредил четырех девушек, чтобы они бежали, пока про них не пронюхал в КГБ. Хейзер здесь не причем, хотя сама она думает, что это ее вина и что она слишком рано решила вербовать меня. – Он ввел под кожу иглу так, что Бонд даже ничего не почувствовал. – Если кто зайдет, притворись, будто уже по уши накачан. А вообще, будет лучше, если ты просто откинешь голову назад и закроешь глаза.

-Так значит, - начал Бонд все еще шепотом, - это именно вы - офицер ГРУ, работающий в восточногерманском ГУ – просигналили девушкам об опасности. – «А черт! – подумал он. - Вот я сам и проговорился.»

Смолин наклонил голову ближе к его уху, притворяясь, что помогает Бонду поудобней сесть, и продолжил:

-Да, это именно я, как ты выразился, просигналил. Поверь мне, Джеймс, я просигналил всего лишь за какие-то мгновения до того, как тревогу стал бить КГБ. А что же теперь? Обстановка накаливается, и мне с ней не справиться. Во-первых, эта команда киллеров из КГБ - две команды, если быть точным, - которые убивают агентов операции «Торт». Во-вторых, если мои предположения верны, то сегодня вечером один очень важный гость прибудет с новостями о том, что Вальд Бельзингер - как говорят в преступном мире – «сделал ноги» вместе с моей хорошей коллегой и подругой, Сюзан Дитрих.

-Правда? – Бонд решил только слушать. Поскольку и так уже сболтнул лишнего.

-Две недели назад она уехала в отпуск и исчезла. Кагэбэшник, который ведет это расследование очень быстро поймет что к чему, и тогда на Бельзингера, или на Бэйзли, объявят розыск. А следовательно, вспомнят и про меня. Поэтому мне тоже нужно сматываться, как я и обещал сделать в том случае, если дело примет крутой оборот.

-Обещал кому?

-Моей дорогой Хейзер – это раз; ее шефу, Стрижу, - это два. Ну и, конечно же, твоему шефу «М», - это три.

-Ты хочешь сказать, Максим, что последние пять лет ты работаешь на нас?

-Совершенно верно.

-И ты хочешь, чтобы я поверил тебе? Тебе, наполовину русскому, наполовину немцу, грозе гэдээровской разведки? Человеку, которого ненавидят столько народу, что нам и обоим будет не сосчитать? Офицеру до мозга костей, который целиком и полностью предан Москве? Я не поверю. Такое просто не может быть правдой.

-Это именно то, чему ты должен поверить, Джеймс. Тебе только и остается, что верить мне. Поскольку в противном случае ты умрешь. И я тоже, если на то уж пошло. Ты, Хейзер, Эбби, я, а с нами - Сюзан и Бэйзли. Мы все сгинем, если ты не согласишься со мной и не сделаешь для себя соответствующие выводы.

-Тогда докажи мне это, Максим.

-А разве я уже не доказал? Разве я не доказал, спросив о твоей реакции на слова «М»? Сорока на хвосте такое принести не могла.

Бонд молчал и искал в словах Смолина какой-нибудь подвох. Проанализировав состояние своего мозга и тела, он понял, что никаких препаратов ему не кололи. Никаких галлюцинаций, все это происходило наяву. И слова Смолина все больше и больше казались ему правдой.

-Джеймс, работа, которую мы с тобой выполняем, похожа на жизнь в тех китайских коробочках – никогда не знаешь, кто или что в какой коробочке лежит. Я знаю о том, что вчера утром тебе позвонили; знаю о ленче в «Блейдсе» и о прогулке по парку. Я знаю, что остаток дня ты провел, изучая досье; знаю о том, что произошло в салоне Хейзер. – Он замолчал, теперь у него был очень серьезный вид. – Я *пытался* отозвать эту чертову команду КГБ, но было уже слишком поздно. Я знаю о вашем побеге, и о той подмене, которую вы устроили в «Хитроу», и о всех телефонных разговорах, которые ты сделал из отеля, включая разговоры с инспектором Мюррэйем. – Он наклонился ближе к лицу Бонда. – Теперь ты понимаешь – я

совершил то, что в разведке считается смертельным грехом. Я знал, кем является Хейзер еще в первое наше свидание, после чего проверил и других. Я мог накрыть их в любой момент, но я не сделал этого.

-Почему?

-Да потому что, когда Хейзер вышла со мной на контакт, я сам этого хотел. Я хотел бежать на Запад. И эта мысль зародилась у меня очень давно. Хейзер предложила мне устроить побег, и я как последний дурак согласился. И что же? Меня попросили оставаться на месте и превратиться в еще более ужасного монстра. Ну чем не плохое прикрытие, Джеймс?

-Кто попросил?

-Моя возлюбленная Хейзер, потом Стриж и, наконец, «М».

-Где это случилось?

-На одной конспиративной квартире в Западном Берлине. Я туда ездил на один день. «М» согласился тайно вывести Хейзер на Запад. Я согласился работать на него. Тогда мы договорились о паролях, о местах встреч, о связных. И все шло хорошо, пока КГБ не начал разнохивать и постепенно понимать, что же на самом деле произошло пять лет назад. Они вот-вот свяжут меня с операцией «Торт». И если я не смоюсь, меня ждет поездка в Москву и пуля в затылок – это если еще повезет; а если нет, то меня сдадут на опыты в одну из лабораторий по изучению рака, или в Гулаг. То же самое ждет и тебя, Джеймс. Всех нас.

И все же пока еще Бонд не был убежден, что Смолин рассказал ему историю целиком.

-Если все это правда, то почему же тогда «М» не рассказал мне об этом?

Но через секунду он с ужасом обнаружил, что, даже обсуждая с полковником Смолиным детали, он непроизвольно отвечает на свои же вопросы, снабжая тем самым своего опытного допросчика всей необходимой для него информацией.

-Каждый человек знает только то, что ему следует знать. Твой старик «М» - фрукт еще тот. Хитрости у него не занимать. Он поручил тебе это дело, но решил, что обо мне тебе знать совершенно необязательно. Шанс, что мы с тобой встретимся, был один из миллиона. «М» приказал мне следить за тобой издали, подождать, пока ты не забереешь девушек и не найдешь Джангла. – Он сузил глаза и в беспокойстве наморщил лоб. – Я думаю, он просто не понимал, что я настолько окружен кагэбэшниками, что буду не в состоянии отозвать их головорезов. К тому же, о последних событиях «М» узнал только вчера, поздно вечером. Я говорил с ним сегодня рано утром, сначала через Мюррэя, который связался с ним,

затем непосредственно, по защищенной телефонной линии. «М» думал, что у меня еще есть хоть какой-то маломальский шанс уйти от провала. Но он ошибался. Я почти уверен, что меня раскусили, Джеймс, поэтому я должен бежать. И мне нужна твоя помощь, потому что вокруг меня слишком много людей из КГБ. Как я уже сказал, один из моей команды точно работает на КГБ. Возможно, их больше. Но опасней всех эта сучка – домохозяйка Ингрид. Она точно из КГБ. «Черная Ингрид» – как зовут ее в кое-каких кругах – правая рука, и, возможно, любовница того самого человека, который отдал приказ уничтожить агентов «Торта». Остерегайся ее, друг мой. Может, с виду и кажется, что эти чертовы овчарки считают меня своим хозяином, но я скажу тебе: собаки тоже двойные агенты. Ингрид – вот кто их настоящая хозяйка. Что бы я не приказал этим псам, в любой момент она может отдать им свой приказ, и они послушаются ее. – Он грустно улыбнулся. – И можешь не спрашивать; да, их дрессировали в том самом здании без окон, огражденном заборами с колючей проволокой, которое находится на старом аэродроме в Ходинке.

Что Смолин терял, рассказывая ему все это? И чего мог достигнуть?

-Допустим, я поверю тебе, Максим, тогда чего же тебе от меня надо? У тебя ведь есть план, правда? Ты хочешь, чтобы я и девушки отвели тебя прямо в убежище Джангла Бэйзли? И тогда мы все окажемся под твоим колпаком?

-Не будь дураком, Джеймс. Ты думаешь, что в КГБ до сих пор не знают, где он прячется? Ты думаешь, что они не перепроверили передвижения Сюзан? Скорее всего уже сейчас эти двое, как и мы, почти под колпаком.

-А кто этот важный гость, о котором ты говоришь? Тот, который прибывает сегодня вечером?

-Наконец-то, спросил. – Выражение лица полковника стало неподвижным и очень спокойным – спокойным как море перед штормом.

-Ну?

-Ты ведь знаешь меня под псевдонимом Василиск, да?

-Да.

-Тогда, Джеймс, ты часом не знаешь кому принадлежит псевдоним Доминиканец?

У Бонда аж екнуло сердце, и внутри все похолодело.

-Бог ты мой! – воскликнул он.

-Это точно. Наш гость – Доминиканец.

Несколько секунд Бонд молча переваривал новость.

-Константин Николаевич Чернов. Генерал Чернов.

-Бог ты мой! – повторил Бонд. – Неужели сам Костя Чернов?

-Костя Чернов - как ты выразился - он только для узкого круга близких друзей. А для остальных – Главный следователь Восьмого отдела в управлении «С», который некогда был отделом «В», который в свою очередь до этого был...

-СМЕРШем.

-С которым ты несколько раз сталкивался. – Смолин говорил медленно, словно в каждом его слове скрывался какой-то смысл. – И у Константина Николаевича Чернова такая репутация, что моя по сравнению с ней невинная и ничем незапятнанная.

Бонд нахмурился. Он не только знал о репутации генерала Чернова, но и был хорошо знаком с досье на него. Костя Чернов являлся ответственным за дюжину кровавых операций, нанеших непоправимый вред Британским и Американским спецслужбам. Он был безжалостным и коварным типом. Бонд предполагал, что и в российских спецслужбах Чернова ненавидели многие. А для Сикрет Сирвес Доминиканец был вообще кошмаром наяву.

Бонд вызвал из памяти его фотографию, виденную в досье. Высокий, стройный и физически развитый Доминиканец, известный за свою фанатичную одержимость к здоровью, не курил и не пил. Коэффициент его интеллекта был выше всех мыслимых и немыслимых отметок; он слыл настоящим гением в планировании хитроумных операций и подлых ловушек. Еще он был дотошным следователем с цепкой хваткой. В досье говорилось, что по его приказу как минимум тридцать служащих КГБ и ГРУ за нарушение дисциплины были приговорены к смертной казни, другие сосланы в Гулаг. В досье приводились слова одного перебежчика: «С десяти шагов Доминиканец ухнет даже мысль о предательстве, после пойдет по следу, словно гончая самого дьявола.» Бонд закрыл глаза; он почувствовал себя выдохшемся и обеспокоенным - обеспокоенным не за себя, а за девушек.

-Значит стряслось что-то из ряда вон выходящее, раз уж он выбрался из своего штаба.

-На моей памяти подобное случается впервые. – Либо Смолин был первоклассным актером, либо он действительно боялся даже говорить о генерале. – Вот, что я скажу тебе, Джеймс; когда я просигналил своим о «Торте», то сначала это дело повело ГУ и, конечно же, ГРУ. Лишь спустя какое-то время КГБ удалось пронюхать о существовании Джангла, о предательстве Сюзан Дитрих и Максима Смолина. – Он ударил себя кулаком в грудь.

-И через пять лет они спохватились, - промолвил Бонд совершенно отрешенным голосом, словно в мыслях он был где-то далеко отсюда.

-Через четыре, если быть точными. КГБ начал повторное расследование в прошлом году, перешагнув через нас. Им не нравится, что ГРУ считает себя элитой. Они презирают наши методы, нашу засекреченность и то, что мы вербуем людей из армии. Однажды я слышал, как Чернов сказал, что мы такое же отродье как и фашистское СС... Поначалу КГБ провел поверхностное расследование. Что-то где-то перепроверили и на этом закончили. Потом в Берлин прибыл Чернов. Я сразу же предупредил твоих, но сам что-либо предпринимать не смел. По прошествии всего лишь недели, произошли заметные перестановки в кадрах оперативных работников. И не нужно было много ума, чтобы понять, что КГБ прижимает меня в угол. Уже шесть месяцев как за мной следят и фиксируют все мои передвижения. А казни проводит личная команда Чернова. Это он отдал им приказ достать девушек из под земли, убить и отрезать им языки. Как говорят французы: *pour encourager les autres*.

-Ну а ты, получается, сделал все, что было в твоих силах, чтобы помочь Доминиканцу в этом деле, да, Васииск? Ты захватил Эбби и проделал грандиозную работу, чтобы поймать Хейзер и меня на шоссе.

-Я действовал по приказу Чернова. Я же говорю тебе - нас всюду окружает КГБ. Сначала я думал намеренно все завалить, но какой был бы в этом толк? Джеймс, мне нужна твоя помощь. Я хочу отсюда выбраться и прихватить с собой тебя и девушек. Ну а перед всеми, конечно же, мне придется продолжать притворяться, будто бы я действую по приказу Чернова. Но ненадолго.

-Хорошо, Максим, если ты хочешь доказать, что говоришь правду, скажи мне тогда, где мы находимся. Где расположен этот замок?

-Недалеко от того места, где я захватил вас. Дорога в двух милях отсюда, к ней ведет тропа. На дороге свернем налево и вниз по склону до Дублинского шоссе. Через час, максимум через два, мы будем в аэропорту и вылетим из страны.

Бонд все еще сидел с откинутой назад головой.

-Но если я поверю в твой рассказ, тогда мне тоже понадобится помощь.

-Ты получишь ее прямо сейчас. Не делай резких движений, я расстегиваю наручники. При мне твой пистолет... Хорошая вещь этот девятимиллиметровый «АСП»! На, держи...

Бонд ощутил, как ему на колени упал тяжелый металлический предмет, и спросил:

-Значит мы будем пробивать себе дорогу пулями?

-Боюсь, что мы будем в меньшинстве. Моих-то людей, возможно, обмануть и удастся, но уж точно не Черную Ингрид и ни тех, кого заслал ко мне Чернов.

-Хорошо, допустим я поверил тебе, тогда, скажи, сколько у нас будет времени? – Руки Бонда были свободны. Послышалось, как упали наручники.

-Час. От силы – полтора, если повезет. Чернов добирается воздухом, и должен приземлиться здесь пока еще светло.

-А девушки? Где их держат?

-Их заперли в номере для гостей, во всяком случае я надеюсь на это, потому что лично приказал. Проблема в том, как добраться до них. После того допроса, который я якобы должен с тобой провести, ты должен находиться в полубессознательном состоянии. За дверью тебя будут ждать люди с носилками. Тебя отвезут по коридору, затем вверх по лестнице. Вот.

Бонд почувствовал, как его ноги освободились от оков. Он спросил:

-Есть какие-нибудь соображения?

Бонд взял «АСП» и тщательно взвесил его в руке, чтобы убедиться, на месте ли обойма. Он проделывал это сотню раз, даже в темноте, с пустыми обоймами; обоймами, заряженными холостыми патронами, боевыми патронами. Вне сомнений - сейчас, пистолет был заряжен.

-Есть один способ... - начал было Смолин, но ему пришлось резко развернуться, потому что дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появилась Ингрид, придерживая за поводки трех собак.

-Ингрид! – воскликнул Смолин повелительным тоном, стараясь звучать как можно более убедительней.

-Какой интересный был у вас разговор. – Ингрид говорила тонким и резким голосом. – Полковник, с тех пор как вы были здесь последний раз, я кое-что поменяла в комнате для допросов... по приказу генерала Чернова, разумеется. Например, выключатели звука были переустановлены наоборот. Генерал поразится, когда прослушает эти записи. Сами мы уже очень давно подслушиваем вашу беседу. Он скоро прибудет, а вы пока посидите взаперти.

Словно прочитав мысли друг друга, Смолин прыгнул влево, а Бонд метнулся со стула вправо.

Ингрид заорала по-немецки на собак:

-Вотан, Rechts⁶! Anfassen⁷! Фафи, Links⁸! Anfassen!

⁶ Справа (нем.)

⁷ Фас (нем.)

⁸ Слева (нем.)

Собаки с рычанием кинулись вперед. Фафи вонзил клыки в ту руку, в которой Бонд держал пистолет. Вскользь он заметил людей, стоящих за спиной Игрид, и третью собаку, Зиги, готовую сорваться с поводка, чтобы разорвать их на части.

- 11 -

Собаке - собачья смерть

Челюсти Фафи сомкнулись на руке Бонда чуть ниже локтя, ее пронзила острая боль, пальцы непроизвольно разжались, и пистолет грохнулся на пол. Он слышал, как сквозь рычание собак истошно кричит Ингрид и как ругается Смолин, мешая русский с немецким. В лицо било смрадное дыхание Фафи, который, крепко вцепившись зубами, рычал и мотал головой так рьяно, словно хотел оторвать Джеймсу руку вместе с плечом.

Свободной рукой Бонд изо всех сил вмазал овчарке по гениталиям, как его и учили. Собака взвизгнула от боли, и на какую-то долю секунды хватка ослабла. Воспользовавшись моментом, агент 007 перевернулся и схватил правой рукой собаку за горло. Он нащупал трахею и сжал ее так, будто хотел вырывать с мясом. Его левая рука метнулась, поймав животное за загривок, но тут болевой шок и инстинкт самосохранения придали Фафи новые силы. Визг сменился прерывистым злобным рыком, и Бонду понадобилось собрать остатки всех своих сил, чтобы не отпустить горло пса. В том месте, где Фафины клыки разодрали его руку, боль с каждой секундой усиливалась. Бонд слабел, но, как и овчарка, понимал, что борется за свою жизнь. Посему еще сильнее пережал собачью трахею.

Сейчас ему отчетливо слышались слова инструктора, худощавого человечка, сказанные им на самом первом тренировочном занятии по курсу «Убей, или убьют тебя»: «Никогда не пытайся задушить кого-либо – будь то человек или животное – обеими руками. Для положительного результата всегда хватай горло только одной рукой».

Резко скрути трахею, а другой рукой изо всех сил жми на загривок! Когда Бонд реализовал свою мысль, Фафи попытался увернуться. И на какой-то миг в сознание Бонда незаметно вползла его любовь к животным. Но только на миг, и не больше. Это был вопрос жизни и смерти. Фафи жаждал его крови.

-Фафи! Anfassen! Anfassen! – вопила Ингрид. – Фафи! Держать его! Держать!

Но тут Бонд сделал последний рывок: он еще глубже погрузил свои пальцы в толстую шкуру Фафи и еще сильнее сдавил загривок левой рукой. Он почувствовал, как животное начинает терять сознание. Вдруг хватка Фафиных челюстей ослабла, и тело обмякло.

Бонд притворился, будто продолжает бороться с собакой, и глянул по сторонам в поисках упавшего пистолета «АСП». Он перекатывался, что-то бурчал и делал прочие телодвижения, создавая впечатление, будто Фафи все еще атакует его. Сейчас Джеймс был непривычно спокоен и расчетлив; его одолевала боль, но вместе с ней и желание добраться до пистолета, лежавшего справа, совсем рядом с ним.

Он посмотрел на Смолина и пришел в ужас: полковник лежал на спине, над ним стоял Вотан, оскалив клыки, готовый вонзить их в горло Максима сразу же, как только тот сделает какое-нибудь движение. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: полковник не рискнет даже бровью пошевелить, поскольку в резерве был еще Зиги, которого придерживали за металлический ошейник. А кроме Зиги – люди, столпившиеся за спиной Ингрид.

И тут Бонд преодолел боль, которая пронизывала его руку: воспользовавшись Фафи как щитом, он перекатился вправо, схватил «АСП», снова перекатился и сделал два выстрела в Зиги. И тут же выстрелил в Вотана, когда тот отвлекся от своей жертвы. Пуля Глейзера со всей силы ударила собаку, швырнув ее на стену. Затем Бонд прицелился в нижнюю часть двери - четвертая пуля угодила в дверной косяк, оторвав огромный кусок доски и штукатурки. Люди стоявшие в проходе, бросились в рассыпную; но Ингрид от испуга как вкопанная продолжала стоять.

-Не стреляй! – вскричал Смолин. Вскочив на ноги, он кинулся к Ингрид, схватил женщину за запястье, резко дернул ее руку вниз, потом на себя и в сторону – злополучная домохозяйка кубарем пролетела через всю комнату. Крича от злости, отчаянья и боли, она с неприятным хрустом ударилась о стену и молча сползла на пол, превратившись в кучу черного тряпья.

Достав свой пистолет, Смолин крикнул в сторону развороченной двери:

-Алекс! Юрий! Это я, ваш начальник. КГБ устроил против нас грязный заговор! Вы окружены кагэбэшниками. Хватайте их! Всех! Они враги, и ничего кроме позора и смерти от них не ждите. Хватайте их!

На пару секунд в коридоре повисла тишина, потом раздался чей-то крик, за ним выстрел и какие-то удары. Смолин кивнул Бонду, чтобы тот встал справа от двери, сам он прильнул к стене слева. Снова раздался выстрел и шум драки.

Затем чей-то голос крикнул по-русски:

-Товарищ полковник, мы взяли их. Быстрее, мы взяли их!

Смолин кивнул Бонду, и они вместе рванули в коридор. И уже в прыжке Смолин крикнул по-английски:

-Стреляй во всех, Джеймс! Во всех!

Повторять Бонду было не нужно. Справа от него два парня боролись с третьим, четвертый уже лежал без сознания. Чтобы разделаться с этой группой, потребовалось три быстрых выстрела из «АСП». Смертельно опасные пули Глейзера сделали свое дело: первая разорвалась в правом боку одного из дерущихся, и часть дробин угодила в живот его противника. Вторая пуля попала в человека, лежавшего на полу. Третья настигла последнего настолько внезапно, что тот так и не успел ничего понять.

Грохот от выстрелов в узком коридоре был оглушителен, и усилился еще больше, когда два раза выстрелил Смолин. Бонд обернулся и увидел, что полковник тоже не промахнулся. Два трупа – один лежал распластавшись, другой походил на бесформенную кучу – подтверждали меткость Смолина.

-Жалко, - пробормотал Смолин, - Алекс и Юрий были славными ребятами.

-Бывают моменты, когда у тебя нет другого выбора. Теперь я доверяю тебе, Максим. Сколько людей наверху?

-Два. Я думаю, что они сторожат девушек.

-Значит они спустятся в любую минуту.

-Сомневаюсь. Наверху шум из подвала почти не слышен, – сказал он, тяжело дыша. – Мы сотню раз проверяли. Когда здесь внизу самые упорные орали под пытками, в комнатах наверху люди преспокойно занимались любовью.

Бонд продолжал слушать Смолина, но перед глазами все раздвоилось и поплыло. Его рука была в чем-то горячем и липком, нестерпимая боль, начавшаяся где-то в районе сердца, быстро распространялась по всему телу. Джеймса два раза вырвало, и где-то вдалеке послышался голос Смолина, зовущий его. А потом он потерял сознание.

Бонду снились змеи и пауки. Они были повсюду, извивались и ползали, а он пытался выбраться из темного, запутанного лабиринта, проваливаясь по щиколотки в кишасьую массу из этих отвратительных созданий. Но он должен был выбраться отсюда. Где-то в конце туннеля горел тусклый свет, потом исчезал, и Бонд снова оказывался там, откуда начинал идти: где-то под землей, окруженный красным свечением. И вот снова. Снова, впереди свет, но его ноги обвила змея и тащит назад. Он ничего не боялся, у него было лишь одно желание: убежать. Но его ноги обвила вторая змея, к ним присоединилось множество маленьких рептилий и потащили

его вниз. Вдруг, какая-то змея обвила руку, сильно сжала ее, и вонзила в нее свои зубы – вспыхнувшая боль осветила темноту. Бонд посмотрел на руку и увидел, как в рану, сделанную змеей, поползли пауки. Другие пауки - огромные, жирные, волосатые - ползали по его лицу, лезли в ноздри, пытались забраться в рот, некоторые забирались, и он откашливался, давился, отплевывался. Его стало рвать. И все же он как-то сумел подобраться ближе к концу туннеля, и теперь свет был такой ослепительный, что резало глаза, и его кто-то звал:

-Джеймс! Джеймс Бонд! Джеймс!

Змеи и пауки исчезли, осталась только резкая боль в руке. Перед глазами проплыло какое-то лицо, лицо девушки. Ее губы шевельнулись.

-Джеймс. Ну же, очнись. Давай же. – Ее лицо стало размытым, он услышал, как девушка сказала: - Хейзер, он приходит в себя.

-Слава Богу.

Его веки затрепетали. Он открыл глаза, закрыл, снова открыл и увидел перед собой Эбби Хэритидж.

-Что...? – начал он.

-С тобой все в порядке, Джеймс. Теперь все в порядке.

Он пошевелился, в руке снова появилась пульсирующая боль, рана была туго забинтована.

-У нас мало времени. – Смолин подвинул Эбби чуть в сторону. – С тобой-то будет все хорошо, Джеймс, но... - Он взглянул на свои часы.

Тут на Бонда потоком хлынули четкие воспоминания о происшедшем. Смолин разогнул спину. Он стоял, глядя на Джеймса сверху, обняв за плечи Хейзер Дэйр.

Бонд глубоко вздохнул:

-Прости. Я что, вырубился? И тебе пришлось тащить меня?

-Не удивительно, - ответил Смолин. – Эта чертова собака здорово тебя покусала. Как рана?

Он пошевелил рукой.

-Онемела. Неудобно, но действовать ей могу.

-Роль медсестры выполнила Эбби, - сказала Хейзер. Мы должны сказать тебе огромное спасибо, Джеймс. Максим рассказал нам, что произошло в подвале.

-Рану я только промыла, - добавила в свою очередь Эбби. – Собаки на вид были здоровыми, и я не думаю, что есть опасность заражения. Мы ведь воспользовались самым сильным антисептиком, который когда-либо знал человек!

-И очень дорогим антисептиком! – Смолин криво улыбнулся. – Последняя бутылка «Хайна» 1914 года выпуска. Легкое. И совсем нетерпкое.

Бонд простонал:

-Легкое, чудесное, и так бездарно его потратить! Жалко-то как.

-Зато на доброе дело, - сказал Смолин. – Сесть можешь? А встать?

Бонд кое-как присел. И понял, что находится в номере для гостей, на софе. Он попытался встать, но ноги начали подкашиваться. Чтобы не упасть, пришлось ухватиться за ручку софы. К нему сразу же кинулась Эбби, подхватив его сильными, уверенными руками.

-Спасибо, Эбби. Спасибо тебе за все. – Он сделал пару осторожных шагов, проверяя свои мускулы. Постепенно силы вернулись к нему. – Спасибо, Эбби, - повторил он.

-Не стоит благодарить, ведь мы у тебя в долгу.

-А что случилось с остальными? – спросил Бонд у Смолина. – С остальными твоими людьми?

-Я с ними уже разобрался.

Лицо гэрэушника стало непроницаемым, напомнив Бонду о состоянии, в котором всегда пребывал и он после того, как заканчивал какое-нибудь грязное дело. Подобные воспоминания лучше всего стирать. Люди, которые вспоминают такое слишком часто, либо начинают получать от этого удовольствие, либо ломаются под чувством вины.

-А Ингрид? – спросил он.

-Она жива, отдыхает. Лежит без сознания. И далеко не убежит. Несколько костей сломано. – Тон его голоса стал настойчивым. – Джеймс, нам нужно выбираться отсюда. Ты помнишь о Доминиканце? Он вот-вот прибудет. И мы должны сбежать до того, как он приземлится.

-А кто такой Доминиканец? – испуганно спросила Эбби.

Губы Смолина изогнулись в мрачную улыбку; он ответил:

-Генерал Чернов из КГБ.

Бонд кивнул:

-Доминиканец – сущий дьявол: умен, хитер, любит свою работу, которой полностью отдает себя... А мне уже лучше, так что я готов.

Он сделал несколько глубоких вдохов и улыбнулся девушкам. Надменность, с которой до этого Хейзер держала себя, куда-то исчезла. Сейчас она обожающе смотрела на Смолина широко раскрытыми глазами.

-Да, я не сомневаюсь, Джеймс, что с тобой все в порядке, - едко заметил Смолин. - Ты - единственный, кого ранили, но ты выживешь. Я же сейчас говорю об остальных.

-А машины...?

-Здесь, здесь. - Полковник с нетерпением замотал головой. - Машины-то у нас есть, Джеймс. Но ты кажется все же не понимаешь, что мы сидим в чашеобразной низине, которая просматривается со всех сторон. По моим сведениям, на улице как минимум десять хорошо вооруженных человек. И они тоже из КГБ. На одних только воротах четыре человека! И если мы поедем, они захотят знать зачем; но не думаю, что ради этого они станут нас останавливать. Ребята, что на холмах и воротах, вопросов не задают вовсе. Они снайперы.

-И пристрелят нас, как бешенных собак, да?

-Сначала пристрелят. А с вопросами полезут потом.

-А они станут стрелять по главной мишени?

-Да. По тебе, по мне, и по девушкам. Это вне всяких сомнений. У Доминиканца с этим замком налажена постоянная радиосвязь. Кстати его настоящее название - замок Трех Сестер, и вот уже десять лет как он используется и КГБ и ГРУ... Так вот я был в комнате Связи и просмотрел последние депеши. Твоя и моя фамилия в них фигурировала. Последний приказ Доминиканца - не выпускать никого. Остановить любого, кто попытается сбежать.

-Я говорю о главной мишени, - повторил Бонд. С каждой минутой он чувствовал себя все лучше и лучше, его мозг работал все четче и четче. - О генерале Константине Николаевиче Чернове. Будут ли они стрелять по нему?

-Ты предлагаешь взять его? Захватить?

-А почему нет?

-Потому что, он прилетит не один.

-Тогда, почему не воспользоваться им как прикрытием. На чем он прилетит?

-На вертолете. В этой стране у него много неофициального транспорта; легального, конечно же. Республика - это не то место, где можно играть в игры с нелегальным транспортом. Но в темноте он не рискнет приземляться. Здесь нет осветительного оборудования.

-Он приземлится у замка?

-Обычно мы пролетаем точно над воротами и садимся прямо у главного входа, на площадку для автомобилей.

-С кем он будет?

-Как минимум с двумя охранниками, с адъютантом и профессиональным допросчиком. Все они вооружены. И очень опасны.

Руку Бонда пронзила резкая боль, отчего он поморщился.

-Джеймс, ты в порядке?

К нему тут же подбежала Эбби, нежно положив свою ладонь на раненую руку, на лице девушки отражалось беспокойство. Глубокий взор ее темно синих глаз был неотразим, а губы так и просили, чтобы их поцеловали.

Бонд кивнул.

-Да просто кольнуло, ничего страшного. – Он неохотно оторвал свой взгляд от Эбби и перевел на Смолина. – Мы просто *должны* сбежать, не взирая на риск. И сдастся мне, что он сильно уменьшится, если мы рванем как раз в тот момент, когда прибудет Чернов. Какая там самая лучшая машина, Максим?

-«БМВ». Во-первых, хорошая модель; во-вторых, модифицированный мотор.

Бонд принялся хлопать по карманам. Затем спросил Смолина о своем пистолете, продолжая незаметно проверять, остались ли в его одежде кое-какие спрятанные секретные приспособления. Смолин взял со стола пистолет «АСП», запасные обоймы и дубинку. Бонд разобрал пистолет и собрал заново. Потом спросил:

-Значит, договорились? Мы бежим, как только появляется вертолет?

Все кивнули, но Смолина все равно что-то не устраивало.

-Максим?

-Договорились. Единственный другой путь – это бежать сейчас и попытаться прорваться сквозь шквальный огонь. Эх, если бы у нас было время на то, чтобы перестрелять их всех.

-А девушек ты вооружишь?

-Уже вооружил, – ответила Хейзер. Ее поведение заметно изменилось: снова вернулось самообладание и профессионализм. Бонд отметил про себя, не забыть спросить девушку, почему она так незатейливо и прямо предложила ему себя в отеле «Эйрпорт Интернешнл». Но это был не тот вопрос, который можно было задавать в присутствии Смолина.

-Ключи от «БМВ» у тебя есть? – спросил Бонд.

Смолин кивнул.

-Тогда чего же мы ждем? Нужно спускаться к парадному входу. Максим, почему бы тебе не выйти к машине? Это будет выглядеть вполне естественно. Покрутись вокруг и крикни, как только появится вертолет.

Они спустились на первый этаж. Холл выглядел мертвенно и неуютно. Снаружи было еще очень светло, хотя на западе небо начинало уже краснеть, но внутри замка веяло холодом, словно в склепе.

-Будет чудесный закат, - сказал Бонд, тепло улыбнувшись, в первую очередь, чтобы приободрить девушек. Он понимал, что сбежать отсюда будет непросто – это читалось в лице Смолина. Стоя у дверей, он спросил Максима, кто и как сядет в «БМВ».

-Ничего, что Хейзер сядет рядом со мной спереди? Ты же, Джеймс, сядешь сзади с Эбби. И всем нам нужно будет как можно ниже пригнуться.

-Я согласна, - ответила Эбби, радостно улыбнувшись Бонду.

-И нужно будет опустить все окна, - заявил тот. - Скорее всего, придется отстреливаться.

-Правильно, - быстро кивнул Смолин. – Мудрое решение.

-Можно тебя на пару слов, Максим? – спросил Бонд и, взяв Смолина за руку, отвел в сторону. – Если мы все-таки сбежим отсюда, то куда направимся далее?

-Для начала нужно выбраться из страны. Но нет на земле такого места, где можно бы спрятаться от Чернова... Если только ненадолго.

-А ты случайно не знаешь, где сейчас могут находиться Джангл и твоя коллега, Сюзан?

-Тебе известно, где их видели последний раз?

-Да, а тебе?

-На Канарах.

-Тоже самое слышал и я, но сдается мне, что эти сведения уже устарели.

-Они уже были недельной давности, когда старик «М» сообщил их тебе! Я думаю, что им пришлось переехать. Но куда – это выяснить не удастся, потому что все мосты уже сожжены. В том смысле, что никакой помощи от моих людей уже не будет...

-И от моих тоже, если только «М» не изменит правила игры.

-Чернов будет ждать, что мы отправимся в Дублин, в Шаннон, или в какой-нибудь порт – Росслэйр или Дан-Логхэйр.

-Придется пойти на это. Если мы хотим убежать.

Смолин бросил на него косой взгляд.

-Необязательно. У меня в запасе есть несколько связей. Как и у тебя, между прочим. И я смогу тихо вывезти нас из страны.

Теперь Бонд выглядел озабоченно.

-Я не могу ехать на север. Ты знаешь об этом? Там заканчивается территория моего департамента и начинается

территория МИ-5. Если я появлюсь там, то меня сразу же объявят персоной нон грата. «Пятерка» очень щепетильна по этому поводу.

-Я и не думал о севере, - возразил Смолин. – Чтобы сбежать, придется их слегка обмануть. Мы сделаем так, чтобы они подумали, будто мы едем в Дублин. А сами направимся в противоположную сторону. Я хочу приехать в западный Корк. Я знаю, как выбраться оттуда с минимумом шума. Окей?

Бонд кивнул:

-Ты за рулем, ты и рули.

Впервые за долгое время Смолин весело улыбнулся.

-По крайней мере я хоть знаю, где мы сможем поменять машину, - заявил он с таким удовольствием, словно только что подумал об этом. – Еще я знаю одну маленькую славную гостиницу, где нас вряд ли вздумают искать.

-Что ж... - начал Бонд, но передумал. - Сколько здесь телефонов? – спросил он, словно его осенила какая-то новая идея.

-Один в холле, - ответил Смолин, указав на столик, стоявший под лестницей. – Один в комнате Связи – это по лестнице и первая дверь налево... И в главной спальне – это следующая дверь.

-Они параллельные?

-Да. – Смолин назвал номер, и Бонд сразу же занес его в свою память. – Основной телефон в комнате Связи, там у них всякие радиоприборы. А остальные – те, что в холле и главной спальне – параллельные. А почему ты спрашиваешь?

-Так. Есть одна мыслишка. Ты пока развлекай девушек. Выведи их на улицу. Это займет всего лишь десять минут.

Смолин, подняв брови, сказал:

-Если у нас еще есть эти самые десять минут. У тебя вправду важное дело?

-Думаю, да.

Бонд весело улыбнулся и кинулся, что было силы, вверх по лестнице. Рука почти не болела, но в теле все еще ощущалась слабость.

Комната Связи была маленьких размеров, и почти целиком заставлена целыми рядами радиопередатчиков и телетайпов, а вдоль одной из стен протянулись компьютерные терминалы. На современных офисных столах, усеянных разными блокнотами, папками и калькуляторами, находились различные электронные приборы. А посреди комнаты стоял стол с главным радиопередатчиком и телефонным аппаратом. Еще в дверях Бонд расстегнул свой ремень и начал доставать из него умело спрятанный миниатюрный набор инструментов, которым когда-то снабдила его милашка Кьют. Набор представлял собой почти плоскую кожаную

сумку, содержащую различные компактные инструменты, детонаторы, отмычки, провода и запалы.

Бонд открыл у маленького пластикового цилиндра крышечку и достал из него стержень отвертки, которая подошла бы к шурупам на задней крышке стандартного телефонного аппарата, затем вставил стержень в противоположный торец цилиндра, и цилиндр превратился в ручку отвертки. Далее Бонд вывинтил из крышки телефона четыре шурупа. Сняв ее, достал свой кошелек и вынул из него маленький пакетик, который на прощание ему вручила Кьют. В пакетике лежало шесть маленьких черных «зерен», у каждого из которых торчало по два проводка. Бонд сменил отвертку на ювелирную.

Эти «зерна» были новейшим изобретением, усовершенствованными моделями жучка, который некогда назывался «гармоникой». Бонду потребовалось меньше четырех минут, чтобы подсоединить один из этих жучков к нужным проводам и закрепить крышку на место. Закончив, он выдохнул слово «спасибо» телефонному инструктору из отдела «Кью» за те навыки, которым тот его когда-то давным-давно научил. Этим инструктором был задиристый житель восточного Лондона по имени Филип, известный в штабе по кличке Телефонный Фил.

Затем Бонд направился в главную спальню. В телефон, стоящий там, он быстро установил еще один жучок. Спустившись по лестнице, он стал проделывать тоже самое с третьим аппаратом.

Смолин вместе с девушками стоял на улице. Солнце быстро садилось. Едва Бонд закончил, как Смолин открыл дверь и крикнул:

-Я сажусь в машину, Джеймс. С минуту на минуту он будет уже здесь. Понял?

Он расправил плечи, распахнул массивную входную дверь и не спеша направился к «БМВ». Покрутившись немного у багажника, сел за руль, чтобы включить механизм, опускающий стекла дверей. В дали слышался шум вертолетного двигателя. Смолин включил зажигание, нагнулся, открыл пассажирскую дверь и крикнул им бежать к машине.

На фоне алого неба четко вырисовывался силуэт вертолета, не успели Бонд и девушки сесть в автомобиль, как с окружающих холмов раздались первые выстрелы. Это были предупредительные выстрелы: пули чиркнули о дорожку вдалеке от машины. Максим Смолин прильнул к рулю, а остальные как можно ниже пригнулись к полу. Вторая пулеметная очередь прошла уже ближе - Эбби, прижавшаяся к Бонду, вся напряглась.

Смолин взял старт, словно заправский автогонщик. Сперва машину слегка повело, но она быстро набрала скорость и понеслась,

подпрыгивая на кочках, по тропе, которая вела к главным воротам, находившемся в двух милях.

Вертолет изменил курс, как только послышалась стрельба. Низко зависнув, он развернулся и полетел на них. Бонд надеялся, что этим самым вертолет заслонит несколько снайперов. Теперь он мог разобрать модель: это был КА-25 (известный в НАТО как «Гормон»), громадная крылатая машина с двойным несущим винтом.

-Если мы удерем, - закричала Хейзер, - то куда поедem дальше?

-Сначала надо удрать! – проорал в ответ Смолин, и в этот момент рев вертолета послышался прямо над крышей машины. Внезапно раздался треск пулеметной очереди - пули хлестали песок и камни справа от них. Бонд поднял голову и увидел, как неуклюжая машина, вращая своими громадными лопастями, развернулась и вновь пустилась в погоню. Воздушный поток, шедший от Гормона, бил по корпусу автомобиля со шквальной силой. Вертолет опустился и полетел рядом, из заднего люка торчала фигура, держащая автомат.

В правой руке Бонд сжимал свой «АСП». Он выстрелил дважды, послышался удар, и снайпер сорвался вниз, а с ним и кусок фюзеляжа. Бонд крепче сжал пистолет, снова прицелился, но уже чуть выше, и сделал два выстрела по нижним лопастям. Гормон качнулся и начал падать. Вертолетный двигатель взвыл: оторвался кусок одной лопасти.

Смолин разразился диким смехом.

-Ага! Получили, сволочи! – вскричал он. – Подлые, вонючие сволочи! Ишь как падают...

Бонд глянул в заднее окно: вертолет грохнулся о землю с такой силой, что одно из шасси вмялось в фюзеляж.

-В местном гараже такое наскоро не починишь, - пробормотал он.

И тут на них снова хлынули пули. Бонд тут же вжался в пол, Эбби была так близко, что он чувствовал свежий аромат ее тела.

-Мотаем отсюда! – закричал Смолин. – Держитесь, я скошу пару углов!

- 12 -

Забавная встреча

В быстро наступающих сумерках прожекторы упавшего вертолета осветили дорогу к главным воротам ярче чем день; теперь пытаться проскочить через них равнялось бы самоубийству. Смолин свернул и погнал по неровной, изрытой поляне к возвышавшемуся склону. «БМВ» швыряло из стороны в сторону. Внезапно раздался удар, а за ним взрыв, отчего машину здорово накренило. Хейзер и Эбби закричали, и на какую-то секунду Бонд подумал, что автомобиль все же перевернет. Судя по звуку, в корпус угодила крупнокалиберная пуля, и Бонд прекрасно понимал, какой вред она могла нанести. И все же каким-то чудом машина опустилась четырьмя колесами на землю. Замок теперь находился слева от них, а вертолет где-то далеко позади.

Раздалось еще три выстрела, одна пуля угодила в пассажирскую дверь, но ничего не повредила. Снайперы скорее всего пользовались приборами ночного видения.

-Может, попытаемся пешком? – сквозь шум проорал Бонд Смолину.

-Пешком нас поймают. Где-то здесь была дыра... она совсем заросла и ненадежно загорожена. – Его голос звучал совершенно спокойно, даже несмотря на очередную пулю, просвистевшую мимо них рикошетом. – Это наш единственный шанс.

Фары были погашены, и Смолину приходилось постоянно вглядываться вперед, в темноту. Двигатель выл от перегрузки.

-Вон она! – победоносно закричал он. – Ну теперь молитесь!

Максим переключил скорость и стал давить на тормоза: машина замедлила ход. Он повернул вправо, колеса стали сопротивляться, задок бешено замотало по сторонам.

-Ты когда-нибудь участвовал в ралли? – как бы невзначай спросил Бонд для того, чтобы отвлечь внимание девушек от предстоящего им опасного трюка.

-Нет, - засмеялся Смолин. – Но водить я учился в ГРУ... А, черт!

Казалось, что они мчатся на деревья, стоящие сплошной стеной.

-Ложись! – крикнул Бонд.

Последовал мощный удар и скрежет: автомобиль брюхом пропахал по корням кустов и молодых деревьев; затем – шуршание

веток и листьев, захлеставших лобовое стекло. Хоть густая растительность и замедлила движение автомобиля, он все же не остановился, а продолжал скрежетать и подпрыгивать. Кусты закончились так же внезапно, как и начались, и на пути вырос забор из колючей проволоки высотой добрых семь футов.

Смолин переключил скорость, газанул и ринулся прямо в забор. В этот раз удар был гораздо более ощутимым. Смолина с Хейзер кинуло на приборную доску, а Бонда швырнуло в спинку водительского кресла. Эбби повезло - она осталась на полу. Когда он вскрикнул от боли, ударившись раненой рукой о сиденье, девушка воскликнула:

-Джеймс? Ты... Ой! – Из-за внезапного толчка ее откатило назад.

На полпути до дороги автомобиль запутался в проволоке, двигатель задрезжал и заглох. Смолин толкнул дверь и крикнул:

-Вылезай, если можешь!

Бонд попытался распахнуть свою дверь, но ее не пускала проволока, поэтому следом за Смолиным он вылез через водительскую. Спотыкаясь, мужчины сразу же принялись за работу. Колючую проволоку пришлось распутывать голыми руками, поэтому в считанные секунды их руки уже кровоточили от порезов и ссадин, отчего каждый ругался на своем языке. Упрямая проволока никак не поддавалась и все время норовила угодить в глаза, но в конце концов им все же удалось высвободить автомобиль из железных пут.

-Теперь куда? – спросил Бонд, тяжело дыша.

-Эту машину нужно хорошенько спрятать и достать другую, - ответил Смолин. И резко нагнулся, увернувшись от прыгнувшей проволоки, которая просвистела всего в каких-то дюймах от его лица.

-И где же мы ее достанем?

-В одном укромном месте я заныкал прекрасный «Ровер Витессу»... Я правильно выразился? Заныкал?

-Правильно, - ответил Бонд и отцепил последний кусок проволоки от заднего бампера. – Ты хорошо устроился в этой стране, Максим: заныканные автомобили, тайные маршруты через границу.

Они сели в машину.

-Не я один такой. Уверен, что у Чернова в этой стране транспорта побольше, чем у меня. Так что гонка еще не окончена.

Смолин повернул ключ зажигания, мотор кашлянул, снова кашлянул, и так несколько раз. В конце концов завелся. Как ни в чем не бывало, Смолин выжал газ и с погашенными фарами аккуратно вырулил на дорогу. Он повернул влево, к Дублинскому шоссе.

-Сперва за нами пошлют «Мерседес» и, может быть, еще пару команд, - начал Смолин, - но подмена машин должна нам помочь. Это мой козырь в рукаве. Никто не знает об этом автомобиле. Я лично прятал его.

-А он далеко? – спросил Бонд. Ему нужно было добраться до телефона.

-Если напрямик, то за пятнадцать минут. Но ты заметил, что в этой стране напрямик ничего не бывает? Здесь, судя по белым пятнам, даже вороны летают исключительно над дорогами!

Сейчас они мчались по извилистой дороге, обочины которой заросли развесистыми кустарниками. Все молчали. Когда Эбби украдкой прикоснулась к ладони Бонда, то тут же одернула руку, увидев в сумерках кровоточащие раны и ссадины. Не проронив ни слова, девушка приподняла край юбки, щедро обнажив свое великолепное бедро, и оторвала от нижней юбки из светлой шелковой ткани большой кусок, зубами разорвала его на два и с нежностью обвязала ими Бонду израненные руки.

-Бедненький, - прошептала она. - Давай я тебе лучше их поцелую.

Сказав это, Эбби склонилась над руками Бонда и принялась целовать его пальцы, пробегая по ним своим язычком. Прodelав это с одной рукой, она принялась за другую, пока ее губы не сомкнулись на среднем пальце.

-Не думаю, что раньше кто-нибудь занимался с моими руками любовью, - прошептал Бонд. – Спасибо тебе, Эбби.

После чарующего молчания девушка взглянула на него своими широкими, невинными глазами и тихим голосом произнесла:

-Я очень надеюсь, что тебе недавно делали противостолбнячную сыворотку.

Проехав пару миль, Смолин резко свернул на какую-то узкую дорогу, которая привела в огромный лес. К этому времени уже совсем стемнело, и деревья, выхватываемые фарами, были серого цвета. Почти через каждые сто ярдов им встречались штабеля бревен на деревянных подстилах. Проехав пол мили, Смолин свернул на тропу, которая убегала прямо в непроходимый лес. Надпись на табличке говорила ясно: «Проезд запрещен. Только для пешеходов»

-Ты это видел, Максим? – спросил Бонд.

-Мы в Ирландии, Джеймс. Подобные надписи еще ничего не значат. К тому же, я подумал, что пешеходная зона – это лучшее место, где можно спрятать автомобиль.

-Этому тебя тоже научили в ГРУ?

-Вроде как да. Ведь я просто уверен, что ребятаки Чернова - какими бы умными они ни были - будут искать «БМВ», а не ту красотку, которая здесь спрятана.

Смолин гнал прямо сквозь чащу, петляя между елями, едва не задевая их могучие стволы, пока наконец фары не выхватили из темноты маленькую полянку, по среди которой высилась большущая гора из веток.

-Так, все вылезает, - скомандовал Смолин. - Расчистите ту машину от веток и покройте ими эту. А мне пока нужно свериться с картами.

Не прошло и десяти минут, как на поляне стоял пыльный, но совершенно новехонький автомобиль «Ровер Витесса», а «БМВ» был тщательно замаскирован ветками. Смолин встал у левого переднего колеса «Ровера», сделал несколько шагов в сторону, присел, сунул руку в поросшую мхом землю и достал оттуда маленький пакетик с двумя связками ключей. Стоявший рядом Бонд тихо сказал:

-Посади девушек в машину, Максим. Нам нужно поговорить.

Смолин кивнул. Он аккуратно усадил Хейзер на переднее сиденье, а Эбби на заднее. И вернулся к Бонду, который встал недалеко от «Ровера», но так, чтобы девушки не слышали их разговор.

-Во-первых, - начал агент 007, подходя к нему почти вплотную, - когда ты работал в Берлине, был ли у тебя наемник по имени Миша? Потому что, если нет, то тебе, Максим, следует посматривать за своей дамой.

Смолин кивнул.

-Да, был такой Миша, но он из КГБ. Тебе следует знать, Джеймс, что полного доверия между КГБ и ГРУ не существует. Каждый ухо в остро и за каждым глаз да глаз. Ты спросил о нем потому, что он один из черновских киллеров? Он ведь был в Лондоне, да?

-Был. Так, а теперь, что касается наших дальнейших планов. Я, конечно, тебе доверяю, Максим, но все же мне нужно знать, куда мы поедем дальше. Кажется, ты что-то говорил о том, как запутать следы и направиться в западный Корк?

Смолин улыбнулся.

-У тебя есть некоторые связи, Джеймс. У меня тоже. В Скиббереене на меня работают два человека. У них имеется легкий самолет. Уже ночью мы можем вылететь из страны. А чтобы не засекли, пойдем на маленькой высоте. И спокойно приземлимся в каком-нибудь поле вашего славного Девона. Я уже делал так несколько раз.

Бонд знал, что это вполне осуществимо. Кажется, Специальный отдел и «Пятерка» подозревали о том, что кто-то регулярно проникает в страну на легких самолетах? Точного места посадки так и не обнаружили, но знали, что нечто подобное проделывают ребята из Северной Ирландии, возможно, как и прочие нарушители.

-Ну хорошо. Чернову нужны мы, девушки и, скорее всего, Джангл с Дитрих. Но если мы поедem в Скибберeen прямо сейчас, то доберемcя туда уже за полночь. Это значит, что нам придется отсиживаться недалеко от точки переброса, что само по себе небезопасно. А нам всем нужно отдохнуть. К тому же мне надо кое-что еще сделать... с телефонами в замке. Понимаешь, о чем я?

Смолин кивнул.

-Почему бы нам на ночь не разделитьcя? – Бонд посмотрел на часы. – Сейчас восемь-тридцать. К десяти мы будем в Килкенни. Можем остаться там на ночь, а к завтрашнему вечеру тронуться дальше. Я полагаю, ты можешь связаться со своими людьми по телефону. Они изолированы?

-Как это - «изолированы»?

-КГБ их мог перевербовать?

-В КГБ про них ничего не известно. Это мои собственные агенты. И я впервые к ним везу посторонних. Понял?

-Понял. Они не будут искать черный «Ровер», но зато будут искать группу из четырех человек. Поэтому, как только мы выберемcя на дорогу, нужно позвонить и снять комнаты в двух гостиницах. Нас с Эбби вы можете выбросить у одной гостиницы, а сами поехать в другую. Нужно только заранее договориться о встрече утром.

-Идет. В багажнике два чемодана. Одежды твоего размера там нет, но все равно она сойдет, хорошо? А девушки могут затовариться завтра в Килкенни, если, конечно, будут действовать осторожно. Кстати, у Эбби одежда уже есть, она лежит в ее большой сумке, так что ей можно не беспокоиться.

-Что у тебя за документы, Максим?

-Британский паспорт, международное водительское удостоверение и кредитные карточки.

-Хорошие?

-Самые искусные подделки с улицы Кнаменская. Моя фамилия Палмерстон. Генри Джей Темпл Палмерстон. Как, нравится?

-Да уж, - ответил Бонд с тяжелым сарказмом. – Тебе только остается молить Бога, чтобы ни один служащий паспортного контроля не оказался студентом, изучающим биографии политиков девятнадцатого века.

-Именно! – Даже в по тьмах чувствовалось, как на лице Смолина расцветает широкая улыбка. – У людей, которые работают там, интересы совершенно иные – авиамодели, миниатюрные железные дороги, новеллы Дика Фрэнсиса и Уилбура Смита. И уж мало кто поднимается до Маргарет Дрэбл и Кингсли Эмиса⁹. Дело в том, что мы как-то устроили своеобразный опрос по почте. Задавали простые, но эффективные вопросы. И на наши маленькие анкеты ответило восемьдесят девять процентов из опрашиваемых. Мы сказали, что изучаем поведение рынка, объявив главный приз в 5000 фунтов стерлинга. Какому-то парню из «Хитроу» повезло - он их выиграл; остальные получили утешительные призы - плэйеры, ручки, дневники. И всякое такое.

Бонд вздохнул. Ну хоть иногда Советы бывают щедрыми.

-Что ж, мистер Палмерстон, не пора ли нам ехать?

-Как скажете, мистер Болдман.

Было решено, что Смолин и Хейзер остановятся не в Килкенни, а в отеле «Клонмел Армс», который находился в тридцати минутах езды от этого городка, а Бонд с Эбби снимут номер в отеле «Ньюпарк», около знаменитого замка Килкенни. Максим считал, что это был наилучший способ совершенно разделиться друг от друга.

Удивительно, но уже буквально через пятнадцать минут после того, как Смолин вырулил из дремучего леса, на пути встретилась бело-зеленая телефонная будка, причем совершенно нетронутая хулиганьем. Из нее-то они позвонили, чтобы забронировать номера.

-В гостинице ты отоспишься, - сказал Бонд Эбби, сидя на заднем сидении автомобиля, - а я буду сидеть и сторожить.

-Подождем – увидим. – Рука Эбби скользнула в его ладонь. – Я знаю, ты – джентльмен, Джеймс. Но, может быть, мне не нужен джентльмен.

-У меня есть кое-какие профессиональные обязанности, - спокойным тоном ответил он.

Эбби улыбнулась:

-Обязанности – это хорошо. Уверена, что все обязанности ты выполняешь с профессионализмом.

К десяти они въехали в Килкенни. К этому времени Смолин и Бонд уже успели обговорить простую систему условных телефонных звонков. Проехав сто ярдов мимо отеля «Ньюпарк»,

⁹ Кингсли Эмис – известный английский писатель. Среди его сочинений есть сборник эссе «Досье на Джеймса Бонда» и роман об агенте 007 «Полковник Сун», написанный под псевдонимом Роберт Маркем.

Смолин притормозил. Вышел из машины, открыл багажник, вытащил из него черную дорожную сумку и вручил ее Бонду.

-Здесь кое-какая моя одежда, бритва и зубная щетка, - сказал он с улыбкой.

Эбби взяла свою сумку через плечо – ту самую, которую она забрала с собой из «Эшфордского замка», когда думала, что едет в безопасное место.

В отеле «Ньюпарк» мистера и миссис Болдман встретили с огромным радушием. Клерк за регистрационной стойкой сказал, что ресторан закрыт, но шеф-повар «забросит вам в номер все, что вы пожелаете». Бонд внезапно понял, что дико проголодался.

-Тогда можно какую-нибудь легкую закуску? - с кроткой сдержанностью начала Эбби, - бифштекс... с картошечкой и зеленым салатиком... хорошо бы еще мусс или профитроли... да, и можно кофе, булку, какого-нибудь вина?

-Все, что угодно, мадам, - ответил с улыбкой клерк. – Все, что угодно из нашего ассортимента: эскалопы «Хельстейн», картофель фри, зеленый и фруктовый салаты.

-Это будет здорово, - быстро ответила Эбби. Бонд понял, что она тоже голодна. Он кивнул в знак согласия и выбрал бутылку белого Бургундского, на этикетке которого были указаны сомнительные сорт и год сбора урожая винограда. Эбби попросила бинты и дезинфектор. «С нашей машиной произошла неполадка, и мой муж обжег себе руки.»

Что ни говори, а мисс Эбби Хэритидж - настоящее сокровище, решил Бонд. Сокровище, не сокровище – сейчас его волновало не это: ему нетерпелось попасть в свой номер, чтобы совершить телефонный звонок.

В оформлении номера отсутствовала оригинальность, и Бонда это несколько не удивило – он еще внизу обратил внимание на оформление фойе, стены которого были выложены сырцом, что говорило о некоем влиянии Испанского стиля.

-Джеймс, я просто обязана перевязать тебе руки, - стала умолять Эбби. - Ведь вот-вот принесут еду.

Бонд жестом указал ей молчать, взялся за верхнюю пуговицу своего пиджака «Оскар Джэкобсон» и большим пальцем отделил от нее серую пластиковую полосочку длинной в дюйм и толщиной в четверть дюйма. Затем набрал код города и номер замка Трех сестер. Послышался щелчок переключаемой линии, и, не дожидаясь первого гудка, Бонд прижал к микрофону трубки пластиковую полоску. Пару секунд полоска издавала тихий пронзительный писк, чем-то напоминавший звуки приглушенной гармоник. В ответ из трубки послышался тихий гудок, означавший, что черные пластиковые

«зерна», которые он «посадил» в замке отреагировали на условный тон-сигнал. Теперь, когда «жучки» ожили, он мог прослушивать не только телефонные разговоры, но и слышать все, что происходит в радиусе тридцати футов от любого из «жучков». Теперь он мог позвонить в замок хоть из Австралии или Южной Африки - результат был бы аналогичным. Эти малюсенькие, но мощные приспособления можно было активизировать с расстояния в тысячи миль, после чего они превращали телефон в подслушивающее устройство. В данный момент Бонд слышал только какие-то неразборчивые шумы, доносившиеся, судя по всему, откуда-то из тех многочисленных комнат, где не было телефонных аппаратов. Он аккуратно положил трубку и посмотрел на часы. Бонд понимал, что нужно продолжать звонить до тех пор, пока он не добьется каких-нибудь результатов. Эбби с тревожным видом продолжала стоять рядом. В руках девушка держала бинты и дезинфектор.

-Джеймс, ты позволишь мне перевязать твои руки? Я прошу тебя.

Бонд кивнул, все еще поглощенный принятием решения: позвонить Смолину или нет? «Должен же кто-нибудь находиться в замке, хотя бы для того, чтобы позаботиться о раненой Ингрид,» – думал он. Но тишина говорила о том, что Чернов бросил на их поиски всех своих людей и себя вместе взятого.

Бонд вздохнул:

-Хорошо, Эбби. Валяй.

Девушка оказала ему первую медицинскую помощь с настоящим мастерством, правда из-за своих нежных движений, которыми она старалась успокоить боль в его ранах, Бонд никак не мог сосредоточиться на деле. Тем временем в номер прикатили сервировочную тележку с едой, и как только Эбби закончила перевязку, они сели ужинать.

-Я помоюсь после еды, - сказала она с набитым ртом. – Прости, но так хотелось кушать, что я решила принять душ потом.

-Ничего страшного, Эбби. Спасибо тебе за то, что перевязала мне руки.

Склонив голову, девушка посмотрела сквозь приопущенные ресницы на Бонда, который сидел напротив, и, широко распахнув глаза, ответила:

-Я готова выполнить любое твоё желание, Джеймс. В том ужасном замке ты был неподражаем.

-Но мне не нужно никакой платы.

-Да, но ты мне понравился еще тогда, на подводной лодке. Ты ведь поставил в телефонах замка «жучки», правда?

-Ты очень проницательна, Эбби.

-Проницательна? А что такое «проницательна»? В смысле – сексуальна? Ты мне кажешься очень...

-Это значит, что ты очень наблюдательна... у тебя острый глаз на всякого рода детали.

-Но это ведь очевидно – то, чем ты только что занимался. Нас этому учили, когда готовили к операции «Торт»... Господи! Какое же это идиотское название. Ты установил в замке прослушивающую аппаратуру, да?

-Конечно, установил.

-Какой же ты хитренький таракан, Джеймс, если можешь прослушивать разговоры в замке с помощью этого телефона!

-Я думаю, что ты хотела сказать «жук», Эбби. - Он улыбнулся, и ее лицо рассвело.

-Джеймс, дорогой, я надеюсь, что тебе совсем не обязательно слушать их всю ночь?

-Как сказать. Сейчас к примеру там никого.

-И все же я надеюсь, что необязательно. Очень надеюсь!

-Там видно будет. Ведь попытка – не пытка.

Они закончили ужинать, и Эбби исчезла в ванной. Бонд тем временем выкатил столик в коридор. И только собрался вновь позвонить в замок, как из ванной вышла Эбби, одетая лишь в то, что сама она назвала бы немецким словом *Unterkleider*. Девушка выглядела восхитительно. Игриво улыбнувшись ему, она взяла свою сумку и снова удалилась в ванную.

Бонд вновь позвонил в замок. И на этот раз подслушал короткий разговор. Какой-то парень по-русски говорил с Ингрид, которой, несомненно, было очень худо. Но ничего полезного в разговоре не проскочило. Бонд подождал еще пятнадцать минут – тишина. Затем повесил трубку и откинулся на кровать, он чувствовал себя очень уставшим, вдобавок невыносимо болела рука и ладони.

Закрыв глаза, Бонд стал думать о своем следующем шаге. Нравится ему или нет, но проверять «жучки» через определенный интервал времени придется. И профессиональный опыт подсказывал ему, что если ничего нового он больше не услышит, то уже через пару часов им придется бежать. Затем - если они доберутся до Англии целыми и невредимыми, - он спрячет девушек на одной из своих конспиративных квартир, существование которых он тщательно скрывал от Сикрет Сервис, и вместе с Максимом Смолиным доложит о состоянии дел своему шефу. Тогда, по крайней мере, две трети миссии будет выполнено... Пока Бонд составлял извинительную речь для «М», в спальню вернулась Эбби. Ее волосы

блестели, а тело было слегка прикрыто полупрозрачным сатиновым negligé.

-Все, ванна свободна, Джеймс. – Negligé как бы невзначай сползло с ее плеч. – Или, может, ты хочешь заняться чем-нибудь другим?

Бонд взглянул на ее молодое, свежее тело и вновь почувствовал страстное влечение к ней. Он медленно встал с кровати и подошел к девушке, та обняла его. Их первый поцелуй, кажется, длился вечность. Его руки скользнули к ее упругой, шелковистой попке, и Джеймса охватило всепоглощающее желание, когда Эбби ответила ему поцелуем и он ощутил во рту ее настойчивый язычок. Бонд чуть отстранился из объятий девушки и взглянул в ее огромные голубые глаза.

-Боюсь, что с бинтами мне будет трудно принимать ванну. – У него пересохло во рту. – Я вот думаю - не могла бы ты...

-А почему бы нам не принять ванну вместе?

Эбби взяла его за руку и отвела в ванную. Там она включила воду, после чего Бонд позволил ей себя раздеть. И вот он уже лежит в теплой воде, а склонившаяся над ним совершенно нагая Эбби намыливает его тело своими любопытными пальчиками. Помыв Бонда, девушка легла рядом с ним в тесную ванну и отдалась ему.

Когда все закончилось, Эбби насухо вытерла его тело махровым полотенцем и перебинтовала руки. На этот раз он отвел ее в спальню. Несмотря на то, что с виду девушка была совсем невинна, опыт в этом деле у нее имелся, причем довольно богатый: Эбби проявила не только невероятную неустойчивость, но и богатое воображение, плюс изобретательность. Этой ночью они занимались любовью еще три раза: сперва с бушующей страстью; затем с неистовым жаром – Эбби сверху, и движения ее были словно строфы из любовной поэмы - ритмичны, но в то же время плавны; и с райской нежностью, которая напомнила Бонду о его несчастной, трагически погибшей супруге Трейси.

Ночью Бонд еще несколько раз звонил в замок, но безрезультатно. Потом он бросил эту затею и уснул в объятиях девушки.

Бонд резко проснулся и понял, что рассвет уже скоро. Осторожно высвободившись из нежных объятий Эбби, он взглянул на часы. Пять-тридцать. Джеймс соскользнул с кровати и прокрался в ванную. Ладони болели меньше, но в рваной ране, которую нанес ему Фафи, боль все еще пульсировала. Мыться оказалось проще, чем

он ожидал, поэтому уже к шести часам, когда за окном начинало светать, Бонд оделся и экипировался. При нем был пистолет «АСП», дубинка и прочее вооружение, спрятанное в одежде.

Эбби продолжала крепко спать; ее светлые волосы рассыпались по подушке, и на лице застыло выражение полной безмятежности. «Пускай как следует отдохнет - сегодня день будет трудный,» – подумал Бонд, достал ключ от номера и тихо вышел в коридор. Сервировочная тележка уже куда-то исчезла, и весь отель был погружен в полную тишину. Лишь спускаясь в главный вестибюль, он слышал случайные звуки, доносившиеся из кухни, где сейчас готовился завтрак. За регистрационной стойкой никто не дежурил, поэтому Бонд сразу же направился к платному телефонному аппарату, по пути доставая из кармана ирландские монетки.

Он позвонил в отель «Клонмел Армс». Ему ответил совершенно заспанный и очень недовольный голос. Бонду даже пришлось повторить, когда он попросил соединить с номером мистера и миссис Палмерстон. Последовала чрезмерно длинная пауза, в конце которой ему ответили:

-Сожалею, сэр, но они уже съехали.

-Когда? – В голове Бонда сработал сигнал тревоги.

-Сам я только что заступил на дежурство, но мне сказали, что за ними неожиданно приехали какие-то друзья. И где-то полчаса назад мистер и миссис Палмерстон выехали.

Нервы Бонда кипели. Он поблагодарил клерка и тут же повесил трубку. Что за «друзья»? Ответ был очевиден: Доминиканец, т.е. генерал Чернов, вышел на след Смолина. А это означало, что недалек тот час, когда он доберется до Бонда и Эбби. И независимо от того - случись это через полчаса или через десять минут, - агент 007 должен взять ситуацию в свои руки. Он тут же набрал Дублинский номер. После нескольких гудков ему ответил резкий голос:

-Мюррэй.

-Это Джако Би. У меня проблемы. Придется действовать официально.

-А ты где? – Судя по голосу, Норман Мюррэй был на взводе.

-В Килкенни. В отеле «Ньюпарк». Я подозреваю, что нашего с тобой друга – Василиска - взяли вместе с девчонкой, с той, которую ты видел в аэропорту. Слух о Доминиканце оказался правдой. Есть одно местечко: так называемый замок Трех сестер...

-Знаю я об этих Трех сестрах. Это не в нашей юрисдикции. Это частная собственность советского посольства. Кстати, Джако, там случилась одна заварушка. Не твоих ли это рук дело?

-Отчасти. Но я не об этом. Со мной сейчас та девушка, что из «Эшфордского замка». Ты понял?

-Да.

-В любую минуту нас тоже могут взять. Если бы ты...

Но Мюррэй его опередил:

-Знаю я о Василиске, и тут что-то не так. Но ты не беспокойся, Джако, что смогу, то сделаю. Смотри осторожней. Официально, говоришь?

-Официально, официально. И дело очень опасное.

-В этом я сомневаюсь. А ты давай - выезжай из отеля и направляйся в Дублин. Тебя забирать приказа нам не давали.

-Ты о чем?

-Дело в том, что мы собирались забрать Василиска, но неудачно. Ну ты едешь или нет?

-Я без машины.

-Что ж, тогда тебе придется ее угнать, Джако. Я слышал, что ты мастер по такого рода делишкам. – Мюррэй хохотнул и повесил трубку, оставив Бонда в полном замешательстве.

«Эбби, - подумал он. – Я должен ее как-то вытащить отсюда, даже если придется всю дорогу прятаться по кустам.» Только он собирался бежать, как его осенила одна мысль. Нужно снова проверить «жучки» в замке! Бонд набрал номер и прижал тонкую пластиковую полоску к микрофону трубки. Из нее хлынула какофония звуков: одновременно говорило несколько человек, причем в разных частях замка. От услышанных слов он сжал трубку еще сильнее.

-Они упустили Смолина и его девчонку. Черт! – говорили по-русски.

Послышался чей-то злобный смех, после чего голос Ингрид:

-Да уж, представляю, как генерал обрадуется!

Гораздо отчетливей был слышен другой разговор. Говорили на немецком, по всей видимости, в комнате Связи.

-Да, депеша получена, мы все поняли... Ганс, - громко крикнул чей-то голос. Вдалеке кто-то отозвался, потом снова отозвался, но уже где-то ближе. – Ганс, римская команда наконец-то их выследила. Дитрих со своим Бельзингером вчера вечером вылетели из Рима. Можешь связаться с шефом?

-Он пытается выйти на след другой пары. Поэтому приказ сохранять тишину в эфире.

-Нарушь его. Дитрих и Бельзингер направились в Гонконг.

-Господи! Ушам не могу поверить.

-Генерал тоже не поверит, но все равно свяжись с ним. И побыстрее давай.

Гонконг, подумал Бонд. Значит, Джангл и Дитрих решили держаться подальше от Европы. Чем скорее он вывезет отсюда Эбби, тем будет лучше для всех них. Бонд повернулся и кинулся вверх по лестнице. Подбежав к своему номеру, он отпер дверь и поспешил к кровати.

-Эбби! Эбби, проснись... - он замолк: одеяло было откинута, а Эбби исчезла.

Но не успел Джеймс отреагировать на покалывающее чувство опасности, как ему на ухо прошептали:

-Даже и не думайте доставать пистолет, мистер Бонд. Мне от вас толку мало, и в случае чего, я могу пристрелить вас прямо сейчас, в этой комнате. Руки на голову, и медленно повернитесь.

Бонд слышал этот голос всего один раз, в записи, и поэтому знал, что когда обернется, то увидит лицо человека, редко появляющегося на Западе. В его лице с четкими чертами было что-то от француза. А звали его Константин Николаевич Чернов - Главный следователь из Восьмого отдела, Управление «С», КГБ. Доминиканец собственной персоной.

-Забавная встреча, не правда ли, мистер Бонд? Это после стольких лет бумажной беготни друг за другом!

Чернов стоял с улыбкой на лице и с огромным автоматическим пистолетом в руке. За его спиной столпилось трое огромных мужчин, словно гончие псы, готовые растерзать свою жертву.

- 13 -

Доминиканец

-Ого. – Бонд посмотрел Чернову прямо в его зеленоватые глаза. – Далековато же вы забрались от дома, товарищ генерал. Наверное, вам здесь не так спокойно, как в своем уютном кабинете на площади Дзержинского. Или Восьмой отдел уже переехал в ту уродливую новостройку на кольцевой дороге? В так называемый Центр научных исследований?

По губам Чернова проскользнула еле заметная улыбка. Бонд подумал, что любой бы принял этого человека за очень влиятельного и состоятельного бизнесмена: стройная, крепкая фигура; серый костюм отменного покроя; лицо загорелое, черты - несомненно привлекательные; вдобавок - магнетизм, который в купе с ростом (а генерал был выше шести футов) говорил о властном характере Чернова. Легко было представить, как он получил должность Главного следователя в бывшем СМЕРШе.

-А вы читаете полезные книжки, товарищ Бонд, если можно так выразиться; нужный раздел беллетристики. – Чернов опустил пистолет (тяжелый «Стечкин») и, слегка небрежно повернув назад голову, быстро отдал какие-то приказания одному из своих помощников. - Прошу меня простить, – генерал опять улыбнулся, словно Бонд ему глубоко симпатизировал. – Прошу меня простить, но ваша репутация вас опередила. При вас, возможно, имеются кое-какие игрушки, и я попросил моих людей их отобрать.

Свободной рукой Чернов поправил свою шевелюру, которая с такой точностью была описана в его личном деле: «Волосы густые, с проседью на висках; для офицера Советской армии необычайно длинные; всегда аккуратно уложены; отличительная черта: уши почти закрыты. Зачесывает назад, без пробора.» Приметы большинства высокопоставленных офицеров КГБ и ГРУ Бонд знал как таблицу умножения.

Один из людей Чернова принялся выполнять приказ. Он схватил Бонда за плечи и грубо развернул его. Затем на ломанном английском приказал положить руки на стену.

Чернов резким голосом отдал еще одну команду, потом добавил:

-Простите меня, мистер Бонд. Я приказал ему, обращаться с вами более нежно. – Генерал говорил с акцентом, который можно было запросто приобрести в любом из старейших Британских

университетов, при этом держался к Бонду чуть ли не с почтением, говоря тихим, спокойным голосом, отчего слова его звучали еще более зловеще.

Парень, проводивший обыск, отлично знал свое дело. Быстро найдя пистолет «АСП» и дубинку, он почти сразу же обнаружил все замаскированное оружие: ручку, бумажник и бесценный ремень, в котором таилось так много секретов. Прощупав швы одежды, он снял с Бонда ботинки, тщательно изучил их и вернул обратно. В считанные минуты агент 007 остался лишь с миниатюрной полоской, закрепленной в верхней пуговице его пиджака.

-Интересно, правда? – спросил Чернов почти с апатией. – Интересно, как наши начальники беспрестанно заботятся о том, чтобы мы всегда были экипированы новейшим техническим оборудованием!

-Хочу с уважением подметить, что вы принадлежите как раз к такому типу начальников. – Бонд сделал над собой усилие сохранять спокойствие, понимая, что Чернов словно животное - учует страх с пятидесяти шагов.

-Это точно, - ответил он, засмеявшись низким тоном.

-И говорят, достойны восхищения.

-Да неужто! – Судя по тону, Чернов не был польщен.

-Ведь это правда, что вы практически единственный высокопоставленный офицер, уцелевший после чистки 1971 года, которую провели после предательства Лялина?

Чернов пожал плечами.

-А кто сейчас помнит про этого Лялина? Некоторые говорят, что это была провокация, подстроенная для того, чтобы разом избавиться от всех нас.

-Но ведь вы уцелели и помогли своему отделу словно фениксу подняться из пепла. Вы действительно достойны восхищения. – Бонд не льстил генералу - он знал, что человек с таким профессиональным опытом, как у Чернова, никогда бы не попался в ту, явную ловушку.

-Благодарю вас, мистер Бонд. Обоюдно. Вы ведь тоже не раз воскресали, несмотря ни на что. – Он вздохнул. – Какая же все таки сложная штука – наша работа. Вы хоть понимаете, что я должен сделать?

-Опять назначили цену за мою голову¹⁰?

-Нет, в этот раз никакой цены не назначали. И все же вы числитесь в списке государственных преступников. Посему, я просто не выполню свой долг, если не приведу вашу казнь в исполнение. Хотелось бы на Лубянке, после допроса. – Он снова пожал плечами.

¹⁰ Ссылка на предыдущий роман Джона Гарднера

– Но, к сожалению, с этим могут возникнуть некоторые трудности. Разделаться с вами – это не проблема. Проблема в том, что ради своей карьеры, я должен сделать так, чтобы справедливость восторжествовала при свидетелях. Поэтому ваша казнь будет публичной, вы умрете не в закрытых подвалах Лубянки.

Бонд кивнул. Он понимал, что чем дольше позволит этому человеку говорить здесь, в отеле, тем больше вероятность того, что на помощь успеет придти Мюррэй. Ведь Бонд ему позвонил. И будь то официально или нет, Мюррэй несомненно сделает все возможное, чтобы помочь. Ведь разве он не обязан Бонду своей жизнью?

– Я рад, что вы философски подходите к этому, мистер Бонд. Вы сказали, что восхищаетесь мной, и я слушаю, если не скажу, что тоже отношусь к вам с некой долей уважения за вашу гениальность, сноровку и находчивость. Вы должны понять, что по поводу вашей смерти между нами нет ничего личного. Такая у нас работа.

– Конечно. – Бонд на минутку задумался. – Могу я узнать, что случилось с девушкой?

– Не волнуйтесь за девушку. – Чернов улыбнулся, снисходительно склонив голову. – Придет время, и она тоже поплатится, вместе с перебежчиком Смолиным и другой предательницей, замешанной в этом постыдном деле; а также вместе с Дитрих и ее мальчиком Бельзингером, или Бэйзли, как он сам предпочитает себя называть. Я просто обязан проследить, чтобы справедливость восторжествовала. Ну а вы – дополнительный суперприз. – Он оглянулся на своих помощников. – Нужно ехать. У нас еще много работы.

– Раз вы готовы, то и я готов. – Бонд вдруг понял, что сказал это чересчур уверенным тоном. Он осознал свою ошибку, когда увидел в глазах Кости Чернова проскочившую тень подозрения. Секунду генерал задумчиво смотрел на него, затем, повернувшись на каблуках, резко взмахнул рукой, чтобы его люди следовали вместе с Бондом за ним. Они прошли по коридору к черному ходу и спустились по пожарной лестнице через два пролета.

За отелем стоял огромный «Рено» и черный, лоснящийся «Ягуар» с тонированными стеклами. Чернов направился прямо к «Ягуару», Бонда подтолкнули в том же направлении. Автомобиль «Рено», по всей видимости, выполнял роль головного, либо хвостового. Ему же было суждено ехать с относительным комфортом в «Ягуаре» Чернова. С водительского кресла поднялся какой-то человек и направился открывать заднюю дверь. Он был одет в черную водолазку, а его голова – забинтована. Даже издалека Джеймс узнал в человеке Мишу – убийцу, который в Лондоне неудачно

покушался на жизнь Хейзер. На его подвижном лице было выражение неопишуемой ненависти к Бонду, а из-за своих бинтов Миша еще больше смахивал на пирата.

Нагнув голову, генерал Чернов сел на заднее сиденье «Ягуара». Бонда подтолкнули к противоположной двери. Эбби нигде не было видно. Правая дверь открылась, и из автомобиля вылез еще один охранник, чтобы пропустить Бонда к Чернову.

Чернов вздохнул:

-Боюсь, что поездка будет не очень-то комфортабельной. Втроем сзади нам будет несколько тесновато.

Следом в машину сел охранник - теперь агент 007 был зажат между двумя людьми. Миша вернулся на место водителя, еще один охранник сел рядом с ним. Бонду, как реалисту, даже не нужно было гадать, что случится, если Мюррэя подведет его чутье. Миша завел мотор, и «Рено» тронулся, поехав первым. «Рено» будет головным, подумал Джеймс. На их месте он поступил бы точно также.

Вскоре стало совершенно ясно, что их «эсорт» направлялся к Дублинской дороге. Значит, через несколько часов они вернутся в замок Трех сестер. Миша вел автомобиль с почти ненормальной осторожностью, держась в твердых тридцати ярдах за «Рено». На Бонда он не смотрел, но в салоне витала его нескрываемая злость. Парень, сидящий рядом с Джеймсом, держал одну руку в своем пиджаке, иногда демонстрируя рукоятку пистолета, которую он крепко сжимал. Генерал дремал, но человек, сидевший на переднем пассажирском сидении, время от времени оборачивался, или смотрел на Бонда в зеркало заднего вида, установленное в противосолнечном щитке.

Время тянулось с нестерпимой медлительностью, и Бонд стал уставать от проплывавшего монотонного пейзажа сочно-зеленых лесочков, неопрятных городков и деревенок. Хотя он и прорабатывал в уме всевозможные варианты, но все же понимал, что живым из машины ему не выбраться: такая попытка приведет к неминуемой смерти, даже на главной магистрали Ирландии. «Если бы только появился Мюррэй, - не переставал думать Бонд, - тогда появился бы шанс.» В настоящее же время он полностью потерял контроль над ситуацией.

До узких улочек городка Арклоу они добрались без приключений. Миновав его, через три мили «Рено» свернул налево, на узенькую дорогу, на которой еле-еле разминулись бы две машины. По обочинам росли высокие деревья и живая изгородь из кустарника. Бонд пришел к выводу, что эта дорога ведет к главным воротам замка.

Чернов потянулся, открыл глаза и похвалил Мишу, обменявшись с ним какой-то шуткой на русском языке. Ехавший впереди «Рено» завернул на крутом повороте. Когда завернули они, Миша грубо выругался. Оказалось, что за поворотом «Рено» пришлось прижаться к обочине. Поперек дороги стояли две полицейские машины. Миша ударил по тормозам. Бонд обернулся и увидел, что сзади дорогу блокировал легковой автомобиль без опознавательных знаков.

-Спокойно. Никакого оружия! – Приказ Чернова прозвучал словно удар хлыста. – Не стрелять, поняли?

Автомобиль «Рено» окружило полдюжины полицейских, остальные четверо направлялись к «Ягуару». После того, как с нахальной медлительностью Миша опустил стекло, полицейский нагнулся к окну и сказал:

-Джентльмены, сожалею, но эта дорога открыта только для дипломатического транспорта. Вам придется разворачиваться.

-А что? Какие-то неприятности, господин полицейский? – Чернов наклонился вперед, и Бонд заметил, что тот, как и охранник, сидящий рядом, тщетно стараются заслонить его лицо.

-Неприятности на дипломатической почве, сэр. Ничего такого серьезного. Дело в том, что вчера поступили кое-какие жалобы, поэтому на какое-то время дорогу пришлось закрыть.

-И что же это за неприятности на дипломатической почве? У меня самого дипломатический паспорт, как и у моих спутников. Мы едем в замок, принадлежащий Русскому посольству.

-Ага, что ж, тогда это меняет дело.

Полицейский отступил назад. Бонд заметил, что машины, стоявшие впереди уже разъехались, чтобы пропустить «Рено». Он также обратил внимание на то, что рядом с их автомобилем появились какие-то люди в гражданском. Один из них наклонился к окну задней двери, вынудив Мишу опустить там стекло. Бонду этот человек был незнаком, но судя по его блуждающему, спокойному взгляду, становилось ясно, что он из Специального отдела.

-Нам сообщили, - сказал человек, - что вчера вечером здесь была какая-то перестрелка. Как вы сами понимаете, подобные вещи нервируют окружающих жителей. Поэтому мне придется проверить ваши документы, сэр, и если бы вы...

-Разумеется. – Чернов полез в пиджак и достал пачку документов, включая свой паспорт. Офицер Ирландского Специального отдела взял их и принялся внимательно изучать паспорт.

-А! – Он посмотрел на Чернова твердым взглядом. – Нам известно о вашем приезде, мистер Таланов. Вы ведь из Советского МИДа?

-Да, я инспектор, проверяющий посольства. Я здесь со своим ежегодным визитом.

-Да, но в прошлый раз приезжали не вы. Так, мистер Таланов? Я как сейчас помню – тот был маленького роста. Вроде бы с бородой, да? Точно, с бородой и в очках. Фамилия... Дай, Бог, вспомнить, а то я так и свою ненароком забуду... Господи! Ну точно забуду!

-Зуенко, - сказал Чернов. – Юрий Федорович Зуенко.

-Точно! Он самый. Зуенко. Значит в этом году он не приедет, мистер Таланов?

-Он уж больше никуда не приедет. – Бонд засек в голосе Чернова слабые нотки раздраженности. Чернов с его опытом понимал, что офицер Спецотдела тянет время. И генерал явно начинал злиться. – Юрий Федорович Зуенко скончался. Скоропостижно. Прошлым летом.

-Боже, храни душу этого бедняги. Скоропостижно, да? Прошлым летом? А вы видели этот фильм, сэр? Там еще играет очаровательная Кэтрин Хепберн, а мисс Тэйлор... знаете, здесь недалеко у нее свой коттедж, вы знали об этом?

-Нам действительно пора уже ехать, в особенности, если неприятности случились именно здесь, на дороге к Трем сестрам.

-Случилась-то, вроде бы, сущая ерунда, мистер Таланов. Но перед отъездом...

-Что еще? – суровым тоном спросил Чернов, в его глазах поблескивал уже далеко не просто намек на гнев.

-Сэр, дело в том, что мы должны проверить дипломатические паспорта у всех.

-Чушь какая. Я ручаюсь за каждого, кто в этой машине. Это мои подопечные.

Пока Чернов говорил, Бонд почувствовал, как в ему бок уперся пистолет охранника. Но поднимать шумиху рисковать не хотелось, пусть даже он и понимал, что Чернову убийство сейчас совершенно не нужно.

Вместо офицера в окне показалось новое лицо.

-Мне очень жаль, мистер Таланов, - как вы сами предпочитаете себя называть, - но мы забираем вон того джентльмена. – Норман Мюррэй указал на Бонда. – У вас дурная компания, сэр. Этот человек разыскивается для дачи показаний, и я думаю, что вы согласитесь, что он не гражданин России и уж тем более - не дипломат. Я ведь прав?

-Ну...

-Я думаю, что лучше всего вам будет без шума его отпустить. Так, ты, давай, вылезай из машины. – Мюррэй протянул руку через охранника и схватил Бонда за пиджак. – Ты выйдешь без шума, мой мальчик? Ну а после остальные джентльмены могут спокойно ехать дальше.

-Теперь мы квиты, Норман? – спросил Бонд без улыбки. Он понимал, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Он понял это, когда Норман Мюррэй отвел его к своему личному автомобилю, кивнув, чтобы Бонд садился в него. Остальные полицейские и офицеры Спецотдела остались, чтобы сопроводить «картеж» Чернова до замка.

-Даже больше чем квиты, Джако. Уверен, что завтра меня ждет трудный денек. Тебе я мало чем смогу помочь. Боюсь, что ради тебя я даже дальше собственной тени ступить не могу. Поскольку происходит что-то очень странноватое.

-Что случилось? – Бонд достаточно хорошо знал, Мюррэя, чтобы понять, что тот чем-то сильно разгневан, расстроен и озабочен.

-Как раз наоборот - ничего не случилось. Во-первых, меня засветло будят и сообщают о вашем Василиске. Твои друзья с того берега хотели, чтобы мы забрали его и без шума доставили им, так? И помня о том, что мы всегда оказываем друг другу любезности, мы послали пару машин в отель «Клонмел Армс», где, как нам сообщили из надежных источников, Василиск снял номер вместе с твоей девушкой – той, с которой я познакомился в аэропорту.

-Когда я звонил тебе, ты мне об этом не сказал.

-Да потому, что ты сказал, что их взяли. И я подумал, что для тебя будет приятным сюрпризом узнать, что взяли их мы.

-Так девушку вы тоже забрали?

-Никого мы так и не забрали. Их просто там не было. Через пять минут после нашего с тобой разговора мне позвонили мои ребята. Клерки отеля сказали им, что за Василиском и девушкой заехали какие-то «друзья». Потом, правда, эти клерки запели другое. Оказалось, что ночью Василиск сделал кучу телефонных звонков. Затем, где-то в три-тридцать утра он с девушкой спустился в вестибюль, заплатил и уехал.

-А та девушка, с которой был я.

-Ни слуху, ни духу. Зато нас буквально завалили жалобами о перестрелке со взрывами, случившейся в замке. А один из наших

засек, как тебя забирали из отеля. Поэтому тебе здорово повезло, что я перехватил тебя у того парня, с которым ты ехал.

-Да, хорошего мало. – Бонд почувствовал себя полным дураком, осознав, что недооценил сложность ситуации.

Мюррэй рассмеялся.

-Это еще что, Джако! Ты плохих новостей не слышал. Твои отказались признать твой официальный статус.

-Черт!

-Ты в отпуске. Санкции на операцию в Республике тебе не давали. А нам приказали не при каких обстоятельствах не оказывать этому оперативнику содействия. Не при каких, Джако. Вот, что они сказали.

«В случае, если что-то пойдет не так, нам придется отречься от тебя, даже перед нашей полицией.» Слова, сказанные «М» в парке, снова прозвучали в голове Бонда. «Перед нашей полицией». А значит и перед полицией другой страны. Но почему? Да, «М» утаил о вербовке Василиска, хотя теперь этому нашлось, вроде бы, какое-то объяснение. Между «М» и Смолиным существовала связь, возможно, что через Мюррэя - наиболее подходящего человека из тех служащих Ирландского Спецотдела, которые были на примете у Сикрет Сервис... И Бонд уже успел выйти на Смолина и двух девушек. Так почему же тогда, черт возьми, старик до сих отказывается признать его официальный статус?

-Норман, ты вообще представляешь себе, что это за человек был в машине?

-Я прекрасно знаю, кто это, Джако.

-Тогда, почему же ты...

-Рукам не трогать. Именно такую инструкцию дало мне мое начальство, и оно, как я полагаю, находится в контакте с твоей Службой. Заберите Василиска и доставьте его нам, но Доминиканца не трогать, - вот, о чем нас попросили. Что ж, Василиск исчез и...

-И девушки тоже. А ведь за девушек отвечаю я, Норман.

-И знать не хочу об этом.

-А ты и не узнаешь. Хочу только сказать, что мне нужно их найти, а с ними и кое-кого еще.

-Хорошо, но здесь ты искать их не будешь, только не в Республике. Я должен доставить тебя в аэропорт, в одно укромное место, а потом выдворить из страны... с огромным пинком.

-Что?

-Что слышал, Джако. Нам ты здесь не нужен. Так что давай, вали. Даже твое посольство не хочет, чтобы ты здесь находился.

В мозгу Бонда крутилась сотня вопросов.

-Если по пути будет телефон, ты остановишься на минутку, Норман?

-С чего вдруг?

-По старой дружбе.

-Мы с тобой в полном расчете.

-Я прошу тебя. – Бонд говорил серьезно. Смолин и Хейзер исчезли с концами, а Эбби испаряется из гостиничного номера в считанные минуты, причем перед самым появлением Чернова. В его голову начали закрадываться ужасные подозрения.

Мюррэй медленно кивнул. Через пару сотен ярдов им попала телефонная будка, инспектор притормозил.

-Только давай побыстрей, Джако, и без глупостей. Еще не хватало, чтобы ты смылся.

Бонд еще не дошел до будки, как уже отделил от пуговицы пластиковую полоску для «гармоники». Чернов, скорее всего, был уже в замке и все телефоны наверняка проверил. Но оказалось, что не проверил, и Бонда это обстоятельство крайне удивило, ведь он считал Чернова человеком чрезвычайно осторожным и педантичным. И все же «жучки» остались нетронутыми, и из трубки слышалась привычная смесь голосов. Разобрать что-либо было трудно, и Бонд уже хотел вешать трубку, как вдруг раздался голос Чернова, звучавший очень четко. Вероятно, генерал стоял прямо у телефонного аппарата.

-Я хочу, чтобы все наши люди были на дорогах Дублина. – Он говорил спокойным и властным голосом. – Бонда и полковника Смолина нужно найти как можно скорее. Мне нужны они оба. Поняли? Это же надо! Увести Бонда прямо у меня из под носа! А тут еще головная боль с этими двумя немками. Чертова операция «Торт»! Чем я заслужил таких идиотов?

-Товарищ генерал, у вас не было выбора. Ничего не попишешь. (Говорили по-русски.) Все ваши приказанья были выполнены в точности. Как только мы выследим их, проблема решится сама собой. Но вчерашняя перестрелка чуть не вызвала дипломатический скандал!

-Бредятина это, а не дипломатия! – вскричал Чернов.

Теперь слышался другой голос, говорили рядом с Черновым:

-Товарищ генерал, мы только что получили депешу из Гонконга.

-И что там?

-Они выследили Бельзингера и Дитрих. Дитрих в штаб-квартире ГРУ, на острове Чеун-Чау.

-Ну и наглая же сучка, эта Дитрих! Нужно срочно действовать. Сообщите в Гонконг, чтобы осторожно следили за ними, но до моего приезда не предпринимали никаких действий.

Вот-вот связь должны были разъединить, и тут вдруг Бонд понял, что сейчас ему как никогда важно перехватить инициативу в свои руки. Порывшись в кармане, он достал несколько Ирландских монеток, которые ему любезно оставил охранник Чернова. Он повесил трубку, снял и снова набрал номер замка. Когда подошли к телефону, Бонд на беглом русском попросил Костю Чернова. «Это чрезвычайно важно! Вопрос жизни и смерти.» – добавил он.

Через пару секунд подошел Чернов, тихо ругаясь по поводу того, что ему звонят по открытой телефонной линии.

-А нам не понадобится защищенная линия, товарищ генерал, - произнес по-английски Бонд. – Узнаешь меня?

После короткой паузы Чернов ледяным голосом ответил:

-Узнаю.

-Я звоню, чтобы сказать, что жду не дождусь встречи с тобой, Доминиканец. Поймай меня, если сможешь. Только угадай сначала, куда я направляюсь – на север, юг, запад, или на восток.

Он нарочно поставил акцент на слове «восток», тем самым поддразнив Чернова. Повесив трубку, он вышел из будки и заспешил к автомобилю. Чернов поймет, что Бонд, имея маленькое преимущество в том, что примерно знает его следующий шаг, нагло блефует. «М», наверное, сказал бы, что телефонный звонок был безумным поступком, но «М» сам играл в хитрую игру.

-Я уже хотел подумать, то ты решил меня обдурить, Джако. Начальство мне все мозги прокапало по поводу тебя. Ты в какую страну хочешь полететь?

-Что значит, в какую страну?

-Тебя депортируют, Джако. Твои ребята из Лондона сказали, что мы можем зафиндильтебя хоть на луну. Даже твой старик сказал, чтобы оставшуюся часть отпуска ты провел где-нибудь в другом месте.

-Он так и сказал?

-Слово в слово. «Скажи, - говорит, - этому мятежнику, чтобы оставшуюся часть отпуска он провел где-нибудь в другом месте.» Вот, что сказал этот старый чертюга. Ну так куда тебя доставить, Джако? В Испанию? Португалию? Может, пару неделек на Канарах?

Бонд взглянул на Мюррэя, но лицо инспектора оставалось бесстрастным. Судя по всему, он понятия не имел, что Джангл недавно был именно там.

-Дай пару минут подумать, Норман. А ты сможешь доставить меня туда, куда я пожелаю, без шума?

-Абсолютно без шума. Да так тихо, что даже паспортный контроль Дублинского аэропорта ничего не узнает.

-Тогда дай подумать минуту.

Бонд уже знал, куда хотел полететь, но сначала решил поразмыслить о поведении «М». Начальство всегда исходило из принципа: «каждый человек знает только то, что ему следует знать»; тогда почему же «М» решил, что с самого начала Бонд должен думать, что действует в одиночку? И почему «М», наверняка знавший о том, что девушки нашлись и снова исчезли, продолжал отрицать официальный статус оперативника Бонда? По идее он не должен был встретиться с Максимом Смолиным, поэтому он и не знал ничего о полковнике. Не потому ли, что Бонд не должен был знать что-нибудь еще?

Используя элементарные навыки оперативника, Бонд попытался выстроить все события в логическую последовательность. Когда начальство намеренно скрывает от своего агента важную часть информации? Даже если такой шаг может подвергнуть этого агента смертельной опасности? Подобный риск оправдывается только при одном стечении обстоятельств, и в разговорах, подслушанных им с помощью «жучков», намек проскочил именно на такие обстоятельства. Утаиваешь обычно тот факт, что надежный агент может оказаться двойным. Утаиваешь только тогда, когда сам не знаешь, кто именно предатель. Доставь к нам их всех, сказал ему «М». Всех – это означало, что и Эбби, и Хейзер, и Джангл – любой из них мог быть двойным агентом. Вот и ответ. Один из участников операции «Торт» – предатель, и Бонд, зная как мыслит «М», должен включить в этот список Смолина с Дитрих.

Подъехав к окраинам Дублина, Мюррэй нырнул в плотный автомобильный поток. Зачем начальству отречься от Бонда? Ответ прост. Отрекаются от оперативника только тогда, когда Министерство иностранных дел сильно озабочено положением вещей, или когда хотят, чтобы противник думал, что агенту не помогают даже свои. «М» - старый черт! Он ведет рискованную игру, рискованную и смертельно опасную. Любой другой на месте Бонда давно бросил бы это дело и вернулся бы с чем было в Лондон, на поклон к «М». Но только не Бонд, и старик это знал. «М» поставил на Бонда все свое состояние, рискуя как настоящий игрок, зная, что ставки поднялись до немыслимого, как только на горизонте замаячил сам Доминиканец.

-А найдется ли в этом укромном месте, что ты приготовил для меня в аэропорту, безопасный телефон, Норм?

-Я же сказал тебе, не называть меня Норм, - раздраженно ответил Мюррэй.

-Так найдется или нет?

-Самый, что ни на есть безопасный. – Он глянул на Бонда и широко улыбнулся. – Можешь воспользоваться им даже после того, как решишь куда полетишь.

-Можешь перебросить меня во Францию? Если можно, поближе к Парижу?

Мюррэй громко расхохотался.

-Ты просишь меня совершить чудо! Ты же знаешь, что такое Министерство безопасности Франции. Эти ребята не очень-то дружелюбны.

-Но ты же живешь в стране чудес, Норман... Что касается меня? Я лучше поживу на том берегу - здоровее буду. Знаешь...там, где разбойник таится под ветвями ивы, рев толпы, шорох змей на скошенной ниве.

-Бог с тобой, Джако, да ты еще и поэт! К счастью Святой Патрик избавил нашу страну от змей.

-Правда? – улыбнулся Бонд и подумал, что еще чуть-чуть, и просить о чем-либо инспектора будет уже бесполезно.

Укромная комната, о которой говорил Мюррэй, находилась в маленьком здании на территории аэропорта. Здание было огорожено забором, поэтому Бонда и Нормана, вышедших из автомобиля, снаружи было совершенно не видно. С виду, аэропорт «Дублин» - один из самых неохраемых в Европе, но на самом же деле он славится своей мощной и скрытой системой безопасности, которая с первого взгляда совершенно незаметна. И еще когда Мюррэй свернул на дорогу, ведущую к аэропорту, Бонд заметил, что вокруг больше полицейских автомобилей, чем обычно.

Зайдя внутрь, они оказались в комфортабельной комнате ожиданий с креслами и раскиданными на столике журналами. В комнате также находилась пара человек в штатском, которые в разговоре с Норманом Мюррэйем проявили явное почтение.

-Вон в той будке со звуконепроницаемыми стенами один из самых безопасных телефонов во всей Ирландии, - сказал Мюррэй, указав пальцем. – Иди звони, а я пока договорюсь о твоём вылете.

-Я не буду звонить, пока не удостоверюсь, что сегодня вечером я окажусь в Париже, - холодным тоном ответил Бонд.

-Да не волнуйся ты, Джако. Давай, звони. Не пройдет и часа, как ты уже будешь в дороге. Без дураков.

Бонд кивнул. Инспектор Норман Мюррэй умел убеждать людей.

Зайдя в будку, Бонд набрал Лондонский номер. Женщина, подошедшая к телефону, сразу же поинтересовалась о безопасности связи, на что Бонд ответил, что их связь скорее всего безопасна, и уж тем более по телефону, который не прослушивается. В их последнюю встречу, Кьют предложила Бонду свою помощь. И он знал, что это не пустые слова. Тогда она сказала ему на прощание: «Если тебе понадобится что-нибудь отсюда, просто позвони, и я лично привезу тебе все.»

И вот он позвонил, и продиктовал ей длинный список необходимых вещей, просив доставить их в практически нереальные сроки и в нереальное место, но Кьют согласилась помочь. Она лишь сказала, что все сделает, пожелала Бонду удачи и повесила трубку.

Мюррэй ожидал его, держа в руках белый комбинезон.

-Одевайся в это, - сказал он Бонду, - и слушай меня внимательно.

Пока Джеймс одевался, Мюррэй продолжал:

-Коридор за этими дверьми ведет в авиа-клуб. Ты полетишь на легком самолете, с их инструктором. Ваш вылет уже зарегистрирован. Вам дали разрешение пролететь над северной Францией; клубу такое часто позволяют. Но у вас около Рена случится неполадка с двигателем. До аэродрома вам будет не дотянуть, поэтому инструктор даст сигнал СОС, и вы сделаете вынужденную посадку в поле, только не в каком-нибудь там, а в определенном поле, где тебя будет ждать человек с автомобилем. Он займет твое место в самолете, чтобы у жандармов и таможенников, которые потом придут, не возникло никаких вопросов. Вся операция должна пройти гладко, как часы. Сделаешь, как я сказал, и все будет окей. Но если тебя вдруг будут спрашивать, то я к этому делу не имею ни малейшего отношения. Понял?

Бонд кивнул.

-Спасибо, Норман.

-Самолет прямо у выхода, мотор работает, взлет разрешен. Это малютка «Сессна-182», которая способна поднять от силы четырех человек. Удачи тебе, Джако.

Бонд крепко пожал Мюррэю руку. Теперь Джеймс знал, что старик «М» по причинам, известным лишь ему самому, душой все еще с ним.

Самолет стоял почти у самого здания. Бонд опустил пониже голову, подбежал к машине, нагнувшись под крылом, влез в кабину и сел рядом с инструктором, молодым, с виду веселым ирландцем. Тот широко улыбнулся ему и сказал, что он как раз вовремя.

Едва Бонд успел пристегнуться, как их самолетик тронулся в сторону короткой взлетной полосы, расположенной в дальнем конце аэродрома. Подождав пару минут, пока на посадку шел самолет «Аэр Лингус»-737 рейсом из Лондона, инструктор газанул, и легкая машина буквально сама по себе взмыла в воздух. Они повернули к морю и начали набирать высоту. Достигнув две тысячи футов, инструктор выровнял самолет.

-Ну вот, - крикнул он, - теперь дело за малым. Через пять минут я лягу на курс. — Он повернул голову. — Тебе там сзади удобно?

-Нормально, - ответил Бонд, затем обернулся и увидел, как из-за его кресла выглядывает Эбби.

-Приветик, Джеймс. Рад меня видеть?

И девушка запечатлела на его щеке поцелуй.

- 14 -

Ужин в Париже

У каждого стоящего агента-оперативника на чужой территории существуют свои методы подстраховки: банковский счет в Берлине, запас оружия в Риме, паспортные бланки в банковском сейфе Мадрида. У Джеймса Бонда была конспиративная квартира в Париже, скорее даже - квартирка, владельцами которой являлись его старые друзья, готовые без вопросов покинуть ее по первому его слову. Квартира находилась на пятом этаже одного из тех зданий, что у бульвара Сен-Мишель на Рив Гош.

Бонд и Эбби приехали туда в начале седьмого. Причем вся поездка прошла гладко, даже слишком уж гладко, что несколько беспокоило агента 007. На протяжении всего полета самолетом управлял пилот-инструктор. И Бонд отметил, что, как только они оказались над Францией, пилот постарался держаться на такой высоте, чтобы авиа-диспетчерская Парижского аэропорта стала беспрестанно остерегать их от нарушения эшелона следования. Условленное место посадки, которое находилось где-то к западу от Ренна, пилот нашел быстро и, постепенно снижаясь, покругил над ним пятнадцать минут, пока не убедился, что их человек уже на месте.

«Он проделывал такое и раньше, - подумал Бонд, - интересно, когда и для чего? Быть может, у Мюррэя на этого парня был какой-нибудь компрама? Контрабанда, а может и скользкие делишки с Ирландскими террористами?» Но чем бы там в прежние времена не занимался этот пилот, «вынужденная» посадка прошла гладко, как часы. Когда Парижский аэропорт, озабоченный потерей их высоты, вновь просигналил об этом, пилот повернул самолет, включил и выключил несколько раз двигатель и через пять минут пошел на посадку, подав сигнал СОС и сообщив координаты посадки с поправкой километров на десять, чтобы представители власти их не сразу нашли.

-Когда сядем, у вас на все про все будет где-то минут пять, - крикнул пилот и заглушил мотор, потом вновь завел. — Это для реализма, - сказал он, ухмыльнувшись.

Пропланировав еще пять-шесть километров над безликой, безлюдной фермой, самолет коснулся земли и покатился в сторону рощицы и прямой как линейка дороги, вдоль которой росли тополя.

У рошцы - так, чтобы с дороги было не видно - стоял старенький, потрепанный «Фольксваген».

Как только двигатель «Сессы» замолк, из-за деревьев появилась фигура, одетая в такой же как у Бонда белый комбинезон, и кинулась к самолету.

-Ну, с Богом! - сказал пилот, вылезая из кабины.

Бонд помог девушке спуститься на землю, снял с себя комбинезон и взглянул на подбежавшего к ним человека. Парень, который должен был заменить его, просто кивнул, склонил голову в сторону «Фольксвагена» и вручил Бонду ключи, сказав, что в автомобиле лежат все необходимые карты. Взяв Эбби за руку, Бонд кинулся трусой к машине. Последний раз они видели пару бесстрашных летчиков уже из окна автомобиля. Открыв капот, те копались в моторе. Но к этому времени Бонд и девушка уже ехали по дороге в сторону Парижа.

Немного привыкнув к машине, он спросил:

-Так, девочка моя. Как и почему ты вновь объявилась?

В самолете им толком поговорить так и не удалось, а Бонда сразу очень насторожило внезапное появление Эбби, пусть даже оно произошло с благословения Нормана Мюррэя.

-Джеймс, дорогой, этот славный полицейский хотел сделать для тебя приятный сюрприз.

-Ну хорошо. Но что же тогда случилось с тобой в Килкенни?

-А он разве тебе не рассказал?

-Кто?

-Этот инспектор. Мюррэй.

-И словом не обмолвился. Ну так что же случилось?

-В отеле?

-Послушай, Эбби, мы сейчас говорим не о твоём отчаянном побеге из Германии, - с явным раздражением сказал он.

-Я проснулась, - ответила она, будто бы этим все объяснялось.

-И что?

-Было еще рано, очень рано. А тебя нигде нет, Джеймс.

-А дальше?

-Я испугалась. Встала и вышла в коридор. Там никого не было, поэтому я спустилась по лестнице. Ты звонил по телефону в вестибюле. Я услышала твой голос. Но тут, в другом конце коридора послышались чьи-то шаги. И мне стало очень неловко.

-Неловко?

-На мне была... одна лишь тоненькая... - Девушка махнула рукой, попытавшись жестом описать ее тогдашнее одеяние. - И больше ничего. И тут я увидела рядом шкафчик, где обычно хранят всякие швабры и тряпки.

Бонд кивнул, и она продолжила.

-Там я и спряталась. Было темно и неудобно, но просидела я там долго. Слышала какие-то голоса, туда-сюда ходили люди. А когда все стихло, я вылезла. Но тебя уже не было.

Он снова кивнул. Скорее всего она говорила правду, причем говорила убедительно.

-Я оделась, - сказала девушка и виновато посмотрела на него. - Потом пришли полицейские, и я им все рассказала. Они переговорили с кем-то по рации в своей машине и сообщили мне, что им велено отвести меня в аэропорт. Джеймс, у меня совсем нет одежды - только та, что на мне сейчас, и кое-какая в сумке.

-А инспектор Мюррэй говорил тебе о том, что с тобой будет дальше?

-Он сказал, что мне опасно оставаться в Ирландии. Он сказал, что я полечу с тобой, но нужно приготовить тебе небольшой сюрприз. У него прекрасное чувство юмора! Забавный человек - этот инспектор.

-Да. Такой юморист-затейник! Просто обхохочешься!

Бонд до сих пор не мог решить для себя - верить ей, или нет. В сложившейся ситуации ему оставалось только одно: не спускать с нее глаз, но держать в полном неведении, да так, чтобы сама она ничего не заподозрила.

Джеймс позвонил на конспиративную квартиру со станции автосервиса на шоссе А-11 и предупредил о своем приезде. Когда они приехали, в огромном холодильнике лежала еда и две бутылки первого класса «Круга», а двойная кровать была застелена свежим бельем. И все - даже никаких записок. Так было каждый раз: короткий телефонный звонок, в котором Бонд сообщал время своего приезда и на сколько примерно останется, и к его приходу друзья уже исчезали. Он никогда не спрашивал, куда они уезжают, а они никогда ничего не спрашивали у него. Хозяином квартиры и главой семьи был ветеран Сикрет Сервис, но о своей работе ни он, ни Бонд никогда и словом не обмолвливались. За все восемь лет процедура почти не менялась. Всякий раз к его приезду квартира была уже готова, и даже сегодняшний визит, несмотря на такую внезапность, не был исключением.

-Джеймс, какая прелестная квартирка! - с неподдельным восторгом воскликнула Эбби. - И она вся твоя?

-Только когда я в Париже, а мои друзья в отъезде. - Он прошел в гостиную и подошел к столу, выдвинул верхний ящик и вытащил из него двойное дно. Там он всегда держал про запас около тысячи франков.

-Смотри, да здесь и мясо имеется! (Эбби изучала кухню.)
Может, мне что-нибудь приготовить?

-Позже. – Бонд посмотрел на свой «Ролекс». Чтобы успеть на встречу с Энн Рейлли, при попутном ветре понадобится больше получаса. – Слава Богу, что в Париже есть магазины, работающие допоздна! Эбби, я хочу, чтобы ты составила список самой необходимой одежды, и скажи мне свои размеры.

-Мы идем за покупками? – Она даже слегка подпрыгнула, радуясь, словно дитя.

-Я иду за покупками, - ответил он очень твердым тоном.

-Да, но Джеймс, есть некоторые вещи, которые ты не сможешь купить... Личные...

-Просто составь список, Эбби. Личные вещи тебе купит девушка.

-Какая девушка? – Она еле сдержала свой гнев. Одно из двух: либо Эбби Хэритидж была превосходной актрисой, либо просто очень ревнивой женщиной. Бонд мог поклясться в последнем - ее щеки пылали, а глаза поблескивали.

Притопнув своей ножкой, она спросила:

-Ты идешь на встречу с какой-то женщиной?

-У меня с ней давно уже ничего нет, Эбби.

-Ну и что? У нас была с тобой ночь. Мы теперь любовники. И тут на тебе - стоило нам приехать во Францию, как...

-Стой, стой, стой. Да, я иду на встречу с одной женщиной. Но эта встреча - чисто деловая.

-Я... Да, знаю я, какая это деловая встреча.

-Ничего подобного. Послушай, Эбби, успокойся. Я хочу, чтобы ты выслушала меня. – Бонд внезапно осознал, что говорит с ней как с маленьким ребенком. – Это очень важно. И мне вправду надо идти. А список я возьму с собой. Если кто постучит, не отзывайся и к телефону не подходи. Просто запишись и жди меня. Я постучу условным сигналом. Вот так. – Он постучал: три тихих стука, пауза, снова три, пауза, и два громких. – Запомнила?

-Да, - неохотно ответила она.

-Тогда повтори.

Она слегка пожала плечами и повторила сигнал.

-Хорошо. Теперь по поводу телефона. Даже не прикасайся к нему. Трубку бери только тогда, когда телефон зазвонит три раза, потом замолчит и снова начнет звонить.

Сигналы были просты и незатейливы как у любовников, зато легко запоминались. Бонд снова все повторил, затем усадил ее за стол, вручил ручку с бумагой, а сам принялся закрывать ставни и

занавешивать окна по всей квартире. К тому времени, как он закончил, девушка протянула ему готовый список.

-А ты надолго? – спросила она кротким голосом.

-Если повезет, то через два часа я уже вернусь. Не позже.

Эбби расправила плечи и встала в позу.

-Значит, два часа! Но если я учую на тебе ее духи, значит ты занимался с ней любовью. И не вздумай опаздывать, Джеймс! Ровно через два часа ужин будет на столе. Ты понял?

-Да, мэ, - ответил он с победоносной улыбкой, - и не забудьте то, что я сказал вам о двери и телефоне. Вы поняли?

Задрав кверху носик и сцепив руки за спиной, девушка поднялась на цыпочки и подставила ему щечку.

-Разве я не заслуживаю настоящего поцелуя?

-Вот если вернешься вовремя к ужину, тогда и посмотрим.

Он кивнул, чмокнул ее в щеку и вышел. Затем, спустившись по каменной лестнице через четыре пролета, оказался на улице. В Париже он старался не пользоваться лифтами. В этих старых кварталах в девяти случаях из десяти лифты не работали.

Бонд взял такси до Дома инвалидов, потом повернул обратно и прогулялся до Ке-д'Орсей, перешел на другой берег Сены и направился в сторону парка Тюильри. И лишь после того, как убедился, что хвоста нет, снова поймал такси и вернулся на бульвар Сен-Мишель.

Маленькое кафе, в котором он договорился встретиться с Энн Рейлли, находилось всего в десяти минутах ходьбы от той квартиры, где Эбби сейчас готовила ужин, и здесь всегда былолюдно. Энн сидела за угловым столиком. Пробравшись к стойке бара, Бонд заказал *fine* и подошел к Кьют. Хоть слежки вроде и не было, заговорил он все же тихим голосом.

-Ну как?

-Все, что ты просил. В дипломате. У твоей правой ноги. Дипломат с защитой: рентгеном не просвечивается. Но я бы на твоём месте переложила все оттуда в твой чемодан.

Бонд кивнул.

-Как там в штабе?

-Чухло. Назревает скандал. «М» уже три дня как сидит, запершись, в своем кабинете. Как генерал в осаде. Говорят, что он даже спит там. Ему ящиками приносят всякие микрофильмы. К главному компьютеру никого не подпускают. И у шефа постоянно сидит Начальник штаба. Манипенни тоже никуда не выходит. Я думаю, что она лежит поперек двери его кабинета с винтовкой в руках.

- Не удивительно, - пробормотал он. – Послушай, лапушка, я хочу тебя кое о чем попросить. – Он вручил ей список Эбби. – Тут за углом есть супермаркет. Сбегаешь, а?

- А платить мне своими деньгами?

- Спиши на дорожные расходы. Отдам, когда вернусь.

Кьют взглянула на список и улыбнулась.

- А вкусы-то у нее... - начала она.

- Слегка изысканные, - быстро отрезал Бонд.

- Хорошо, сбегаю. Не бойся, я – девушка простенькая и серенькая, поэтому выкаблучиваться не буду.

- Вот и славно. А я закажу тебе выпить. Да, и купи заодно какой-нибудь дешевенький чемодан, хорошо?

- Изысканный, но дешевенький?

Энн Рейлли встала и направилась к выходу, почти вызываясь раскачивая своими бедрами. Бонд отметил про себя, что нужно будет пригласить ее поужинать в ресторане, как только он закончит задание и вернется в Лондон.

Прошло ровно пол часа, и девушка прибежала обратно.

- На улице меня ждет такси. Если я поспешу, то успею на последний рейс «Эир Франс» в «Хитроу». Чемодан в машине. Тебя подбросить?

Бонд вскочил и последовал за ней к дверям. Через пару кварталов он попросил притормозить. На прощание она поцеловала его в губы и шепотом пожелала удачи. Бонд взял дипломат, чемодан и вылез из машины.

Сорок минут он петлял по городу, запутывая следы: проехался в метро, прогулялся пешком, взял такси; и только потом вернулся в квартиру за десять минут до срока, установленного Эбби. Эбби с подозрением его обнюхала, но, учуяв лишь запах бренди, слегка оттаяла. Она оттаяла еще больше, когда Бонд вручил ей чемодан и предложил открыть его. И снова были беззвучные восторженные возгласы, когда девушка принялась изучать покупки, сделанные Кьют. Бонд тем временем проверил свою одежду, которая всегда хранилась в одном из отделений спального гардероба. В квартире также всегда был запасной чемодан, куда он планировал спокойно и не спеша упаковать свою одежду и кое-какие вещи из дипломата.

- Через пять минут будем ужинать, - пропела из кухни Эбби.

- Сейчас иду. Вот только сделаю один телефонный звонок.

Воспользовавшись телефоном в спальне, он позвонил в аэропорт «Орли», в кассу авиакомпании «Катай Пацифик». Да, у них есть два места первого класса на завтрашний рейс в Гонконг. Конечно, они забронируют их на фамилию Болдман. Бонд продиктовал номер своей кредитки «Амекс».

-Благодарим вас, мистер Болдман. В десять-пятнадцать вы сможете забрать билеты из кассы. Приятного вам полета.

Он заглянул в дипломат и удостоверился, что Кьют не забыла положить маленькую резиновую печать для их медицинских сертификатов. Внезапно его охватил ужас.

-Эбби! – закричал он. – Эбби, паспорт у тебя с собой, а?

-Конечно, с собой. Я без него никуда.

Он вошел в гостиную. Столик был элегантно накрыт на двоих.

-Я смотрю, ты без дела не сидела, Эбби.

-А как же... А что? Мы куда-то уезжаем?

-Утром. Но сегодня вечером у нас с тобой романтический ужин в Париже.

-Здорово! Ну а утром куда мы поедem?

-Завтра, - произнес он тихим голосом, - мы отправимся в путешествие на загадочный Восток.

- 15 -

Загадочный Восток

Пролетев над островом Лантау, самолет «Боинг-747» авиакомпании «Катай Пацифик» рейсом СХ-290 из Парижа пошел на снижение. Оказавшись над Новыми территориями, огромный авиалайнер заложил почти стоградусный вираж и помчался над полуостровом Коулун в сторону международного аэропорта «Кай-Так», чья взлетно-посадочная полоса стрелой убегала в море.

Пока подвывающие двигатели, делая последний рывок, несли машину над крышами города, Джеймс Бонд, склонившись к иллюминатору, любовался островом Гонконг и окутанным облаками пиком Виктория.

Сейчас они мчались прямо над районом Коулун-Тонг. Бонд подумал о переводе этого названия - «Обитель девяти драконов», и вспомнил историю о том, как Брюс Ли консультировался у предсказателя, покупать или не покупать себе в этом богатом районе квартиру. Предсказатель не советовал этого делать, ссылаясь на дурную примету: дескать его имя переводится как Маленький дракон, а в обители девяти драконов маленького дракона будут ждать одни только беды. Не взирая на это, Брюс Ли все-таки купил здесь квартиру, и не прошло и года, как его не стало. А ведь казалось бы - всего лишь какая-то дурная примета!

Шасси «Боинга» коснулись земли, раздался грохочущий рев двигателей, включившихся на реверс; закрылки выдвинулись на максимум; и скорость резко спала. Медленно покотившись, самолет затормозил в конце взлетно-посадочной полосы, слева от которой возвышались дома, а справа - между материком и островом Гонконг - раскинулась усеянная лодками гавань Фрэгрант¹¹.

Через двадцать минут после посадки Бонд и Эбби, сжимавшая его руку, стояли в здании Паспортного контроля, интерьер которого чем-то походил на внутренности ангара, а китайские таможенники с серьезным видом скрупулезно изучали их паспорта. С того момента, как они вышли из самолета, Бонд изо всех сил старался вычислить в толпе аэропорта возможных соглядатаев, но в этом море европейских, китайских и евроазиатских лиц каждый мог оказаться потенциальным «хвостом».

¹¹ Fragrant (англ.) – ароматный. Название Гонконг переводится как «Ароматная гавань».

На улице стоял здоровенный китаец, одетый в слаксы и белую рубашку, и держал табличку с надписью: «Болдман». Бонд направил Эбби в его сторону.

-Я - Болдман.

-Ага. Хорошо. Я доставить вас отель «Мандарин». – Китаец широко улыбнулся, выставив напоказ стройные ряды золотых коронок. - Машина здесь. Садитесь, пожалуйста. – Водитель подвел их к лимузину и открыл дверь. – Меня зовут Дэвид, - добавил он.

-Спасибо, Дэвид, - весело ответила Эбби, и они залезли в автомобиль.

Лимузин тронулся с места, и Бонд глянул в заднее окно, чтобы узнать, не пристроилась ли за ними какая-нибудь машина. Все было тщетно: из парковочной зоны автомобили выезжали постоянно, и почти каждый вез только что севшего пассажира. Но Бонд искал другое, его интересовал какая-нибудь неприметная машина с двумя людьми, сидящими впереди. Тут он вовремя поймал себя на мысли, что так следует поступать в Европе - на Дальнем востоке все обстоит иначе. Ему вспомнились слова одного старого и опытного работника Сикрет Сервис из китайского отдела: «Что касается хвоста - это люди, от которых ты меньше всего этого ждешь. К востоку от Суэцкого канала живут ребята, которые могут незаметно следить за тобой хоть в пустыне, - настоящие бестии.»

К тому времени, как они достигли туннеля «Кросс-Харбор», соединявшего остров с материком, слежки так и не обнаружилось. Здесь они влились в медленный автомобильный поток. Здесь были и легковые и грузовики, как старые так и современные, и уж, конечно же, те самые, горячо любимые в Гонконге пятнадцатилетние автопоезда, некоторые с изрядно потрепанными тентами, украшенными китайскими иероглифами.

Теперь достаточно уехать из Гонконга всего на пару недель и, вернувшись, обнаружить перемены. Бонд приезжал сюда где-то пару лет назад, и сейчас, когда их автомобиль выехал на Коннат-роуд, он заметил, что за это время Гонконг здорово изменился. Впереди, справа возвышался гигантский небоскреб «Коннат-центр», стены которого были испещрены сотнями похожих на иллюминаторы окон, из-за чего создавалось впечатление, что его архитектором был оптик. Еще дальше, за «Коннат-центр» виднелись три, почти достроенные стеклянные башни «Эксчендж-сквер». Движение на дорогах было таким же плотным, как спертый горячий воздух вокруг; тротуары и фантастического вида мосты, протянувшиеся над главными улицами, кишели спешащими куда-то людьми. А слева, за Чейтер-сквер Бонд заметил новое, громадное здание банка «Гонконг и

Шанхай», стоявшее на четырех высоченных цилиндрах, и походившее на башню, собранную из конструктора «Лего».

Вскоре они подъехали к парадному входу отеля «Мандарин», который вблизи всего этого многоэтажного изобилия казался каким-то незначительным. Правда, впечатление это исчезло, как только они прошли через стеклянные двери в главный вестибюль, блиставший хрустальными люстрами, итальянским мрамором, ониксом, и позолоченными украшениями из резного дерева.

Эбби вытаращила глаза.

-Это просто потрясающе, Джеймс!.. - начала девушка, но запнулась.

Бонд в этот момент вел ее к регистрационной стойке, за которой стоял одетый в черный костюм китаец, но заметил, что та, сузив глаза, смотрит в дальний конец вестибюля.

-Что с тобой? – тихо спросил он.

-Стриж, - выдохнула девушка. – Стриж здесь. Я только что его видела.

-Где? – подходя к стойке, спросил Бонд.

-Вон там. – Эбби кивнула в сторону столика консьержа. – Он был там. Как это на него похоже. Он всегда был – как это вы говорите – шустрым как черт?

Бонд кивнул. Это было точное определение для Стрижа, подумал он, принявшись заполнять регистрационные карточки. Стриж всегда был шустрым как черт; он словно измученная, загнанная душа, метавшаяся между раем и адом; душа, ведущая людей к их гибели. И надо сказать, что, благодаря его мастерскому умению управлять оперативными агентами, провалилось немало представителей вражеских спецслужб.

И снова перед Бондом встала стена противоречий и подводных камней, которые имелись в операции «Торт». «М» попросил его выполнить работу – неофициально, поскольку работа была слишком деликатного характера. Хотя официальные аспекты в ней тоже присутствовали. Бонд теперь уже твердо знал, почему именно его использовали в этом деле: кто-то из участников операции «Торт» был предателем. И этим предателем мог быть кто угодно. Хейзер? Уже завербованный Максим Смолин? Джангл Бэйзли? Или Эбби? Черт, подумал Бонд, подписывая регистрационную карточку, ну почему он был настолько дураком, что позволил Эбби поехать вместе с ним в Гонконг? Ведь по всем правилам она должна оставаться в безопасном месте, и в то же время он, Джеймс Бонд, не моргнув глазом, берет ее с собой. Что это? Интуиция, или же просто Эбби начинает все больше и больше ему нравится? Как же глупо ведет себя мужчина, когда поддается своим эмоциям! Но с другой

стороны, никаким эмоциям он не поддавался. Эбби, образно говоря, висела у него на шее. А теперь еще этот Стриж! Может быть, Стриж сможет ему помочь? Да нет, вряд ли...

-Следуйте пожалуйста за мной, мистер Болдман, миссис Болдман.

Бонд осознал, что помощник менеджера обращается к нему уже второй раз.

-Ой, да, конечно. Простите меня.

Он отвлекся от своих размышлений и, взяв Эбби под руку, последовал за помощником менеджера, который взял их документы и ключ от номера. Они направились в дальний конец вестибюля, прошли мимо стойки консьержа и свернули налево, в сторону лифтов.

-Если заметишь его снова, скажи, - шепнул Бонд. Эбби кивнула.

Обслуживание в отеле было на высшем уровне: быстрое и непринужденное. Это сразу же бросалось в глаза. Повсюду сновали одетые в позолоченные ливреи мальчики-посыльные с застывшими улыбками. Один такой, в ермолке, выделявшей его среди остальных, важного шагал по вестибюлю, держа табличку со звонкими колокольчиками, на которой значилось, что он ищет некую миссис Дэвид Дэвис. Парочка американцев тихо спорила друг с другом, стоя у лифтов: «...Чего тебе еще-то надо? Мы приехали в отель, так - нет? И что ты теперь предлагаешь? Переехать в другой отель?...»

Лифт бесшумно поднялся на двадцать второй этаж, и они оказались в светлом, просторном номере. С его балкона открывался потрясающий вид: тысячи «глаз» здания «Коннат-Центр» и почти вся гавань, усеянная огромными судами, между которыми бесстрашно шныряли паромы, катера и рыбацкие лодки.

Помощник менеджера изо всех сил старался продемонстрировать Бонду и Эбби все достоинства номера, но вскоре носильщик принес их багаж и предложил распаковать его, в чем ему было отказано.

Как только они остались одни, Бонд подошел к Эбби и спросил:

-Ты уверена, что это был Стриж?

-Абсолютно уверена. Я, конечно, здорово устала, но в том, что это был Стриж, уверена. Я узнала его.

Девушка открыла балконную дверь, впустив в комнату шум уличного движения, который был оглушителен даже здесь, на двадцать втором этаже. Бонд следом за Эбби вышел на балкон, и его тут же обдало горячим, влажным, соленым воздухом. Снаружи было пыльно, пахло рыбой, свининой и какими-то специями. Внизу,

нескончаемым потоком бежали машины и люди. В утренней дымке поблескивала вода гавани, чью поверхность беспрестанно полосовали винты судов, оставляя белые дорожки. В западном направлении промчался катер на подводных крыльях, прочертив длинный пенистый след. Три баржи, которых буксир тянул к одному из крупнейших в мире грузовых портов, отягощенные своими контейнерами, гнали мутные волны. Слева над всем доминировали гигантские небоскребы «Коннат центр» и «Эксчендж-сквер». Они находились на противоположной стороне улицы, через которую был перекинут надземный переход, выполненный в форме трубы. Справа, на заднем плане, открывался знаменитый вид: полуостров Коулун и распростертая перед ним гавань Фрэнгрант. Вот с неба соскользнули два вертолета; один завис над водой, другой приземлился на пристань «Фенвик», находившуюся справа. Дома, корабли, автомобили, вертолеты... Во всем этом было нечто футуристическое. И внезапно Бонд осознал, что то иллюзорное ощущение - будто бы все здесь тебе знакомо, - которое он ощущал всегда, когда приезжал в Гонконг, рождалось из его далеких воспоминаний, воспоминаний о фильме киноклассика Фрица Ланга «Метрополис», который, как это невероятно, был снят еще аж в двадцатых годах.

-Ладно, пошли, - сказал он, тронув Эбби за руку, - нас ждет кое-какая работа.

-Мы пойдем гулять? – Девушка чуть не прыгала от радости.

-Поэтому одежда должна быть подходящая. – Бонд улыбнулся, но Эбби не поняла, что он шутит, и кинулась к своему чемодану. – Джинсы с футболкой будут в самый раз, - поспешно добавил он.

Подойдя к телефонному аппарату, агент 007 обратился к своему «внутреннему» телефонному справочнику. Даже в Азии у него имелись связи, независимые от Секрет Сервис. Он взял трубку и быстро набрал номер. Ему ответили после четвертого гудка.

-Аллё?

-Мистер Чанг? – спросил он.

-А кто его спрашивать? – Голос был низким, немного хриплым.

-Один старый друг. По кличке Хищник.

-Ага! С возвращением тебя, старый друг! Чем я могу помочь тебе?

-Мне нужно с тобой встретиться.

-Заходи. Я все там же. Ты будешь прямо сейчас?

-Через пятнадцать минут. – Бонд улыбнулся. – Со мной будет очень красивая девушка.

-Да, времена не меняются. Люди говорят: «Если к тебе в гости пришел старый друг вместе с женщиной, он уже никогда не зайдет к тебе один».

-Очень мудро. — Бонд снова улыбнулся. — Это старая пословица?

-Да, ей уже примерно тридцать секунд. Только что придумал. Значит, договорились. Я жду.

Где-то в другом конце центрального района острова Гонконг Биг Тамб Чанг положил трубку и взглянул на стоявшего рядом с ним человека.

-Он приехал, как ты и предсказывал; с ним еще красивая женщина. Хотя если она европейка, я все равно не оценю ее красоты. Мне оказать ему особый прием?

-Делай все, как он скажет, - с расчетливой медлительностью ответил ему человек. — Я буду рядом. Мне нужно будет переговорить с ним с глазу на глаз.

Биг Тамб Чанг широко улыбнулся и закивал словно китайский болванчик.

- 16 -

Стриж

Биг Тамб Чанг - или Чанг «Большой палец» - получил такое прозвище за дефект своей правой кисти. Его большой палец был длинной почти с указательный, и раза в два толще. Злые языки утверждали, что это из-за того, что Биг Тамб Чанг вручную пересчитывал слишком большие суммы бумажных денег, которые стекались к нему из многочисленных источников, благодаря всевозможным торговым сделкам. И обычно, когда дело пахло деньгами, его можно было найти в малюсенькой двухкомнатной лачуге на одном из извилистых, крутых переулочков, примыкавших к Куинс-роуд.

По дороге к Чангу Бонд решил показать Эбби местные достопримечательности. Воспользовавшись лифтом, они спустились на второй этаж отеля и прогулялись по пышной торговой галерее, протянувшейся по периметру здания. Затем, перейдя улицу по надземному переходу, с которого открывался прекрасный вид на **DesVoeux**-роуд, переполненную ярко раскрашенными трамваями, они вошли в роскошный Дом принца. Еще один надземный переход, и они оказались в Глочестер-хаус, а затем в «Лэндмарке» - одном из превосходнейших центральных торговых универмагов, где внизу, у огромного круглого бассейна с фонтаном джаз-банд играл мелодию «Знаешь ли ты, что значит скучать по Новому Орлеану?» Бонд улыбнулся: мелодия ласкала слух. Спустившись на первый этаж, где он быстренько купил сумку с наплечной лямкой, они вышли на Педдер-стрит и направились в сторону Куинс-роуд.

Всего, чтобы добраться до лачуги Чанга, потребовалось пятнадцать минут. Дверь была открыта, а сам Чанг сидел за столиком в маленькой, темной комнатке, воздух в которой пропитался потом, испортившейся стряпней и пахучими палочками, дымившими перед маленьким алтарем.

-А! Вот и мой старый друг пожаловал! – маленький, толстый китаец широко улыбнулся, обнажив желтые зубы. – Как много же лет прошло с тех пор, как твоя тень последний раз пересекала порог моей ничтожной обители! Милости прошу, заходите в мой сарай.

Бонд заметил, как Эбби сморщила носик.

-Ты забываешь, почтенный Чанг, но мне известно, что твой настоящий дом такой же роскошный как дворец императора. –

Бонд поднял брови. – И для меня огромнейшая честь, что ты изволил принять меня в своем «офисе».

Чанг махнул в сторону двух жестких и не слишком чистых стульев.

-Добро пожаловать, прекрасная незнакомка, - сказал он, улыбнувшись Эбби. – Рад видеть вас, друзья мои. Садитесь. Не хотите ли чаю?

-Ты очень любезен. Но мы не достойны таких королевских почестей.

Чанг хлопнул в ладоши, и в комнате появилась худенькая девушка, одетая в черную пижаму. Чанг отдал ей какие-то указания, та поклонилась и вышла.

-Моя вторая дочь от третьей жены, - пояснил Чанг. – Ленивая бездельница, но по своему долгу и доброте душевной я иногда поручаю ей кое-какую работенку. Ведь жить-то сейчас трудно.

-Мы пришли по делу, - начал Бонд.

-Теперь все приходят по делу, - сказал Чанг, взглянув на него устало. – Но когда у тебя столько расходов, плюс болтливые жены и куча детей, которые вечно слишком много хотят, редко попадается что-нибудь действительно выгодное.

С таким же серьезным видом Бонд ответил:

-Да. Видать, тебе и вправду трудно приходится, достопочтенный Чанг.

Биш Тамб Чанг испустил протяжный вздох. Девушка принесла поднос с пиалами и чайником, поставила его перед Чангом. Тот указал ей разлить всем напиток. Она проделала это с таким уставшим видом, словно ее тоже обременяла непосильная ноша нескончаемых проблем.

-Твоя доброта переполнила чашу наших ничтожных потребностей. – Бонд улыбнулся и перед тем, как отведать чай, дважды стукнул пальцами по столу, поблагодарив тем самым девушку. Чай был горьким, и он понадеялся, что Эбби не покажет никаких признаков неприязни, когда будет пить его.

-Как же я рад снова видеть тебя, уважаемый мистер Бонд. Чем же я могу услужить тебе и этой чудесной девушке?

Бонд удивился, что Чанг так быстро перешел к делу. Обычно на обмен любезностями уходил где-то час с лишним. Поэтому такой быстрый ответ насторожил его.

-Это, конечно, почти невыполнимо, - медленно начал он. – Хотя с другой стороны, ты и раньше оказывал мне эту услугу.

-Какую услугу?

-Мне нужно два револьвера и патроны.

-Ого! Ты хочешь, чтобы меня засадили в тюрьму? Заковали в кандалы на растерзание этих бюрократов из Бейжина, которые придут в 1997 году, да?

Люди в Гонконге уже называли Пекин китайским названием – Бейжин, - ведь не за горою был тот год, когда Британия должна будет возвратить Гонконг Китаю. Грустно и смешно становилось при виде зеленых кепок с красными звездами, уже появившихся среди того барахла, которое уличные торгаши продавали туристам.

Бонд понизил голос, продолжая играть ожидаемую от него роль:

-При всем моем к тебе уважении скажу, что раньше тебя этот вопрос никогда не волновал. Имя Биг Тамб Чанг хорошо известно среди людей моей профессии. К нему относятся с большим почтением, ведь это своего рода пароль, благодаря которому, в Новых территориях можно достать кое-какие нелегальные штучки.

-Вот вот! А ввоз оружия, между прочим, в нашу страну как раз нелегален. И наказания за подобные вещи за последние годы стали гораздо строже.

-Но ты ведь и сейчас можешь достать оружие?

-О-о-о! С огромнейшим трудом. Один револьвер и вшивую горсточку патронов, может быть, и удастся найти, да и то - за огромные деньги. Но два! О! Это будет просто чудом, причем за непомерную цену.

-Представим все же, что ты достал два хороших револьвера, скажем – пару древних «Энфилдов» тридцать восьмого калибра, с патронами, разумеется...

-Это невозможно.

-Конечно, но если бы ты смог раздобыть их... - Он замолчал, наблюдая, как китаец отрешенно качает головой в ответ на его просьбу. – Если бы ты смог раздобыть их, сколько бы это стоило?

-Целое состояние. Пол царства.

-Сколько? – поднажал Бонд. – Сколько наличными?

-Тысячу гонконгских долларов за каждый пистолет, вне зависимости от марки. Плюс – две тысячи за пятьдесят патронов. Итого – четыре тысячи гонконгских долларов.

-Две тысячи. За все сразу, - ответил с улыбкой Бонд.

-Ай-ай-ай! Ты хочешь, чтобы мои жены и дети ходили голыми? Ты хочешь, чтобы мой чан для риса навсегда опустел?

-Две тысячи, - повторил Бонд. – Две тысячи, и перед отъездом я верну оружие и тысячу сверху.

-А ты надолго приехал?

-Всего на несколько дней. Где-то на два-три, от силы.

-Из-за тебя я стану нищим! Мне придется послать на панель моих любимых дочерей.

-Когда я последний раз был у тебя, две из них уже тогда зарабатывали таким образом неплохие деньги.

-Две тысячи долларов сейчас, и две тысячи, когда вернешь оружие.

-Две тысячи сейчас, и еще одну, когда верну оружие, - твердо ответил Бонд. Он не спроста спрашивал именно револьверы. В Гонконге нельзя полагаться на автоматический пистолет, который был кем-то у кого-то выпрошен, взят взаймы или просто украден. К тому же Бонд знал, что даже Биг Тамб Чанг мог предложить только простейшие модели стрелкового оружия.

-Две сейчас, и две тысячи, когда вернешься.

-Две сейчас, одну – потом. Это мое самое последнее слово.

Биг Тамб Чанг всплеснул руками.

-Из-за тебя я стану попрошайничать в Ван-Чай, как какой-нибудь там Безносый Ву или Безногий Ли. – Он замолчал, его глаза умоляли поднять цену. Но все было тщетно. – Две так две. И одну, когда вернешь оружие. Но в таком случае оставь пятьсот долларов в залог, а то вдруг ты не вернешься.

-Раньше я всегда возвращался.

-Всему есть первый раз. Возвратился человек раз, другой, а потом, вдруг, бац, - и не вернулся. Что вы еще заберете у меня, мистер Бонд? Может, желаете переспать с моей самой красивой дочерью?

-Ты, не зарывайся, - сказал Бонд, испепелив его взглядом. – Я, между прочим, с дамой.

Чанг понял, что дал маху.

-Тысячу извинений. Когда заберешь товар?

-Как насчет, прямо сейчас? Ты же раньше держал какой-то арсенал в подвале, в задней комнате?

-И я трачу кучу долларов на то, чтобы полиция держалась подальше от него.

-Не думаю, Чанг. Ты забыл: я ведь знаю твои методы.

Биг Тамб Чанг вздохнул.

-Одну минутку. Если позволите. – Он встал и, проковыляв к занавеске из бамбуковых палочек, исчез за ней в соседней комнате.

Эбби хотела было что-то сказать, но Бонд затряс головой, сказав одними губами слово: «потом». Теперь, когда каждый участник операции «Торт» находился под подозрением, опасно было даже приводить ее сюда.

Стало слышно, как в соседней комнате закопошился Чанг.

Вдруг, совершенно неожиданно бамбуковые палочки раздвинулись, и вместо Чанга в комнату вошел европеец, одетый в слаксы и белую рубашку. Он был высок и худощав, на вид примерно под шестьдесят, его седые волосы, отливавшие сталью, гармонировали с серыми глазами.

-Стриж! – выдохнула Эбби, и глаза незнакомца радостно блеснули.

-Добрый день, дорогие мои, - без выражения произнес он на безупречном английском.

Бонд мигом заслонил собой девушку от Стрижа, но тот поднял руку, попытавшись этим жестом успокоить их.

-Наш с вами шеф сказал мне, что скорее всего мне удастся связаться с вами именно здесь, - произнес он мягким голосом. – И если это произойдет, то я должен буду сказать: «Девять человек было убито в Кембридже, а на острове Кэнви возгорелись запасы нефти.» Вам это о чем-нибудь говорит? – Он замолчал, уставившись своими серыми глазами на Бонда.

Да, вне всяких сомнений это был Стриж, если только старика «М» не связали по рукам и ногам на какой-нибудь заброшенной квартире, накачав содовым пентотолом. И у Стрижа - легенды Сикрет Сервис - было послание лично от «М». Бонд всегда держал в голове личный пароль своего шефа, который они предварительно оговаривали в наистрожайшей секретности. Любой, кто произносил его, был чист на сто процентов. Текущую фразу (а она менялась каждые шесть месяцев) «М» сообщил агенту 007 в своем кабинете, не добавив при этом никаких комментариев.

-Тогда я должен ответить вам, что это цитата из четвертого тома великолепно написанной биографии Винстона Черчилля, автор - Гилберт. – Бонд протянул Стрижу руку. – Страница 573. Так?

Стриж кивнул. Его рукопожатие было крепким.

-Нам нужно переговорить с глазу на глаз. – Стриж щелкнул пальцами, и рядом с ним появилась вторая дочь Чанга от третьей жены.

-Эбби, - сказал Бонд с теплой улыбкой. – Эбби, не могла бы ты выйти с этой молодой девушкой, всего на пару минут. У нас мужской разговор.

-А почему это? – возмутилась она.

-А почему бы и нет, Эбби? – В глазах Стрижа читался приказ. Поколебавшись пару секунд, девушка с покорностью удалилась за китаянкой. Стриж оглянулся на занавешенную дверь. – Отлично, они ушли. У нас где-то десять минут. Я здесь в качестве личного посланника от «М».

-Что, понизили в должности? – ухмыльнулся Бонд.

-Нет, я здесь только потому, что знаю всех участников операции. И для начала, хочу сказать, что «М» приносит свои извинения за то, что поставил вас в такое невыносимо трудное положение.

-Весьма тронут этим. А то я уже порядком подустал играть роль крайнего в этой истории. Я даже про Смолина ничего толком не знал.

-Да, «М» сказал мне об этом и попросил узнать, что вы уже выяснили, и к каким выводам пришли.

-Сразу хочу сказать, что я никому не доверяю; даже вам, Стриж. Но говорить с вами буду, потому что считаю, что кроме как у «М» ни у кого другого этот пароль вы получить не могли. А выяснил я то, хотя это всего лишь мои подозрения, что в операции «Торт» была допущена какая-то ужаснейшая ошибка, раз уж двух агентов даже убили и Лондон принял решение взять ситуацию под контроль. Скорее всего, что один или несколько из оставшихся в живых – двойные агенты.

-Почти верно, - сказал Стриж. – По крайней мере один из них с самого начала был двойным агентом. Это стало совершенно очевидным после вербовки Смолина. И можете не спрашивать – мы понятия не имеем кто из них предатель. Но на самом деле все гораздо сложнее.

-Я слушаю.

-«М» находится в тяжелейшем положении. Некоторые из МИДа даже требуют его отставки. Последнее время у него было множество проблем. А когда всплыли последствия «Торта», он понял что надвигается настоящая катастрофа. Тогда «М» предложил этим болванам из МИДа свой план действий, но те отказали, найдя его слишком опасным и непродуктивным. Поэтому «М» пришлось действовать в одиночку. А тебя он выбрал потому, что ты его опытный оперативник. Он утаил от тебя огромную часть важной информации, поскольку знал, что ты и так найдешь все ответы.

Да, это было похоже на «М». Неудивительно, что старик так настаивал, что не может дать свое благословение на проведение операции. Бонд вспомнил, что сказала ему Кьют в Париже о состоянии дел: «М» уже три дня как сидит, запершись, в своем кабинете. Как генерал в осаде.»

Словно прочитав его мысли, Стриж сказал:

-«М» и сейчас в осаде. По правде говоря, я даже удивлен, что он решил переговорить со мной. Мы с ним встретились в условиях наистрожайшей секретности. И я скажу вам, что он не удержит свой пост, если в наших рядах, или поблизости, окажется очередной двойной агент. Понимаете?

-А известно ли это, скажем, Чернову – «Доминиканцу»?

-Возможно... Я же должен сообщить вам то, что вы еще не знаете. «М» доволен тем, как много вы уже сделали. Но вам необходимо знать пару фактов. – Стриж замолчал, нагнетая напряженность. - Во-первых, двойной агент из «Торта» должен быть уничтожен, без следов. Понятно?

Бонд кивнул. Это был приказ, который «М» не мог дать Джеймсу лично. После недавних нововведений, сделанных Министерством иностранных дел, убийство вражеских агентов было запрещено, что для старого отдела «00» означало конец. Тем не менее «М» продолжал утверждать, что считает Бонда агентом 007. И вот теперь ему, агенту 007, приказали совершить убийство во имя Секрет Сервис и чтобы спасти «М» шею. Но Бонд чувствовал себя совершенно спокойно по этому поводу, поскольку новости, сообщенные Стрижом, придали ему новые силы. Старик «М» был хитрым дьяволом. К тому же довольно безжалостным. И сейчас на карту была поставлена его жизнь, а Бонд выбран для того, чтобы спасти своего шефа. Ведь «М» точно знал, что кто-кто, а Джеймс Бонд будет сражаться с ним плечом к плечу до самого конца.

-Значит, я должен изобличить двойного агента.

-Точно, - ответил Стриж, быстро кивнув, - и тут я вам ничем помочь не могу, потому что у меня нет ни единой зацепки.

Предателем мог быть кто угодно из них, или даже все сразу: Смолин, Хейзер, Эбби, Бэйзли и Дитрих. И тут другая мысль осенила Бонда.

-Господи Боже! – воскликнул он.

-Что? – Стриж шагнул к нему.

-Ничего. – Бонд целиком ушел в себя, внезапно осознав, что забыл еще об одном претенденте на звание «двойного агента». Он и думать не хотел о последствиях, если эта версия подтвердится.

-Точно ничего? – не отступал Стриж.

-Конечно.

-Ладно. Я хочу сказать вам о кое-чем еще... точнее - о кое-ком еще. Для того, чтобы укрепить свое положение главы Британской Секретной Службы, «М» требуется козырная карта. Во время расследования последствий операции «Торт» в игре появился один человек, которого «М» желает заполучить. Ему нужен Доминиканец, и он нужен ему живым.

-Мы же могли взять его в Ирландии.

-И нарваться на международный скандал? Да, правда, Спецотдел Ирландской Гарды очень нам помогает, но сдается мне, что в этом деле они не стали бы нам помогать. Нет, мы должны взять его здесь, на Британской территории. Здесь мы обладаем

полноправной властью. Вот еще одна причина, по которой «М» поручил вам это задание, Джеймс. Как только он узнал, что Доминиканец вынужден выбраться из Советского Союза, чтобы выловить всех агентов «Торта», то сразу же решил воспользоваться вами как приманкой.

-Это потому, что я в черном списке организации Чернова?

-Совершенно верно.

Что ж, вполне логично. «М» никогда не гнушался ставить таких важных людей как Бонд, в подобные деликатные ситуации.

-И чтобы ускорить ход событий, мне было велено приказать Джанглу отправиться в Дальневосточную Азию. И Чернов, будучи упрямым и решительным дьяволом, попался на этот крючок.

-Вы хотели сказать - я попался на этот крючок. – Бонд обдал его холодным взглядом.

-Получается так. Но если бы вы этого не сделали, Джеймс, то, скорее всего, мне бы пришлось разбираться с этим в одиночку; ведь Чернов уже здесь.

-На острове Чеун-Чау?

По лицу Стрижа проскользнуло удивление.

-А вы прекрасно проинформированы! Я надеялся, что это будет моим маленьким сюрпризом.

-Когда он приехал?

-Вчера, поздно вечером. И за последние двадцать четыре часа прибыло еще несколько человек. Некоторые через Китай. В общем, у Чернова здесь целая армия. Есть и пленные. Некоторых он привез с собой: Смолина и Хейзер. Джангл со своей немкой, наверное, тоже уже там. Так что, Джеймс, нам пора с этим всем разобраться. Посему предлагаю встретиться сегодня вечером, в десять-тридцать в фойе отеля «Мандарин». Окей?

-Как скажете.

-Дорогу на Чеун-Чау организую я. Знаете, как здесь называют этот остров? Лонг-айленд или остров Гантельный, потому что он слегка напоминает гантель. Нужный нам дом расположен на восточном берегу и стоит на мысе, это в северной части залива Тюн-Ван. У него очень выгодное месторасположение, а всю планировку делало ГРУ. Чернов, наверное, ни как не нарадуется, что теперь он там хозяин. А я полагаю, что он уже там.

-Итак, договорились, в десять-тридцать, - сказал Бонд, глянув на свои часы. – У меня для Доминиканца есть пара сюрпризов.

-И вы готовы отдать свою жизнь за «М», да? – спросил без улыбки Стриж.

-Да, черт возьми! И он знает об этом.

-Я тоже так думаю. – Стриж печально улыбнулся, обернулся к занавешенной двери и громким голосом позвал остальных. Где-то за стенкой открылась дверь, и в комнату вошла Эбби.

-Ну а у тебя как жизнь, Эмили? – спросил Стриж. - Прости, я хотел сказать Эбби.

-Как всегда: полна опасностей. Чувствую, что Советы хотят совершить надо мной месть. Я правильно сказала - месть?

-Возмездие, - поправил Бонд.

В комнату вернулся Биг Тамб Чанг и вручил ему несколько предметов, завернутых в тонкую клеенку. Тот сразу же переложил их в свою наплечную сумку.

-Ты не хочешь проверить оружие? – Чанг был явно шокирован.

Джеймс кинул на стол несколько пачек денег. Деньги были лишь малой толикой того длинного списка, который получила от него Кьют.

Бонд одарил китайца кривой, чем-то злобной улыбкой.

-Настоящие друзья деньги не пересчитывают. Это очень древняя китайская поговорка, и ты ее прекрасно знаешь, Биг Тамб Чанг. А сейчас, ты не мог бы покинуть нас?

Китаец крикнул, сгреб деньги и удалился в соседнюю комнату.

-Я предлагаю, чтобы вы с Эбби ушли первыми. - На протяжении всей беседы Стриж говорил очень тихим и ровным голосом. Последние же слова были произнесены чуть ли не со спокойствием мертвеца. Сразу вспоминались строки из его досье, которое Бонд внимательно изучил: «Всегда спокоен, обычно говорит вполголоса.»

Джеймс подошел к занавешенной двери, заглянул в соседнюю комнату и убедился, что Чанг ушел через черный ход, оставив их одних. Удовлетворившись этим, он быстро спросил:

-Значит, договорились? В десять-тридцать?

-Железно. – Стриж попрощался с ними почти повелительным кивком, и те, покинув лачугу, побежали вниз по ступенькам крутой лестницы, заставленным по бокам продовольственными лавками.

-Стриж, - сказала впопыхах Эбби. Она еле поспевала за Бондом.

-Что?

-Стриж. Вот из-за кого мы с Хейзер решили использовать вместо кличек названия рыб и птиц.

-Из-за Стрижа? – Бонд отвернулся от очередной продовольственной лавки. Быть может, вся эта пища и была чудесной, но его чувствительное обоняние не могло вынести ее едкий запах.

-Ja. Ведь стриж – это птица, поэтому Хейзер и предложила для вымышленных фамилий использовать названия животных и птиц. Но потом мы остановились на птицах и рыбах.

Бонд хмыкнул, ускорив шаг. Эбби, уцепившись за его руку, старалась не отставать. Они не стали петлять по городу, а направились прямо в «Мандарин», пройдя сначала по Педдер-стрит, затем, перейдя дорогу наперерез машинам, - по Айсхаус-стрит. При этом Бонд постоянно вглядывался в толпы прохожих, в большинстве случаев – китайцев, чувствуя, как вокруг него миллион соглядатаев постоянно обмениваются между собой незаметными условными сигналами.

Попав в отель, Джеймс сразу же направился к лифтам, почти таща за собой Эбби.

-Жди здесь, - сказал он ей, подойдя к двери номера.

Чтобы переложить из чемодана в матерчатую наплечную сумку все необходимые вещи, привезенные Кьют, ему понадобилось менее четырех минут. Затем они спустились в фойе, и Бонд направился прямо к дежурной, Эбби за ним. Симпатичная китаяночка, которой было не больше пятнадцати лет, оторвала взгляд от компьютерного монитора и спросила, может ли она чем-нибудь помочь.

-Надеюсь, что можете, - ответил Бонд. - Скажите, до острова Чеун Чау ходит паром?

-Каждый час, сэр. Паром компании «Ямати Ферри». Отходит с Главной пристани для межостровных паромов. – Она махнула, указав направление.

Бонд кивнул и поблагодарил ее.

-Нам нужно идти, - сказал он, обернувшись к Эбби.

-Почему? Мы же должны встретиться со Стрижом. Ты же договорился...

-Да, не спорю, я договорился. Но нам нужно идти прямо сейчас. Ты прости меня, Эбби, но теперь я не доверяю никому – ни Стрижу, ни даже тебе.

Где-то снаружи стали слышны полицейские сирены. Джеймс и Эбби вышли через парадные двери и увидели, что на противоположной стороне улицы, в парке, окружавшим здание «Коннат Центр», столпились люди. Бонд и девушка тут же бросились наперерез транспорту через дорогу. В этот момент туда подъехали две полицейские машины и «скорая».

Сквозь толпу Бонд все же умудрился разглядеть место трагедии. На каменном тротуаре, истекая кровью, валялся человек. Что-то зловещее было в этой картине: и в том, как он лежал на спине - совсем без движения, и в том, как его серые глаза спокойно и без

выражения смотрели куда-то в небо. Как умер Стриж, сходу сказать было невозможно, но убийцы далеко уйти не могли. Выбравшись из давки, Бонд взял Эбби под руку и потащил ее в направлении Главной пристани для межостровных паромов.

- 17 -

Письмо от мертвеца

Лодка насквозь провоняла сушеной рыбой и потом. Бонд и Эбби расположились в носовой части. Они лежали, прижавшись друг к другу, и любовались удаляющимися огоньками Гонконга, мерцавшими в темноте, на фоне которых сидела беззубая старуха, облокотившись о румпель. Бонд и девушка чувствовали усталость и напряжение, исходящие друг от друга. Сегодняшний день, полный событий и внезапных перемен настроений, теперь был уже позади. Остался в прошлом и Стриж, лежащий перед круглыми окнами здания «Коннат Центр». После того шока, который Бонд испытал при виде мертвого тела, его мысли поначалу путались и ускользали. Он твердо знал только одно: Стриж не был предателем, если только Чернов не проявил чудовищное коварство; поскольку во время разговора в доме Большого Чанга были все же моменты, когда Бонд уже начинал сомневаться в честности Стрижа, но теперь все подозрения рассеялись. Вдобавок ко всему он остался один, и единственный способ вычислить двойного агента и взять Чернова живым – предложить себя в качестве приманки.

Сперва Бонд решил пуститься в погоню и как можно скорее попасть на остров. Он уже направился в кассы парома, как вдруг понял, что именно этого Чернов от него и ждет. Он замедлил шаг, левой рукой прижимая к себе сумку, правой крепко держа Эбби за руку. Она не видела лежавшее на тротуаре тело и поэтому без конца спрашивала, что случилось, и куда они идут. Вне себя от злости Бонд тащил девушку за собой, пока, наконец, хаотичные мысли не сложились в единое целое, после чего он смог мыслить логически.

-Стриж, - сказал он, удивившись спокойствию собственного голоса. – Это был Стриж. И на вид он был очень мертвым.

Эбби чуть не ахнула. Затем тихим голосом поинтересовалась, уверен ли он в этом. Бонд описал девушке, то что видел, не щадя ее впечатлительность. И сделал это намеренно. Он хотел, чтобы картина была шокирующей. И уже после долгой паузы, когда они, не спеша, чуть ли не прогуливаясь, шли по красочной набережной, она пробормотала:

-Бедный Стриж. Он так много для нас сделал... для всех нас. – И тут, по всей видимости, осознав наконец всю сложность создавшейся ситуации, девушка воскликнула:

-Бедный Джеймс. Ведь тебе была нужна его помощь, да?

-Нам всем была нужна его помощь.

-Они и до нас постараются добраться?

-Они постараются добраться до меня, Эбби. А насчет тебя я не знаю. Все зависит от того, на чьей ты стороне.

-Ты прекрасно знаешь на чьей. Разве они не пытались меня убить в отеле, в «Эшфордском замке», когда я одолжила свой плащ и шарф той бедняжке?

Она была права. Даже Чернов не настолько туп, чтобы убивать невинную прохожую в Республике Ирландии. Значит, хотя бы одному человеческому существу Бонду все же придется довериться. Скорее всего Эбби была чиста, причем с самого начала. И с некоторой неохотой Бонд принял ее довод.

-Ладно. Я верю тебе, Эбби. – Сглотнув, он кратко обрисовал ей картину, сообщив, что Чернов и его люди на острове; что он держит там Хейзер и Максима Смолина; и почти наверняка Джангла и Сюзан Дитрих тоже. – За нами скорее всего следят. Возможно, они ожидают, что мы сразу же кинемся на Чеун-Чау. Ведь это же КГБ, а они последнее время - мастера по части психологического давления. Они нанесли нам удар в самый неподходящий для нас момент. Мы оба устали, запутались и совсем измотались после долгой дороги. Они ожидают, что мы будем действовать автоматически. Поэтому нам нужно немного отдохнуть и выработать более эффективный план.

Но куда им пойти? Здесь, несмотря на постоянное столпотворение, не спрячешься – тысячи глаз незаметно смотрят за тобой. Бонд не имел даже конспиративной квартиры, в его распоряжении был только собственный опыт, оружие, спрятанное в сумке, и Эбби Хэритидж, чей оперативный опыт оставался для него загадкой. Единственный шанс – уйти от хвоста, – а это сложная процедура, в особенности сейчас, когда он даже не мог засечь слежку. Ну а после... Что ж, как повезет. Можно снять комнату в другом отеле.

Бонд облокотился о парапет и устремил свой взор на морскую гладь гавани, придвинув Эбби ближе к себе. Посреди залива буксир тянул три низкие баржи. Туда-сюда сновали разнообразные рыбацкие посудины. Слева, по волнам осторожно пробирался громадный, двухпалубный паром. Два прогулочных катера - из тех, что ходят из Гонконга в Коулун каждые десять минут, - встретившись посреди гавани, поприветствовали друг друга гудками. Бонд тем временем прорабатывал различные варианты того, как запутать следы в Гонконге. О том, чтобы отдохнуть в «Мандарине», и речи быть не могло – он был уверен на сто процентов, что за отелем следят. Самый лучший вариант – Коулун.

И он, не спеша, в деталях объяснил Эбби план действий. Затем все повторил, после чего с улыбкой спросил, готова ли она помочь ему.

Девушка кивнула.

-Мы еще покажем этим сволочам. Я хочу свести с ними кое-какие счета, Джеймс. Отомстить за двоих... нет, за троих, если считать ту бедняжку, которой я одолжила свой шарф и плащ. – Она слегка улыбнулась. - Мы ведь победим, правда?

-Это тебе не соревнование, - стараясь как можно небрежней, заметил он, хотя понимал: чтобы победить здесь, в Дальневосточной Азии, да еще таких людей, которые были в распоряжении у Чернова, при этом самому имея всего одного проверенного союзника, тут одной удачей не обойтись - нужна благосклонность богов и какая-нибудь действительно хорошая примета.

Они развернулись и пошли по набережной обратно. Дойдя до здания Центрального почтового отделения, перешли Коннат-роуд по надземному переходу и оказались у отеля «Мандарин». Офисы уже закрывались, народу на улицах заметно прибавилось, но в этом пешеходном хаосе все равно ощущался какой-то порядок.

-Смотри в оба. И больше на обувь, чем на глаза, - посоветовал Бонд, но вскоре понял, что слишком уж много людей вокруг носили туфли на мягкой подошве. А команда соглядатаев, как он предполагал, должна была носить именно такую обувь.

Подойдя к отелю, Бонд и Эбби вновь свернули на Айсхаус-стрит, только на этот раз направились в метро. Ближайшая станция, «Центральная», находилась в менее ста ярдах от отеля; ее наружные стены, выложенные красным кирпичом, украшал декоративный плющ. На этой ветке она была конечной.

Можно с уверенностью сказать, что метрополитен – это не только настоящая гордость Гонконга, но и предмет черной зависти для многих городов. В мире мало подземок, которые могли бы похвастаться таким общественным порядком и чистотой. Да, Москва славится огромными станциями в стиле барокко, Париж – знаменитой станцией «Лувр», где на всеобщее обозрение выставлены миниатюрные предметы искусства; лондонского метро очаровательно своей замызганностью, а нью-йоркское узнаваемо, благодаря атмосфере смертельной опасности. И лишь в одном Гонконге вы встретите поезда с просторными, сияющими вагонами, безупречно чистые станции, оснащенные кондиционерами, и почувствуете всеобщее стремление к порядку и дисциплине, исходящее буквально отовсюду – начиная электронными турникетами, заканчивая самими пассажирами.

Спустившись по лестнице, они оказались в огромном, современном вестибюле станции, и Бонд сразу же направился к окошку кассы, махнул паспортом мистера Болдмана и попросил два туристических билета – они давали право на неограниченное количество поездок. Отсчитав тридцать гонконгских долларов, он получил взамен две цветистые пластиковые карточки.

В Гонконге билеты для метрополитена выпускаются в виде магнитных карточек. По окончании каждой поездки, при выходе со станции, карточка «проглатывается» турникетом для повторного использования – так каждый год экономятся тысячи долларов муниципального бюджета. А туристические карточки, на которых изображены красочные пейзажи гавани, не снабжены магнитной полоской, посему дают право на неограниченное количество поездок, что здорово экономит время. За порчу и уничтожение пластиковых карточек полагается огромный штраф, то же самое касается курения и потребления всевозможной пищи. Именно поэтому в прохладных святилищах гонконгского метрополитена так безукоризненно чисто.

Продолжая крепко держать Эбби за руку и прижимать к себе сумку, Бонд спустился по лестнице на платформу. В это время из туннеля с шипением вынырнул поезд, направлявшийся в сторону Коулуна.

Еле успев заскочить в вагон, они сразу же уселись на сиденья, которые были несколько спартанскими, и принялись изучать карту метро, приобретенную Бондом вместе с билетами. Он указал Эбби на станцию, где планировал сойти, затем стал непринужденно оглядываться по сторонам. Пока, вроде, все было спокойно, и никто на них внимания не обращал. Поезд тем временем сделал остановку на станции «Адмиралти» и теперь мчался под гаванью к станции «Тзим-Ша-Тзуи», которая находилась прямо у знаменитой Натан-роуд. Там он планировал сделать пересадку. Дело в том, что все поезда, следующие в Коулун, идут по одной линии до станции «Монг-Кок» (другое название - «Принц Эдвард»), где линия разветвляется на две: линия Тзюн-Ван, идущая в западном направлении и линия Кван-Тонг, делающая огромный крюк на северо-восток. Их поезд должен был свернуть на северо-восток, а Бонд не хотел так сильно удаляться от центра города. Для удобства в передвижении он решил ограничиться относительно малым районом действий.

Когда поезд выехал из туннеля, Бонд заметил в толпе пассажиров вагона пару китайцев, одетых в дорогие костюмы, которые тщательно избегали встречаться с ним взглядами. Бонд

двинулся влево, собираясь якобы выходить, и заметил, что китайская парочка придвинулась ближе.

-Как только двери начнут закрываться, заскакивай обратно, - шепнул Бонд девушке, выходя из вагона. Хоть фокус этот был довольно старый, но сработать он все же мог. И когда двери начали закрываться, Бонд втолкнул Эбби обратно, прыгнув следом за девушкой. К своему отчаянию он обнаружил, что те два китайца, проделали тоже самое, забежав в соседний вагон. Тогда Бонд сказал девушке выходить на следующей станции - «Джордан», - причем перед самым закрытием дверей.

Сойдя с поезда, они стали пробираться сквозь суетливую толпу к выходу. Через несколько секунд Бонд убедился, что те двое идут следом, сохраняя очень маленькую дистанцию – а это сильно нервировало. Оба китайца были одеты в костюмы светло-серого цвета, у обоих - безупречные воротнички и галстуки, несмотря на полуденную жару. Они легко бы сошли за двух бизнесменов, возвращающихся в свой офис, но наметанный глаз говорил агенту 007, что это «хвост», работавший с отточенным мастерством. Бонд почти не сомневался в том, что в слежке принимают участие две команды; вторая, скорее всего, шла где-нибудь впереди. Выйдя из метро, Джеймс и Эбби повернули направо, на Натан-роуд, нырнув в шумный и плотный поток пешеходов. Бонд вел Эбби в сторону гавани. С улыбкой на устах он тихим голосом объявил девушке, что за ними следят.

-Спокойно, не суетись, - сказал Бонд. – Останавливайся и посматривай на витрины. Иди не спеши. В конце улицы будет отель «Пенинсула». Там мы попробуем от них оторваться.

Тротуары были переполнены пешеходами – в основном китайцами и индийцами, нежели европейцами. И казалось, что Натан-роуд – место встречи разнообразных восточных культур. Сверху свисали пестрые рекламные флаги. По бокам теснились современные витрины магазинов, но стоило лишь поднять голову, как становилось видно, что магазины эти расположены в ветхих постройках 20-х и 30-х годов. Неоновые и бумажные вывески, висевшие вкривь и вкось, мозолили глаза, в воздухе витала невообразимая смесь запахов от вездесущей стряпни. А поскольку очень многие магазины торговали фото и видеотехникой, Бонд и Эбби могли спокойно останавливаться на каждом углу, якобы сравнивая цены, а на самом деле следя за своим «хвостом».

Бонд мысленно окрестил соглядатаев Инем и Янем. Те шли по следу с удивительной проворностью, что говорило о большом профессионализме. Профессионалы - не профессионалы, уже через пять минут Бонд заподозрил, что засек еще одну команду, шедшую

впереди: паренек с девушкой, обоим где-то восемнадцать-девятнадцать. На первый взгляд казалось, что парочка целиком поглощена друг другом, но каждый раз когда Эбби и Бонд останавливались, останавливались и они. Парень был одет в джинсы и рубашку навыпуск, достаточно длинную, чтобы скрыть под ней какое-нибудь оружие. Об Инь и Янь и говорить не стоило: в их серых костюмах ручного пошива имелось предостаточно мест, где можно было укрыть пистолеты. Внезапно у Джеймса мелькнула мысль, что эти люди - киллеры, посланные убить их. Ведь Стрижа как-никак уже устранили! Но хорошенько поразмыслив, Бонд пришел к выводу, что это всего лишь обыкновенная слежка. Чернов пожелал бы лично присутствовать на их казни. Ведь нужны свидетели из Москвы.

В отель «Пенинсула» Бонд и Эбби вошли через один из боковых входов, оказавшись в красочной торговой галерее. Бонд вспомнил, как кто-то говорил ему, что во время Второй мировой войны в этой части отеля находился офицерский клуб. Интересно, подумал он, водятся ли среди всей этой роскоши приведения тех, уже ушедших из жизни майоров, которые здесь бузили?

Только они собирались подняться по лестнице, ведущей в главный вестибюль, как следом в отель вошли Инь и Янь. Сомнений не было: другая парочка - та что помоложе - уже перекрыла парадный вход.

-Иди вперед, - шепнул Бонд девушке и вручил ей сумку. - На, возьми с собой оружие и спрячься в туалете. Я буду в вестибюле, как только избавлюсь от них.

Что ж, по крайней мере это будет хорошей проверкой Эбби на преданность. Он кивнул ей со спокойной улыбкой, достал сигарету, сунул ее в рот и начал хлопать по карманам в поисках зажигалки. Инь и Янь слегка поразились тому, что их «добыча» остановилась, но им ничего не оставалось делать, как продолжать идти, делая вид, что Бонд их совершенно не интересуется. Тогда Бонд преградил им дорогу и попросил на английском прикурить.

Вблизи они походили на близнецов: у обоих короткие смольные волосы, округлые лица и безжалостные взгляды. На какую-то секунду они замешкались, Инь что-то пробормотал и полез во внутренний карман пиджака, который был расстегнут. Когда рука оказалась почти на уровне лацкана, Бонд схватил Иню за запястье, резко вывернул его, дернул вниз и изо всех сил двинул коленом китайцу между ног. Удар был настолько мощным, что сам Бонд почти ощутил ту боль, которую испытал парень; во всяком случае, сдавленный вопль китайца он точно услышал. Но в этот момент Джеймс уже развернул его и кинул на Яня, да так, чтобы головой он

влетел Яню прямо в лицо. Удар попал точно в цель: слышался хруст, и тело Иня обмякло в руках Бонда.

Все произошло так быстро, и не успел никто выглянуть из своих магазинчиков галереи, а Инь и Янь уже валялись друг на друге в полубморочном состоянии. Инь лежал, согнувшись от боли в пахе и голове, а лицо Яня выглядело так, будто бы он поцеловался с цементной плитой: из переломанного носа струилась кровь, а одна скула была, скорее всего, раздроблена. Бонд крикнул, чтобы кто-нибудь вызвал полицию.

-Эти люди хотели ограбить меня! – воскликнул он. И тут же отовсюду хлынула китайская и английская речь. Он нагнулся и обыскал у обоих карманы пиджаков. И разумеется, эти парни были вооружены. У каждого при себе имелся маленький, тупорылый револьвер тридцать восьмого калибра.

-Смотрите! – воскликнул Бонд. – Эй, кто-нибудь, вызовите охрану! Эти двое – бандиты!

Судя по возмущенным крикам, раздавшимся из толпы зевак, те были на его стороне. Бонд протиснулся сквозь образовавшееся кольцо людей, незаметно уронил один из револьверов, другой заткнул за пояс, но так чтобы его не было заметно под пиджаком «Оскар Джэкобсон», и побежал вверх по лестнице.

-Там, внизу! - сказал он двум охранникам, которые чуть не налетели на него, спускаясь. – Пара жуликов чуть не ограбили моего друга!

Девушка ждала его в главном зале, стоя в дверях бокового выхода. Между столиками шныряли официанты, за которыми зорко следил старший официант с седоватой шевелюрой. Квартет на сцене играл отрывки из старых и современных мюзиклов. Больше из старых, чем из современных.

Бонд забрал у нее сумку и шепнул, что надо быстро сматывать. И сразу же направился к парадным дверям, ища взглядом ту молодую парочку, которую он посчитал запасной командой. Но их и след простыл. Ни в вестибюле, ни во дворе отеля их не было. Поймав момент, когда движение на дороге чуть ослабло, Бонд с Эбби перебежали на другую сторону и пошли в направлении набережной, усеянной строительными площадками. При этом его глаза не переставали шарить вокруг, пытаясь найти вторую команду.

-Наверное, мы оторвались от них, - в конце концов сказал он, сжав Эбби руку выше локтя. – Так, поворачивай налево. Хоть отдохнем пару часов в приличном отеле. Тут неподалеку находится «Регент». С виду - большущая кирпичная уродина, но, как мне говорили, серьезный конкурент «Мандарина».

Издалека отель «Регент» был невиден - его загораживали высокие заборы вокруг стройплощадок. Когда же они миновали район стройки, то кроме представшего перед ними отеля с парадным въездом для автомобилей и передним двориком, заполненным «Роллс-Ройсами» и «Кадилаками», они увидели кое-что еще. Джеймс и Эбби как раз поворачивали за угол, и тут у них на пути выросли тот самый парень с девушкой.

Бонд схватился за револьвер и уже хотел вытащить его, как тут юноша заговорил. В руках у парня ничего не было - его, скорее всего, прикрывала девушка.

-Мистер Бонд? – спросил он.

-Да, - ответил агент 007 и, насторожившись, отшагнул назад.

-Не пугайтесь, сэр. Мистер Стриж сказал, что если он захворает, то я должен передать вам вот это. – Паренек медленно засунул руку в карман и достал из него конверт. – Наверное, вы уже знаете, что сегодня с мистером Стрижем произошло серьезное несчастье. Меня зовут Хан. Ричард Хан. Я работал на мистера Стрижа. Все улажено. Я полагаю, вы разобрались с теми двумя гангстерами, которые следили за вами? Мы слышали, там случился большой переполох...

-Да, я разобрался с ними, - ответил Бонд, будучи все еще настороже.

-Это хорошо. В десять сорок пять «валла-валла» будет у магазина «Океан». Десять сорок пять у «Океана». Окей?

Бонд кивнул. Юноша с девушкой улыбнулись, взяли за руки и убежали.

-А что такое «валла-валла»? – спросила Эбби позже, когда она и Бонд лежали голыми в своем номере, в отеле «Регент».

-Это моторизованная лодка, - ответил он. – Одни говорят, что она называется «валла-валла» из-за звуков, которые производит ее двигатель. Другие считают, что такое название дал владелец самой первой лодки, который был из Вашингтона.

-Какой ты умный, Джеймс. – Эбби прижалась к нему. – Откуда ты все это знаешь?

-Из официального путеводителя по Гонконгу. Я читал его, пока ты торчала в ванной.

Они сняли номер в «Регенте» без приключений. Бонд махнул своей кредиткой «Платинум Америкс», зарегистрированной на мистера Болдмана, и сказал, что цена не имеет значения. Никто не спросил, почему у них нет багажа; но на всякий случай он сочинил историю о том, что вещи придут из аэропорта позже. И как бы невзначай продемонстрировал свою сумку через плечо, но отказался, чтобы прислуга несл ее вместо него.

Заказав на двоих обыкновенный европейский ужин из трех блюд, Бонд открыл конверт. Внутри лежала короткая записка и карта острова Чеун-Чау. Послание гласило:

На всякий случай я оставил это письмо своему юному коллеге, Ричарду Хану. Он постарается вам помочь. С транспортом до Чеун-Чау я договорился. Женщина высадит вас в гавани на западном берегу острова. Ваша цель – белая вилла, расположенная на восточном берегу, почти напротив отеля «Варвик». Это в десяти минутах ходьбы по узкому перешейку. Идите через деревню, по тропинке, которая начинается справа от пристани для паромов. Вилла расположена в северной части острова, на берегу залива Тюн-Ван; стоит на холме, у подножья которого живописная полоска пляжа. Я думаю и так понятно, что «Варвик» находится к югу от виллы. Насколько мне известно, никаких устройств сигнализации на территории виллы нет, но, когда там кто-нибудь живет, она здорово охраняется. В доме есть, по крайней мере, один телефон, номер – 720302. И помните: девять человек было убито в Кембридже, а на острове Кэнви возгорелись запасы нефти. Если вы получили эту записку, значит, я уже не смогу пожелать вам удачи, хотя она и так вам сопутствует. Стриж.

Бонд был вынужден признать, что записка и карта – настоящие, а Ричард Хан – действительно человек Стрижа. Что ж, по крайней мере теперь он может спокойно добраться до острова и найти нужный дом. Пока не принесли ужин, Бонд зашел в ванную комнату, проверил оружие и прочее оборудование, лежавшее в его сумке. Он решил выдать Эбби один из револьверов тридцать восьмого калибра, а себе оставить похожее оружие, взятое у Иня и Яня. Остальное пусть останется лежать в сумке. Бонд уже четко для себя знал, что предпримет, когда найдет виллу. Имея дело с такими людьми как Чернов, все нужно планировать заранее. Вернувшись в спальню, он плотно поел, разделся и принял душ. Свежего белья у них не имелось, зато теперь, по крайней мере, оба они были свеженькими и чистенькими. Насухо вытершись, Бонд растянулся на кровати. И не смотря на их общую усталость, Эбби проявила неутомимую изобретательность, перед которой Бонд не смог устоять.

Позже, немного вздремнув, он обсудил с Эбби каждый пункт своего плана

-Ты поняла? – спросил он в заключение. – Ты останешься там, где я тебе скажу, пока я не вернусь. А дальше посмотрим. Главное, держи ухо в остро. – И как бы подчеркивая последние слова, он нежно чмокнул девушку в одно ушко, а потом в другое.

Они оделись и приготовили оружие; Бонд с удовлетворением отметил, что Эбби очень умело обращается с пистолетом. В десять часов они покинули отель. А ровно в десять сорок пять Ричард Хан встретил их у огромного торгового центра «Океан», находившегося рядом с пристанью для паромов. У берега, в стороне от главных пирсов, их ждала беззубая старуха, одетая в черную пижаму, и ее рыбацкая лодка.

-А она знает, куда нам нужно? – спросил Бонд.

Хан кивнул.

-И не давайте ей денег, - добавил он. – Ей и так уже достаточно заплатили. На дорогу уйдет три с лишним часа. Извините, что так долго. Хотя на пароме вы и потратили бы всего час, но зато так надежней.

На деле же дорога заняла где-то четыре часа. И все это время старуха не произнесла ни единого слова, лишь сидела и рулила, прислонившись к румпелю.

И лишь где-то в три утра Бонд и Эбби высадились на острове Чеун-Чау, который находился в семи с половиной милях к западу от Гонконга. В открытом море лодку швыряло из стороны в сторону, но как только они зашли в гавань, старушка погасила мотор и стала грести веслом, стараясь бесшумно пройти сквозь столпотворение всевозможных посудин, некоторые из которых были привязаны друг к другу, а некоторые – стояли на якоре. Наконец, лодка подошла к пристани, и старуха что прошептала, видимо, имея в виду, что им пора сойти на берег. Бонд и девушка выкарабкались на широкую бетонную пристань, и на прощание он махнул старушке рукой.

- 18 -

Залив Тюн-Ван

Остров, как Бонд уже успел убедиться, когда изучал карту, своими очертаниями действительно походил на гантель: южная оконечность была гораздо шире северной, а соединявший их узкий клочок земли – протяженностью меньше мили.

Глаза привыкли к темноте еще задолго до высадки на берег, поэтому он без труда различил вдали силуэты домов. Бонд взял Эбби за руку, убедился, что та держит револьвер наготове, и повел ее по узкой тропинке, убегавшей в кромешную тьму. Когда они прошли чуть дальше, впереди показалось очертание телефонной будки. Бонд решил воспользоваться ей после того, как проведет осмотр окрестностей виллы.

-Ты оставайся здесь. Не двигайся, и смотри, чтобы тебя никто не заметил, - прошептал он. – Я вернусь через час.

В темноте он увидел, как девушка кивнула. Надо сказать, что Эбби не так сильно нервничала, как он ожидал. На прощание Бонд крепко сжал ее руку, и двинулся по тропинке дальше. Стены магазинчиков, образовавших своеобразное ущелье, по которому он шел, давили на него. Через пару сотен ярдов тропинка стала еще уже. Справа показалось огромное дерево, и он почувствовал, что рядом с деревом кто-то есть. Бонд замер, но вскоре пошел дальше - под деревом валялся и храпел какой-то старый китаец.

После двадцати минут ходьбы впереди показалась широкая полоса белого песка, за которой раскинулось море, спокойное и мерцающее. Залив Тюн-Ван. Стараясь держаться в тени от домов, Бонд прокрался чуть вперед. Справа, белело пятно света: это был отель «Варвик». Он подождал какое-то время, осматривая залив и находившийся слева мыс. Высоко на нем виднелось серое здание, в двух окнах которого горел свет: вилла, местоположение которой Стриж пометил на карте; это не оставляло никаких сомнений. Держась ближе к левой стороне улочки и моля Бога, чтобы никто в вилле не использовал в этот момент прибор ночного видения, Бонд медленно пробрался до места, где начинался пляж. Полоска песка, казавшегося в темноте белым, тянулась до самого мыса, на котором стоял нужный ему дом.

Бонд прикинул, что где-то семьдесят ярдов совершенно голого пляжа отделяют его от покрытого тенью подножья утеса, верхние пятьдесят ярдов которого просматривались из виллы. Сделав

глубокий вдох, он рванул вперед и перешел на ходьбу лишь после того, как оказался в тени. Здесь песок заканчивался, и начинался крутой склон, поросший низкой, колючей травой. Поправив на плече лямку сумки, Бонд начал карабкаться. Трава, которая была далеко не душистой, вдобавок царапала руки. Порой земля становилась мягкой, словно весь мыс представлял собой песчаный нанос, заросший травой. Подъем был труден, и только через десять минут склон стал пологим. Но вилла пока что видна не была. Через тридцать ярдов, как только на фоне ночного неба замаячила верхушка крыши, Бонд упал на живот и прополз вперед еще ярдов десять.

Теперь Джеймс находился всего в нескольких шагах от здания. Пять минут он лежал и изучал виллу. Та представляла собой одноэтажное строение белого цвета с терракотовой крышей и арками, бегущими вдоль стен, что походило скорее на испанский стиль, нежели на китайский. Вилла стояла посреди круглого сада, окруженного низким (четыре-пять кирпичей высотой) заборчиком. Судя по аркам, все четыре стороны дома опоясывала галерея. Свет, который он заметил с пляжа, струился из пары задвижных стеклянных дверей в стене, обращенной к заливу. За стеклом показалось какое-то движение, и Бонд узнал Чернова, который расхаживал по комнате и говорил с кем-то, кого не было видно.

Еще какое-то время агент 007 лежал, вымеряя дистанции и запоминая общую планировку. Слева от него склон поднимался выше. Бонд вспомнил карту: если он решит двигаться в том направлении, то в конце концов выйдет на дорогу, ведущую обратно к гавани мимо знаменитого храма — местной достопримечательности. Если же ему придется убегать от преследователей вниз, то где-то через пятнадцать широких шагов от того места, где он сейчас лежал, его полностью скроет из виду. Там нужно будет замедлить бег и остановиться, иначе его ждет длинный полет к верх тормашками под крутой уклон и не очень приятное падение на пляжный песочек.

Чтобы перехитрить Чернова, меры предосторожности следовало предпринять сейчас. Бонд медленно отполз назад, где его нельзя было заметить из окон виллы, и стал на ощупь искать землю порыхлей. Вдруг ладонь его левой руки наткнулась на шероховатый камень. Он был круглой формы, где-то пару футов в диаметре и один фут толщиной. Бонд подполз и лег точно за камнем. Он снял сумку с плеча, бесшумно открыл, и достал из нее маленький сверток из водонепроницаемой ткани, скрепленный ремешками, доставленный ему Кьют в Париж. Его содержимое девушка готовила лично и тщательно. В основном, это были предметы, выполнявшие те же

функции, что и оборудование, спрятанное в его поясе, а также замаскированное под авторучку, зажигалку и прочие обыкновенные вещи, рассованные по карманам его одежды... А имея дело с такими людьми как Чернов, полагаться на случай не хотелось. Поэтому Бонд вырыл за камнем ямку и спрятал в нее драгоценный сверток. Присыпал с верху землицей, чуть приподнялся и сориентировался, твердо запечатлев в памяти местоположение камня, чтобы в случае чего, можно было сразу же найти его. И только тогда, когда Бонд убедился в точности всех углов и дистанций, он медленно отполз назад и спустился к пляжу.

Где-то через двадцать минут он вернулся к Эбби. Девушка хорошо спряталась в тени дома, стоявшего на берегу.

-Все готово, - прошептал он без пояснений. Чем меньше она знала, тем лучше.

-Они там? – спросила Эбби еле слышным голосом.

-Чернов на месте. Ну а где он, там, как я понимаю, и остальные.

Один из револьверов у Бонда был заткнут за пояс, дулом в сторону. Указав Эбби оставаться на месте, он тихо прошлепал до парапета, ограждавшего гавань, и выкинул сумку в море. И так, они оба были вооружены и имели запасные патроны.

-Сейчас мы засветимся перед ними, - сказал он Эбби. – Просто покажем себя и все, никакого контакта, как это делал Стриж – шустро, как черт. Наша задача: выманить Чернова из дома. Вилла очень маленькая, но атаковать ее сложно. Если там есть парочка хороших ребят, то пытаться провести вооруженный налет - для нас безумие. Вокруг виллы слишком открытая местность, поэтому прямая атака будет самоубийством.

-А разве мы не должны вызвать полицию? Ведь это Британская территория. Неужели этого ужасного человека нельзя просто арестовать?

-Пока нет. – Он не хотел говорить, что перед тем как Чернов будет схвачен, кому-то из участников операции «Торт» суждено умереть; он не хотел говорить, что предателя – кем бы он ни был, - необходимо уничтожить. Стриж отдал четкий приказ. Чтобы буря вокруг «М» улеглась, о двойном агенте никто не должен прознать. Как сказал Стриж? ««М» и сейчас в осаде... он не удержит свой пост, если в наших рядах, или поблизости, окажется очередной двойной агент.» И теперь для Бонда единственным средством выявить личность предателя в операции «Торт» было предоставить противнику себя и Эбби на тарелочке.

-Подожди минутку, и мы пойдем, - сказал он, приложил палец к своим губам и направился к застекленной телефонной будке. Он

достал из кармана мелочь и аккуратно набрал номер, который дал ему Стриж: 720302. Послышался гудок, и трубку сняли. Молчание... Бонд медленно досчитал до шести и попросил по-русски генерала Чернова. К телефону подошел Доминиканец.

-Я близко от тебя, - тихим голосом прошипел в трубку Бонд. - Поймай меня, если сможешь, – и сразу же повесил ее.

Он вернулся к Эбби и повел девушку по тропинке в сторону залива Тюн-Ван. В этот раз он не заботился ни о каких предосторожностях. Вместо того чтобы держаться тени, он вышел с Эбби прямо на пляж. Они, не спеша, прошли до мыса и начали подниматься по склону. Справа, подальше от того места, где Бонд поднимался в первый раз. Он хотел увести людей Чернова в сторону от уже изученного им района.

Наконец склон стал пологим, они припали к земле, поползли к дому и замерли в нескольких ярдах от низкой стеночки, из-за которой их было не видно. Во всех окнах виллы горел свет, на востоке уже начинало светать. Еще несколько минут - и первые лучи солнца выдадут их местоположение. Повернувшись набок, Бонд сказал, что им следует обползти виллу вокруг.

-Тогда надо поторопиться, - ответила Эбби, ее глаза были затуманены озабоченностью. – Здесь все как на ладони. Боюсь, что если кто-нибудь выглянет в окно, то сразу заметит нас.

Но тут сзади раздался голос:

-Здесь, в заливе Тюн-Ван мы - ранние пташки. Как все-таки здорово, что вы решили зайти к нам! Ну теперь, наконец, у меня вся компания в сборе.

Перекатившись на спину, Бонд вскинул револьвер и прицелился.

Их было трое: Миша; один из тех, кто помогал Доминиканцу, забирать агента 007 из отеля «Ньюпарк»; и третий, одетый в дорогие твиловые брюки, рубашку и темный пиджак. Третьим, разумеется, был сам генерал Костя Чернов, на лице которого играла победоносная улыбка. Его автоматический пистолет был направлен прямо в голову Джеймса.

-Вы предложили мне поймать вас, мистер Бонд, и я с огромной радостью принял ваше предложение.

- 19 -

Знакомьтесь – робинзоны

Хоть вилла и располагалась на мысе, с которого открывался прекраснейший, ни с чем несравнимый вид, ее интерьер был чисто спартанским. Так обстояло дело почти со всеми конспиративными квартирами и в Европе. Стены главной комнаты, в которую Бонда и Эбби провели через задвижные двери, были звуконепроницаемы. Об этом говорили плотные, необычного вида обои. Мебель была простой и незатейливой, стулья – сделаны из бамбука. Массивный деревянный стол. Картин на стенах не висело, безделушек на каминной полке не стояло.

На улице, когда Бонд понял, что шансы не в их пользу, то сразу же бросил револьвер, обернулся к Эбби и просигналил ей глазами сохранять молчание. Потом он сказал девушке:

-Мисс Хэритидж, этот джентльмен, нацеливший на нас свой пистолет, – один из тех, кого мы называем звездами первой величины. Позвольте мне представить вам генерала Константина Николаевича Чернова, Героя Советского Союза, награжденного орденом Ленина. Список остальных наград перечислять не буду – он слишком длинный. В настоящее время этот человек является главным следователем Восьмого отдела в управлении «С», КГБ. Когда-то давным-давно этот отдел назывался СМЕРШем. Я думаю, что генерал предпочел бы, чтобы и сейчас он носил это яркое и эффектное название.

Чернов довольно улыбнулся, кивнул Эбби и приказал своим людям отвести пленников в виллу. Когда они зашли внутрь, он сказал Бонду:

-Не могу передать словами, как я рад снова видеть вас. И я с нетерпением ждал встречи с вашей спутницей. По какому-то глупому недоразумению мы упустили вас в Ирландии, мисс Хэритидж... или будет правильнее называть вас фрейлейн Николас?

-Хэритидж, - ответила она спокойно.

Чернов пожал плечами.

-Как пожелаете. В любом случае я очень рад вас видеть. Теперь это нелепое дело, касающееся операции «Торт», закончено. Все курочки прибежали к своему петушку... Ведь близится час расплаты, правда?

Бонд уже успел выработать свою стратегию. Он прокашлялся и сказал:

-Генерал, я имею полномочия вести переговоры.

-Правда? – Его пронизательные глаза, в которых блеснуло удивление, встретились с глазами Бонда. – Хотите поторговаться?

-Да, на определенных условиях, - не моргнув глазом, солгал он. – Мы можем предложить кое-кого на обмен тех, кого вы здесь держите. На обмен мисс Дэйр, мисс Хэритидж, Максима Смолина, мистера Бэйзли и фрейлейн Дитрих. Я уверен, что вы хотели бы вернуть кого-нибудь из своих. А у нас их порядочное количество!

Миша тихо рассмеялся, а Чернов злорадно гоготнул.

-Хотите выменять всех, кто связан с «Тортом», да? Всех, кому подписан смертный приговор?

-Да.

Миша вновь рассмеялся, потом спросил:

-Так что мы сделаем сначала, товарищ генерал? Разделаемся с предателями и шпионами, или испытаем ваших покорных марионеток?

-Да у нас еще море времени, Миша. Так что успокойся. Здесь же так здорово! Сегодня будет жаркий день. А когда солнце зайдет, тогда и пустим в ход наших марионеток. Ну а как все закончится, исполним тот маленький ритуал, о котором ты так мечтал. Теперь, когда они все в наших руках, можно не торопиться. Они заслужили медленной смерти. Правда мое начальство хочет, чтобы Смолина и Дитрих привезли в Москву, что будет несколько трудновато выполнить. – Он вздохнул, и лукаво посмотрел на Эбби. – А вот девушка может доставить мне капельку удовольствия перед тем, как мыотрежем ей язык и убьем. – Он повернулся к Бонду. – Вы что, не согласны?

-Я даже не понимаю, о чем вы говорите.

-Правда? Тогда давайте попьем кофе с пирожными, и я объясню. Миша, *ама* завозила сегодня продукты?

-Да, но я уже отослал ее обратно. Я подумал, что чужаки сегодня нам ни к чему.

-И правильно сделал, Миша. Значит, кофе и пирожные с повидлом?

-Вам нужно было захватить с собой прислугу, товарищ генерал.

-Возможно ты прав. Ну тогда тебе поможет один из этих парней.

Он кивнул сначала на человека, стоявшего без движения у двери, а потом на другого, который, откуда не возьмись, появился у окна. Миша постучал по руке того, что стоял у двери, и сказал ему что-то по-русски. Тот поправил на плече автомат и уже собирался следовать за Мишей, как Чернов сказал:

-Но сначала, я думаю будет лучше, если эту молодую девушку отведут к ее товарищам. Наверное, им нужно столько друг другу сказать. А ведь осталось так мало времени! - добавил он, улыбнувшись Эбби. На этот раз его глаза были холодны как лед.

Миша позвал девушку, а охранник подтолкнул ее дулом пистолета. Эбби кивнула и поднялась со стула. Она посмотрела на Бонда, потом на Чернова. Затем подошла к Чернову. И вдруг как плюнет ему прямо в лицо! Генерал в отвращении отпрянул, но среагировал быстро: даже Бонд не усек, как он вмазал ей пощечину по левой щеке и сразу же ударил тыльной стороной ладони по правой. Эбби и пикнуть не успела, даже не закрылась руками. Оба охранника прыгнули в ее сторону, но девушка просто отвернулась и смиренно последовала за нахмурившимся Мишей из комнаты. Один из охранников вышел следом за ней, другой вернулся на свой пост у окна. Чернов тем временем вытер свое лицо.

-Дура, - пробормотал он. — А ведь я мог чуть облегчить ее участь.

-Я смотрю, при всем вашем изысканном виде, Чернов, внутри вы хладнокровный подонок.

В досье на Чернова, имевшимся в штабе Сикрет Сервис, были точно описаны и его дьявольская безжалостность и изворотливость. Но что никак не передавалось на бумаге, так это его дегенеративная сущность. Среди глав Советской разведки настолько бездушным извращенцем как Константин Чернов, был разве что пресловутый Лаврентий Павлович Берия.

-Я? — Чернов сложил брови домиком. — Это я-то хладнокровный? Не валяйте дурака, Бонд. Не забывайте, что это *ваши* люди из отдела планирования операций хладнокровно использовали этих девочек. И скорее всего объяснили, на какой риск они идут. — Он фыркнул. — Мы оба прекрасно знаем, что операция «Торт» была придумана, чтобы замаскировать предательство двух высокопоставленных и опытных офицеров, Смолина и Дитрих, а чтобы замутить воду, ваши люди добавили в операцию пару лишних мишеней. Что ж, это сработало. Но не могут же КГБ и ГРУ все это просто так оставлять. С двумя девушками мы расправились. И с нашей стороны будет как-то нечестно, если остальные отделаются лишь испугом. Спецслужбы всего мира должны убедиться, что мы мстим за такие оскорбления в свой адрес. — Он снова пожал плечами. — В любом случае, мое начальство приказало мне привести приговоры в исполнение. А чтобы другим неповадно было, тела должны быть оставлены с особыми следами насилия: что-то вроде ритуала. Понимаете теперь?

Чернов говорил совершенно спокойным тоном, словно убийство Хэйзер, Эбби, Джангла, Дитрих и Смолина было таким же правомерным, как штраф за превышение скорости.

-Значит мы не можем договориться?

-Не могу же я о чем-то договариваться с мертвыми.

-А как вы поступите со мной, генерал?

-А-а! - Чернов ткнул в сторону Бонда пальцем и хотел было что-то сказать, но в дверь постучали. В комнату вошел охранник с огромным подносом, на котором стоял кофейник, чашки, корзинка с пирожными и баночки с повидлом. Следом появился Миша с автоматом в руках. Было совершенно ясно, что он не стал бы прислуживать даже перед генералом Черновым.

Чернов опустил палец.

-А вот и завтрак, - пояснил генерал.

Миша с охранником удалились. Бонд заметил, что здоровенный парень, оставшийся стоять у окна, глазел на еду с изрядной долей зависти.

-Так что вы хотели сказать, генерал?

-Нет-нет, мой дорогой Бонд, сначала мы поедим. Так что наслаждайтесь моим гостеприимством, пока у вас есть такая возможность.

И все, больше генерал в разговор не вступал. И Бонду еще долго было суждено находиться в полном неведении относительно своего будущего, поскольку, как только они поели, Чернов отдал несколько приказов, в комнату вернулся охранник, и без какого-либо предупреждения Джеймса схватили за руки и вытолкали в коридор. Его отвели по каменной лестнице в подвал, там отперли прочного вида дверь и впихнули в маленькую камеру, которая была совершенно пуста, если не считать лампочки в проволочном «абажуре», висевшей на потолке. И все – ни окон, ни мебели. Темница была настолько маленьких размеров, что человек, стоя, мог еле-еле расправить руки в стороны.

В дверях появился Миша.

-Мистер Бонд, - как-то женоподобно пролепетал он. И швырнул на пол кипу одежды: темно-синий комбинезон, нейлоновые носки, трусы и пару дешевых кроссовок. – Размер ваш, мистер Бонд. Москва подтвердила. Генерал хочет, чтобы вы сняли свою одежду и надели эту. – Он сварливо ухмыльнулся. – У вас репутация фокусника – потайные карманы и все такое прочее. Поэтому генерал считает, что так будет спокойней. Переодевайтесь, пожалуйста.

Выбора у него не было. Стараясь как можно медленнее, Бонд снял с себя всю одежду, в которой было спрятано множество

полезных приспособлений, и надел комбинезон, почувствовав себя в нем очень глупо. Миша забрал его вещи и захлопнул за собой дверь. Послышалось, как задвинули тяжелый засов.

Какое-то время Бонд оценивал создавшуюся обстановку. Над дверью в стене виднелось маленькое отверстие, в которое прошел бы разве что карандаш. Значит почти наверняка за ним следят с помощью миниатюрных оптических объективов. Было совершенно ясно, что эта темница находится глубоко под землей, в подвалах виллы. Бежать отсюда невозможно. И единственный шанс спастись – добраться до оборудования, которое он зарыл неподалеку от здания. Но с другой стороны может случиться и так, что оружие, спрятанное там, ему и вовсе не пригодится. И Бонд прекрасно это понимал. Поэтому он сел, скрестив ноги, на пол и стал внутренне готовиться к предстоящему, освобождая свое сознание от всевозможных мыслей и всяческих тревог, растворяясь в небытии.

Бонд не знал сколько прошло времени, когда два охранника принесли ему еды, от которой он отказался. Охранники не восприняли это с любезностью, но потом все же удалились.

Время продолжало тянуться, Джеймс продолжал устанавливать контроль над своим телом и сознанием. Какое бы испытание не приготовил для него генерал, Бонд понимал: чтобы выдержать его, он должен собраться с силами и духом и пустить в ход весь свой оперативный опыт. И по возможности обернуть ситуацию в свою пользу, если он хочет спасти от неминуемой гибели участников операции «Торт» и себя самого.

Вскоре Бонд инстинктивно почувствовал, что день увядает. Прошло еще какое-то время. Наконец, дверь отперли, и те же два охранника вытолкали его из камеры, потащили вверх по лестнице и привели в главную комнату, в которой состоялся их предыдущий разговор с Черновым. Теперь комната казалось меньше - в ней было много народу. За окном кровавый закат уже обагрил полоску белого песка.

Бонд огляделся: в центре комнаты на бамбуковом стуле сидел Чернов; остальные присутствующие были закованы в кандалы. Джеймс заметил, что среди пленников было два новых лица. Мужчину звали Франц «Вальд» Бельзингер, он же - Джангл Бэйзли. Бонд узнал его по фотографиям, которые изучил в тот, первый день своего задания, после ленча с «М» в «Блейдсе». Бонд здорово удивился, увидев, что Бэйзли - настоящий здоровяк. Он был выше шести футов, широк в плечах. И выглядел моложе своих двадцати семи, возможно, что из-за своей огненно рыжей взъерошенной шевелюры... Джангл поприветствовал Бонда широкой улыбкой.

-Думаю, что вы знакомы со всеми, кроме фрейлейн Дитрих и мистера Бэйзли, как он сам предпочитает себя называть, - сказал Чернов.

Сюзан Дитрих, как выяснилось, обладала стройной фигурой, светлыми волосами, находящимися сейчас в полном беспорядке, и выглядела старше, чем Бонд ожидал. Она посмотрела на него испуганным взглядом, а Джангл привстал с улыбкой американского студента.

-Салют, мистер Бонд. Я есть много слышать о вас. - То, что он немец, выдавало скорее построение фраз, нежели акцент. И было ясно, что парень не намеревался дать своим тюремщикам и малейшего повода думать, что он хоть капельку боится.

Бонд кивнул и улыбнулся, стараясь выглядеть успокаивающе. Затем посмотрел на стоявших в ряд Максима Смолина, Хейзер и Эбби. Хейзер улыбнулась, Смолин подмигнул, а Эбби послала ему воздушный поцелуй. Успокаивало лишь то, что они были готовы встретить свою смерть с чувством собственного достоинства. Он спросил как дела. Они промолчали, но каждый твердо кивнул головой.

-Я попрошу в зале сохранять спокойствие, - сказал Чернов, засмеявшись, словно только что отколол шутку века. - Или лучше сказать: я попрошу в зале *суда* сохранять спокойствие? - добавил он.

Так как все промолчали, Чернов, криво улыбнувшись, продолжил:

-Пятеро заключенных уже знают о своей участи. Им объяснили их вину и причину, по которой им суждено умереть. Знают они и о способе казни, которая состоится завтра на рассвете. - Он сделал паузу, предвкушая свои следующие слова. - А что касается командера Джеймса Бонда, офицера Королевских Военно-морских сил, агента Британской Секретной Службы... Что касается его... что ж, Отдел, который я представляю, уже много лет назад вынес ему смертный приговор. Вы в курсе этого, командер Бонд?

Бонд кивнул, вспомнив те многие случаи, когда ему удавалось перехитрить и нанести очередной сокрушительный удар в самое сердце КГБ. В сердце, которое когда-то давным-давно называлось СМЕРШем.

-Не будем же недооценивать успехи командера Бонда, - сказал Чернов с серьезным лицом. - Он зарекомендовал себя как достойный противник: находчивый, энергичный и смелый. И мы нарушим традиции нашего отдела, если расправимся с ним каким-нибудь банальным способом, будь то пуля в затылок, нож или укол расина, препарата, которому отдают предпочтение наши болгарские коллеги. Как настоящему тореадору, командеру Бонду

предоставится возможность драться за свою жизнь. - Он обернулся к Бонду, на его лице играла зловещая улыбка. – Коммандер Бонд, вы знаете кто такие «марионетки»? Я имею в виду на профессиональном жаргоне. А?

-Это те, кем легко манипулировать? – предположил Бонд.

Чернов громко расхохотался.

-Я поступил немножечко нечестно, задав вам этот вопрос, Джеймс Бонд. «Марионетками» их называют в особых войсках Красной Армии, в Спецназе, который, как я понимаю, является эквивалентом вашей Специальной Воздушной Службы. «Марионетки» здорово помогают на учениях. И в СССР ими пользуются уже более пятидесяти лет. Наши великие предшественники – чекисты - называли их «гладиаторами»; позже, в НКВД они значились как «добровольцы», хотя никакими добровольцами они, конечно же, не были. А в СМЕРШе, претерпевшем множество изменений, их всегда называли английским словом, что само по себе несколько странно, да? Мы зовем их «робинзонами», коммандер Бонд. Возможно, что вы знакомы с этим термином. Так вот, я снова вас спрашиваю: вы знаете кто такие «робинзоны»?

-Только лишь слухи. – При слове «робинзон» Бонд почувствовал в животе комок страха.

-И вы верите в эти слухи?

-Может быть.

-И правильно делаете, что верите. Позвольте мне объяснить вам кое-что. В Советском Союзе, когда человек получает смертный приговор, все зависит от его места в обществе – умрет ли он быстро, или же положит свою жизнь на алтарь государства. – И снова жестокая, леденящая кровь улыбка отразилась зловещим огоньком в глазах Чернова. – И в отличие от загнивающих британцев, которые сами плывут в наши руки, потакая своим же собственным желаниям, благодаря своей вялости и нежеланию понимать, что в конце концов на их политической арене властвовать будем мы... - его голос стал чуть громче - ... в отличие от британцев, которые из-за своей щепетильности даже отменили смертную казнь, мы используем ее для собственных нужд. Да, правда, пожилых мужчин и женщин казнят сразу. Оставшиеся же попадают в медицинские центры, кто-то помогает строить атомные реакторы, кто-то потом работает на этих реакторах. Те же мужчины, кто посильней, покрепче и помоложе становятся «марионетками», то есть, возвращаясь к нашему разговору, - «робинзонами». Они прекрасное учебное пособие для наших офицеров. Солдату, который не доказал, что может убить человека, нельзя доверять на все сто.

-Именно эти слухи я и слышал. – Бонд почувствовал, что мускулы его лица парализованы, словно ему вкололи новокаин. – Нам говорили, что из них получают прекрасные живые мишени для учений...

-Не просто мишени, командер Бонд. Они тоже могут драться, в разумных пределах. Они знают, что если попытаются бежать или поднимут руку не на тех, то их тут же порубят в мелкий винегрет. На подобных учениях они являются настоящим живым противником. Они убивают, и их убивают. Лучшим из них удастся прожить чуть дольше.

-Три схватки, и они получают отсрочку?

Чернов улыбнулся:

-Боюсь, что это старая басня. «Робинзоны» не доживают до этого момента. Они знают, что им подписан смертный приговор и посему сражаются еще отчаянней, когда уверены, что после трех испытаний получают отсрочку.

Чернов изучал свои ногти. В комнате росло напряжение. Генерал повернулся и кивнул паре охранников; те вышли, тихо закрыв за собой дверь.

-Когда мы слышали, что вы, человек, значащийся в нашем черном списке, получили приказ разобраться с «Тортом», я послал запрос в Москву. И попросил выделить мне несколько «робинзонов», бывалых, тех, кто уже продержался две схватки и думает, что после третьей получит отсрочку. Все они молодые парни. И вам оказана большая честь, мистер Бонд, потому что это первый раз, когда «робинзнам» позволили действовать за границей. Сегодня, начиная с полуночи, и до рассвета, на вас по всему острову будут охотиться «робинзоны». Их задача: убить вас; и они будут вооружены. Хотя вам мы тоже выдадим какое-нибудь маленькое оружие. Но за шесть часов, в темноте, на территории, которую вы совершенно не знаете, а они знают, вас выловят... Итак, Джеймс Бонд, я хочу, чтобы вы познакомились со своими «робинзнами».

Он выкрикнул какой-то приказ, и один из охранников, стоявших снаружи, открыл дверь.

- 20 -

Час пробил

На первый взгляд у четверки «робинзонов» был довольно послушный вид. Их никто не держал, они не были связаны. Лишь два охранника с автоматами присматривали за ними.

-Заходите, - сказал по-русски Чернов и кивнул.

Если бы Бонд ожидал увидеть запуганных пленников, еле волочивших ноги, то он бы сильно разочаровался. У каждого из промаршировавшего в комнату квартета была военная выправка, глаза смотрели строго вперед. Каждый в черных брюках и рубашке свободного покроя. Даже обувь черного цвета. Бонд прикинул, что и лица их будут вымазаны в черный цвет. Прошлой ночью луны не было, значит и сегодня не будет. Следовательно, в темноте «робинзоны» станут совершенно невидимыми.

-Вот видите, командер Бонд, какая славная маленькая команда! Они уже и раньше работали вместе. И очень успешно. Сначала – против шести спецназовцев. Пятеро из них мертвы, шестой не может ходить. Во второй миссии они действовали против стажеров КГБ; четверо против четверых. – Чернов привычно пожал плечами. – Теперь у КГБ на четыре стажера меньше. Надо ли здесь еще что-нибудь говорить?

Бонд смотрел на четырех мужчин, оценивая их силы. Каждый был крепкого телосложения, в ясных глазах каждого читалась боевая готовность. Но один из «робинзонов» все-таки выделялся, и в первую очередь из-за своего роста – где-то шесть с половиной футов. И поэтому возвышался над остальными, чей рост варьировался от шести до шести и одной десятой фута.

-И каковы их преступления? – Бонд постарался, чтобы вопрос прозвучал ненавязчиво, словно он выбирал себе нового породистого скакуна.

Чернов улыбнулся, загадочно, почти как сфинкс. Бонд внезапно обнаружил, что подобного отвращения к кому-либо он раньше никогда не испытывал.

-Надо подумать, - задумчиво произнес Чернов, бегая глазами вдоль шеренги из четырех мужчин, стоявших перед ним без движения. – Тот, что здоровый, Яков, был осужден за изнасилование шестерых девушек, почти что девочек. Надругавшись над жертвой, он душил ее. Рядом с ним – Богдан, тоже убийца, но не насильник. Его профиль – юноши. Богдан ломал им шеи, а чтобы избавиться от

трупов, четвертовал тела и прятал части по всему лесу около своего дома. Он настоящий мужлан: сильный, и без каких-либо моральных принципов.

Бонд еле сдержался, чуть не припечатав: «Прямо как ты, Костя. Прямо как ты.»

Чернов продолжал:

-С Павлом и Семеном все обстоит гораздо проще. Павел - это тот, что с мясистым носом, - будучи офицером, тратил государственный бюджет на свои собственные нужды. Прошло больше двух лет, прежде чем пятеро его товарищей узнали об этом. Четырех так и не нашли. Пятый сумел сообщить начальству. Что касается Семена, то он совершил обыкновенное убийство, тройное; убил свою девушку, ее любовника и ее мать. Наш Семен прекрасно обращается с мясным тесаком.

-Что ж, у каждого в жизни свои развлечения. — Бонд понимал, что лучший способ противостоять запугиваниям Чернова - это выставить этих четырех чудовищ на посмешище. Чудовищ, которые через пару часов будут охотиться за ним, Бондом. - Вы сказали, что они будут вооружены?

-Конечно. Двоим дадут пистолеты — «Люгеры». Одному — нож, похожий на кинжал «Сайкс Фэрбэирн», с которым, насколько мы знаем, вы хорошо знакомы. А четвертому выдадут его любимое оружие — булаву. Она похожа на те, что были у древних китайцев: заточенное лезвие с двухфутовой рукояткой, к острию которого на цепи прикреплен шар, покрытый шипами. Очень неприятная вещьца.

-А я?

-А вы, мой дорогой командер Бонд? Что ж, мы — люди честные. Посему вы получите «Люгер». Фирмы «Парабеллум». И он, смею заверить, в хорошем состоянии.

«Итак, у меня будет восемь патронов, - посчитал Бонд. — Восемь шансов убить при условии, если найду удачную огневую позицию.»

Чернов тем временем продолжал:

-У вас будет одна обойма, полупустая. То есть - четыре девятимиллиметровые пули, одна на каждого «робинзона», если, конечно, вам повезет, и вы успеете подобраться к ним достаточно близко прежде, чем они убьют вас. Как вы уже знаете, эта команда знакома с окрестностями. А вы, насколько мне известно, - нет.

-А если они вздумают бежать? Сядут в рыбацкую лодку, и тю-тю?

И снова Чернов издевательски улыбнулся. – Вы что, так и не поняли, командер Бонд? Этим людям нечего терять кроме собственных жизней, которые они сохраняют, если убьют вас.

-Это они только думают, что сохраняют их.

-Бросьте, командер Бонд, и не пытайтесь сеять в их души зерно сомнения. Это не сработает, друг мой. Их не перевербовать. И они не сбегут, и, уж конечно, не поверят ни одной вашей байке... даже если им вздумается выслушать вас.

«Ты также прекрасно знаешь, что и я не сбегу, – подумал Бонд. – Ведь ты думаешь, что знаешь меня как облупленного, товарищ генерал. Ты ведь уверен, что я не убегу, потому что если мне вдруг удастся обставить твою «смертельную четверку», то я вернусь и постараюсь спасти остальных.» Да уж, Чернов и вправду прекрасно знал Бонда, ведь именно так агент 007 и намеревался поступить. Тут Джеймс спросил себя, а знал ли Чернов, что он вернется еще и для того, чтобы вычислить предателя среди пленников?

Чернов отдал сигнал «робинзонам», и те марширующей походкой вышли из комнаты: каждый, поворачиваясь на ходу к открытой двери, встречался с Бондом взглядом. Ему показалось? Или действительно в каждой паре глаз горела слепая ненависть?

-А пока у вас пара часов на отдых, - сказал Чернов, вставая. – Предлагаю вам попробовать найти мир в себе.

Один из охранников вернулся в комнату и уже собирался отвести Бонда в камеру, но тут Чернов шагнул вперед и добавил:

-И позвольте мне сказать вам вот еще что. Чтобы удостовериться, что вам известны все наши правила. Не пытайтесь умничать. Вполне возможно, что вы решили поступить просто: спрятаться за низкой стеночкой, которая окружает дом, и перестрелять «робинзонов», когда они выбегут наружу. Нам известно, что вы превосходный стрелок, поэтому я прошу вас: и думать забудьте об этом. Когда вам прикажут бежать, то бегите. Попытайтесь выкинуть какой-нибудь фокус, и моя охрана изрежет вас автоматными очередями на мелкие ленточки. Но если вы - либо благодаря везению, либо своему опыту, - все-таки сумеете оторваться от моих «робинзонов» или убить их, мой вам совет: бегите, Джеймс Бонд; бегите как можно дальше. Этой ночью мы убьем вас, в этом я несколько не сомневаюсь, но если случится невероятное, и окажется, что я ошибался, то помяните мое слово: когда-нибудь *наше* время придет опять, и тогда я собственными руками убью вас. Мой Департамент не успокоится, пока вы не умрете. Вы поняли?

Бонд коротко кивнул и вышел, стараясь сохранять как можно более достойный вид, несмотря на уходящее в пятки сердце. Попад

обратно в камеру, он стал прикидывать свои шансы. Там, наверху, находясь в одной комнате с «робинзонами», Джеймса почти охватило отчаяние. Но сейчас, оставшись наедине с собой, он начал обдумывать план... Ему дадут «Люгер» фирмы «Парабеллум» с четырьмя патронами. Что ж, не все так уж плохо. Хотя будет гораздо лучше, если он доберется до спрятанного под камнем пакета.

Пакет, содержимое которого было разработано Кьют и другими работниками технического отдела, предназначался для использования только в самых крайних обстоятельствах. И предметы, находившиеся в нем, в основном являлись смертельным оружием. Он был сконструирован по принципу боевого набора, называвшегося «несессером», который в былые времена использовался в морской пехоте, и представлял собой толстый продолговатый сверток из водонепроницаемой ткани длиной в один фут и три дюйма, шириной в восемь дюймов, обвязанный двумя лентами, скрепленными легко развязывающимся узлом. Сверток полностью разворачивался, а внутри него находилось пять карманов – каждый сшит под особый предмет.

В двух левых карманах лежала пара толстеньких батареек НР-11. Одна из них на самом деле представляла собой мощную ракетницу, ее пусковая кнопка была замаскирована под бугорок положительного контакта. Эта «батарейка», которую следовало держать в вытянутой руке, выстреливала осветительную ракету, способную пролететь где-то двадцать футов и залить ярко-белым светом местность в радиусе около одной мили. А если выстрелить в сторону человека, то и ослепить его. Вторая батарейка работала по схожему принципу, только после нажатия кнопки «пуск» ее лучше было не держать, потому что через семь секунд она взрывалась. И по мощности этот взрыв в два раза превосходил старую, добрую гранату «Миллс». Обе батарейки содержали одну пластиковую субстанцию, которую невозможно было обнаружить, чем она вызывала серьезное беспокойство у анти-террористических отрядов.

В третьем кармане находился кинжал с шестидюймовым лезвием из закаленного поликарбона, посему таможня в аэропорту здесь тоже была бессильна. Лезвие защищали ножны, одновременно выполнявшие роль рукоятки ножа.

Четвертый карман был почти плоским, в нем лежал тонкий металлический шнур, покрытый зазубринами – для удушения.

А вот пятый карман содержал в себе, пожалуй, самое смертельное из всего этого арсенала оружие – авторучку, но непростую авторучку. С виду обыкновенная ручка, надпись: «сделано в Италии»; но она бы тоже заинтересовала работников «секьюрити». Один поворот колпачка - и авторучка превращалась в

миниатюрный пневматический пистолет. Струя сжатого воздуха выстреливала иглы из закаленной стали. С десяти шагов, при попадании в голову, горло, легкие или сердце, человек умирал. Авторучку можно было использовать только три раза.

Бонд мысленно повторил, какой предмет в каком кармане лежит, вспоминая те бесконечные тренировки, когда он учился пользоваться этим набором в полной темноте, на ощупь. Джеймса успокаивало то, что не пройдет и минуты, как все оружие будет либо наготове, либо рассовано по карманам его комбинезона. Ведь как и в былые времена, ничто так не обостряло мысли агента 007, как угроза собственной смерти.

Затем Джеймс несколько раз проработал в голове местоположение свертка, после чего ему ничего не оставалось делать, как собраться с духом к предстоящему испытанию. Он снова сел, скрестив ноги, и закрыл глаза. Только теперь он воспроизвел в уме карту Стрижа, переданную ему Ричардом Ханом. Бонд знал окрестности виллы, ее расположение на полуострове, поэтому уже через час он решил, что будет делать. Немного удачи плюс профессионализм – и у него, возможно, появится шанс – маленький, но все же шанс – победить.

Когда за ним пришли, было одиннадцать тридцать вечера. По-английски охранники не говорили, но пока один из них прикрывал своего товарища автоматом, тот с гордой улыбкой показал Джеймсу свои многофункциональные электронные часы.

В главной комнате сидел один лишь Чернов. Французские окна были открыты. На берегу залива Тюн-Ван, усеянном домиками кое-где поблескивали огоньки. На противоположном берегу гавани, на южном полуострове, сверкали окна отеля «Варвик».

-Идемте со мной, я кое-что вам скажу, - Чернов кивнул в сторону окна, и они вышли наружу, где дул теплый вечерний воздух. Бонд подумал, а почему не убить генерала сейчас? Раз и все! Но что это даст? Тут же за Черновым последует на тот свет и он, пристреленный как собака одним из охранников, стоявших в комнате.

-Так вот, что я вам скажу, - повторил Чернов. – Просто молчите и слушайте... Надеюсь, вы понимаете, что на этом острове живет около сорока тысяч человек, и большинство из них ночуют на своих посудинах прямо в гавани. Поэтому после полуночи здесь полная глухомань. Так что ночной жизни на острове Чеун Чау нет...

Пока Чернов говорил, Бонд ориентировался по местности, рассчитывая свой маршрут. Прямо перед ним опускался пологий склон, прямо к тому месту, где он спрятал свертки, проводя рекогносцировку. Слава Богу, теперь он точно выяснил, где нужно

перепрыгнуть низкую стену! Дальше крутой откос, а под ним пляж. Справа, склон поднимался вверх. Бонд знал, что на верхушке склона буквально через несколько сотней ярдов находится незаасфальтированная дорога, спускавшаяся лентой к узкому перешейку, а там дальше к деревне. По пути дорога пробегает мимо знаменитого храма Пак-Тай, мимо главной набережной, рыбокомбината и гавани, усеянной сотнями рыбацких лодок...

Чернов хлопнул его по плечу. – Но мы устроим им немного ночной жизни, правда, Джеймс Бонд? – Генерал глянул на часы. – О, уже почти пора. – Он повернулся и отвел агента 007 в комнату.

-Я имею право на последнюю просьбу?

Чернов посмотрел на Джеймса, глаза генерала грыз червь подозрения.

-Смотря какую.

-Я бы хотел попрощаться со своими друзьями.

-Боюсь, что это невозможно. Их нельзя подвергать такому сильному стрессу. Они уже смирились со своей судьбой, в особенности, женщины. И мне не хотелось бы вносить в это дисбаланс. Вы же понимаете, что утром меня ждет очень неприятное дело. И будет лучше, если приговоренные сохранят стойкость духа до самой последней минуты. Да и мне так будет гораздо проще. Ведь вы понимаете меня?

«Конечно понимаю, - подумал Бонд. – Меньше всего на свете ты хочешь именно того, чтобы я повидался с ними теперь. Теперь, когда их почти наверняка на одного меньше. Ведь предателя ты уже освободил.»

-И все-таки ты мясник, Чернов! – вслух произнес Джеймс. – Так что не будем тянуть время.

Чернов с серьезным видом кивнул.

-Я даю вам слово, что пройдет ровно пять минут прежде, чем на вас спустят «робинзонов». А вот и оружие.

Стол, как по волшебству, был уже усеян всяческими орудиями убийства. Здесь лежало три пистолета «Люгер», длинный кинжал (где-то на дюйм длиннее, чем нож «Сайкс Фэирбэирн») и настоящая булава. У нее была двухфутовая, деревянная рукоятка, обитая железом, и острое двустороннее лезвие, к острию которого крепилась короткая цепь с шаром, усеянным шипами. Шар был в два раза больше, чем кулак взрослого мужчины.

Прикоснувшись к шипам, Чернов улыбнулся:

-Вы знаете, как это называют?

-Кажется, «утренние звездочки».

-Да, «утренние звездочки», а еще... - он безрадостно рассмеялся, - «брызги святой воды». Лично мне больше нравится

«брызги святой воды». – Его рука проплыла над оружием и замерла над одним из «Люгеров». – А это, кажется, ваше. – Генерал вытащил из рукоятки обойму и вручил пистолет Бонду. – Вы, пожалуйста, проверьте, что он не сломан, а боек не спилен.

Бонд проверил пистолет. Он был в хорошем состоянии и тщательно смазан. Чернов протянул обойму.

-Посчитайте – четыре патрона. Я хочу, чтобы убедились, что все честно.

Джеймс так и сделал, чувствуя, что охранник с автоматом напрягся в готовности. Тем временем в комнату ввели «робинзонов». Бонд понимал, что вся эта сцена задумана для того, чтобы сломить его дух. Чернов был прекрасным режиссером, а его маленький спектакль – действительно производил впечатление.

-Можете зарядить его и поставить на предохранитель.

Бонд так и сделал, держа револьвер за дуло. Чернов тем временем продолжал:

-Когда мы будем готовы, я отведу вас к окну и проведу обратный отсчет: от десяти до нуля. На счет ноль свет выключат, и вы побежите. И не забудьте, что я говорил вам о фокусах, Джеймс Бонд, а то - хуже будет. Я же даю вам слово офицера, что «робинзонов» пустят на целых пять минут позже. Так что бегите изо всех сил. Вы готовы?

Бонд кивнул, и к его огромному удивлению Чернов протянул ему свою руку. Джеймс взглянул на нее и отвернулся к окну. Чернов промолчал, словно отказ обидел его, а затем начал отсчет: «Десять... девять... восемь...»

Когда генерал досчитал до нуля, свет погас, и Бонд кинулся в кромешную тьму.

- 21 -

Император небесной тьмы

Бонд выполнил прыжок с предельной точностью – сработала сноровка, помогла удача. Джеймс все подсчитал, стоя с Черновым у окна, поэтому как только прозвучал старт, он рванул в нужном ему направлении, набегу отсчитывая шаги. Перемахнув через заборчик, он помчался по жесткой траве к началу склона, упал на землю и откатился подальше, чтобы его не было видно из окон дома. Бонд был уверен, что приземлился в каких-то футах от своей цели, и тут же принялся шарить ладонями по земле. Через пару секунд, когда он чуть было уже не запаниковал, левая рука наткнулась на камень. Джеймс откатился в сторону камня, разворошил землю и достал из ямки заветный сверток.

Вскочив на ноги, Бонд кинулся влево, вверх по склону, стараясь отбежать от виллы как можно дальше и как можно быстрее. На бегу он отсчитывал секунды. Джеймс решил остановиться через две с половиной минуты, не зависимо от того, где окажется.

Когда время истекло, он был примерно в тридцати ярдах от здания. Там он припал к земле и положил рядом с собой пистолет. Кинув в траву сверток, он развязал ремешки и распаковал набор. Действуя в темноте на ощупь, он нашел все предметы, достал их из кармашков и распределил по карманам своего комбинезона, оставив в руке одну ракетницу.

Тяжело дыша, Бонд вытянул вперед руку, направил батарейку в сторону здания и нажал пусковую кнопку. И сразу же схватил свой «Люгер». По его подсчетам ракетница должна была выстрелить через пять минут и двадцать секунд после того момента, как он покинул виллу. На правом бедре его комбинезона был открытый карман, туда-то он и сунул свой «Люгер». Затем схватил вторую батарейку – замаскированную маленькую гранату - и стал ждать.

Бонд ощутил в руке сильный толчок, и ракетница выстрелила, озарив небо ярко-белой ослепительной вспышкой. Он зажмурил глаза, но открыл их сразу же, как только свет от патрона слегка угас. Казалось, будто бы кто-то направил на виллу и ее окрестности мощный прожектор - что Бонду и требовалось. Теперь все было как на ладони: два «робинзона» взбирались по склону в его сторону, остальные два спускались к пляжу. Один из поднимавшихся к Бонду, заслонил рукой глаза, но продолжал, как и его напарник, двигаться вперед с упорством робота. Бонд отчетливо видел, что другая пара

никуда не свернула и все так же двигается в направлении пляжа. Бонд лежал, затаясь, сжимая в руке маленькую гранату. Он уже слышал тяжелое дыхание приближающихся к нему головорезов, чьи очертания виднелись в тускнущем свете ракеты.

Тут было важно все рассчитать до секунды. Если граната взорвется не вовремя и не вырубит обоих, то Бонду, возможно, придется использовать «Люгер», а значит - потратить по меньшей мере одну, бесценную для него пулю. Дыхание и тяжелые шаги становились все громче и громче, а положиться теперь он мог только на свою интуицию, поскольку свет от ракетницы давно погас. Когда Бонд решил, что момент настал, он, моля Бога, нажал на батарейке кнопку, замаскированную под контакт, и швырнул гранату в сторону приближающихся «робинзонов».

Маленький цилиндр, начиненный пластиковый взрывчаткой, взорвался в воздухе, прямо перед ними. В последнее мгновение Бонд увидел их - двоих «робинзонов», шедших близко друг к другу, - но тут же пригнулся и спрятал голову. Его скальп обдало жаром и взрывной волной, в ушах пронзительно зазвенело. Бонду показалось, что во время взрыва он услышал крик, но не был уверен в этом. Еле поднявшись на ноги, шатаясь и спотыкаясь, он заковылял к месту взрыва, пока не задел что-то ногой. Нагнувшись, Бонд нащупал нечто мягкое и влажное - он знал, что это окровавленное тело.

Бонд опустился на колени и принялся шарить в траве, стараясь, несмотря на гул в ушах, уловить малейший шум, пытаясь совладать с тем самым чувством опасности, которое так необходимо людям его профессии. Прошло не меньше двух минут, прежде чем Бонд нашел нож; еще через две-три минуты он обнаружил пистолет. Взрывчатка, как он и надеялся, взорвалась точно перед «робинзонами». До того, как нащупать в траве «Люгер», его рука наткнулась на ошметки мяса вперемешку с осколками от маленькой бомбы. Бонд и раньше-то не мог привыкнуть к последствиям взрывов, а уж теперь - когда маленький кусочек пластиковой взрывчатки мог нанести такой сильный урон, - тем более.

В голове начало постепенно проясняться. Теперь у него было два пистолета: его собственный, засунутый в карман комбинезона, и второй, в правой руке.

Бонд кинулся бежать в западном направлении, к дороге, которая вела в деревню. Чернов подчеркнул, что все четверо «робинзонов» - опытейшие убийцы. Теперь их осталось только двое. И было вполне логично предположить, что «робинзоны», судя по их опыту, продолжают держаться своего маршрута, хотя в деревне, возможно, разделятся, чтобы поймать его либо на открытой местности, либо между домами.

Но у Бонда тоже был план действий. Если он успеет добраться до храма Пак-Тай - места, которое могло дать ему преимущество в этой схватке, - то он будет ждать их там. Подманивать к себе.

В ушах все еще стоял звон, и одежда была заляпана кровью, но Бонд не обращал на это внимание и добрался до дороги без происшествий. Он перешел с бега на быстрый шаг, предпочтя двигаться по мягкой траве на обочине, делая глубокие вдохи, чтобы урегулировать дыхание.

Прошло десять минут, и ему показалось, что впереди виднеются очертания домов. Добравшись через пять минут до окраины деревни, Бонд стал осторожно пробираться по кустам, пока не уперся в каменную стену. Он знал, что это – стена храма. Джеймс медленно двинулся к фасаду, размышляя о том, что теперь ему хоть было кому помолиться, ведь Пак-Тай означает Великий Император небесной тьмы. И храм был построен в честь его и двух помощников Императора - богов войны. Одного из них звали Зоркое Око, другого - Ухо, Внимающее попутному ветру. Бонд надеялся, что эти трое помогут ему вовремя заметить двух оставшихся «робинзонов».

Перед фасадом храма находился открытый участок земли. Впервые, с момента пуска ракетницы и взрыва Бонд почувствовал, что глаза привыкают к темноте. Через пару минут он уже мог различить квадратный дворик и ступеньки, ведущие к главному входу, который охранялся традиционными драконами. Бонд медленно и осторожно стал подниматься по лестнице. Добравшись до верхней ступеньки, он нырнул в темноту дверного проема, по бокам которого стояли две гигантские, каменные колонны. Джеймс притаился за правой... Минуты текли. Он понимал, что «робинзоны» тем временем тихо и медленно крадутся по темным улочкам.

Прошел по меньшей мере час. Заканчивался второй. Самодисциплина не позволяла ему даже мельком взглянуть на светящийся циферблат часов: он внимательно прочесывал взглядом местность, регулярно - сначала справа на лево, затем слева на право, двигая головой и глазами очень медленно. Конечности давно затекли.

Наконец, он все же взглянул на «Ролекс»: без десяти четыре утра. Еще чуть больше часа – и игра будет окончена, а Чернов начнет свою кровавую резню. Сердце Бонда уходило в пятки от одной мысли об этом. Когда Джеймс представил Чернова, чинившего расправу, краем глаза он засек какое-то движение: в правом дальнем углу двора, рядом с домом. Буквально на какую-то секунду мелькнула какая-то фигура: тень, проскочившая на фоне полосы белеющего пляжа.

Бонд слегка изменил свое положение и медленно поднял руку с «Люгером». Его глаза были пригвождены к тому месту, где он только что видел тень. Бонд уже подумал, что ему показалось, но тень появилась снова: человек крался по стенке, медленно как улитка, стараясь держаться затемненных мест. Джеймс снова изменил свое положение, поднял «Люгер» чуть выше; тень отделилась от стены и направилась к ступенькам храма. И как раз в этот момент, несмотря на свой многолетний опыт и сноровку, Бонд сделал ошибку – первую за эту ночь. Стреляй немедленно, говорила одна половинка мозга. Стой, подожди, а где же второй ублюдок? И эта секунда нерешительности вылилась в минуты ужаса.

Профессиональный опыт переборол все сомнения: стреляй немедленно! Бонд навел прицел на приближавшуюся тень. Палец начал сжимать курок, но тут шестое чувство подсказало Джеймсу, что рядом опасность.

Бонд стоял в классической стойке боком, сжимая в вытянутых руках пистолет; и в этот момент его левое предплечье прожгла острая боль, словно провели каленым железом. Он услышал собственный вопль и понял, что выронил из правой руки пистолет, когда попытался ухватиться ею за рану. Джеймс резко развернулся и увидел перед собой «робинзона», держащего булаву. Тот готовился нанести второй удар.

Реакция Бонда была машинальной, хотя казалось, что все происходит как в замедленном кино. Вдобавок картинку размыло из-за боли, вспыхнувшей в раздробленной левой руке. Джеймс никак не мог вспомнить его имени, но почему-то мозг упорно продолжал бороться с этой проблемой. Кажется, это был Богдан, тот, который ломал юношам шеи, четвертовал их тела и прятал останки в разных уголках леса. В его голове отчетливо прозвучали слова Чернова: «Он настоящий мужлан: сильный и без каких-либо моральных принципов.» Сейчас Бонд, не отрываясь, смотрел ему прямо глаза, тот тем временем очень медленно заносил булаву над своей головой. После чего огромный, усеянный шипами шар устремился на голову Джеймса. Казалось, что левая рука Бонда движется слишком медленно, его правая нога пошла назад, рука схватила рукоятку «Люгера», лежавшего в кармане комбинезона. Джеймс нащупал предохранитель. Острые шипы тем временем со свистом приближались. «Люгер» застрял, но нет – освободился. Бонд повернул руку, и палец лег на курок... Раздалось два резких взрыва – два выстрела (подряд, как его и учили), в нос ударил запах кордита. И звонкое падение гильз на ступеньки.

Тут же замедленное кино прекратилось, и действия понеслись в головокружительном темпе.

От удара Богдан отлетел назад, вскинув руки словно гротескная копия фигурки на пружинке, выскакивающей из коробочки. Булава последовала за ним, и тело Богдана, облив Бонда кровью, шмякнулось о дверь храма.

Боль снова ворвалась в левую руку Джеймса, и тут же раздались два оглушительных выстрела. Пули со свистом врезались в колонну, отколов от нее кусочки камня, - стрелял другой «робинзон», откуда-то из дворика.

Бонд скрючился от боли, его тошнило, в глазах плыло. Он даже чуть не кувырнулся, но тут увидел контуры «Люгера», валявшегося на ступеньках и, сделав над собой усилие, развернулся в сторону стрелявшего. В правой руке Джеймс сжимал рукоятку своего пистолета, в котором было еще две пули. Но тут он стал терять равновесие, и его повело словно пьяного, пьяного от болевого шока. Казалось, что ему кто-то зашептал на ухо: «Ну же, давай! Стреляй в него!» Бонд сдвинул курок машинально, чувствуя, что пистолет он держит в вытянутой руке, направив куда-то в сторону дворика. «Два выстрела в приведение, – подумал он. – А теперь бросай пистолет и подними второй!» Он совершил эти действия чисто рефлекторно, выполняя программу по пунктам. Едва Джеймс успел нагнуться, как над его головой просвистела еще одна пуля. Он тут же схватил рукоятку лежавшего на ступеньках пистолета, но выпрямиться не смог.

Бонд упал на колени, но, подняв голову, увидел человека стоявшего над ним. «Робинзон» с аккуратностью прицеливался, говоря что-то по-русски. Агент 007 в этот момент видел только «Люгер» в его руках, и пистолет казался ему громадным.

Раздался взрыв, и Бонду почудилось, что он слышит свой последний крик, разнесшийся эхом среди колонн парадного входа в храм Великого Императора небесной тьмы.

- 22 -

Смерть двойного агента

«Если ты умер, - размышлял Бонд, - значит никакой боли чувствовать не должен.» Последнее, что он помнил – «робинзон», стоявший в паре футов от него, целившийся из «Люгера» ему прямо в голову, готовый сделать решающий выстрел... Потом приглушенный взрыв... «Я видел это, я слышал это, значит я мертв». Но он чувствовал накатывающие приступы тошноты и нестерпимую боль в левой руке. Он понимал, что может пошевелиться, что его веки шевелятся. Он слышал голос, зовущий его.

-Мистер Бонд? Мистер Бонд? Вы в порядке, мистер Бонд?

Джеймс открыл глаза. Кромешная тьма начинала уступать первым проблескам утра. Бонд лежал на боку, в глазах плыло, но постепенно он различил перед собой подошвы черных ботинок, а за ними – темно-серую грудь; это было тело. Рядом были видны носки другой пары ботинок. Он повернул голову, и поднял глаза, чтобы увидеть их владельца.

-Вы в порядке, мистер Бонд?

В положении, в котором он лежал, лицо незнакомца разглядеть так и не удалось. Фигура опустилась на одно колено.

-Я думаю, нам следует отсюда быстро мотать; одна нога здесь, другая там, - улыбаясь, произнес темноволосый китайский мальчик. – Вы помните меня, мистер Бонд. Я – Ричард Хан. Человек Стрижа. Хорошо, что я следил за вами. Мистер Стриж сказать, что если что-нибудь случится, то вам может понадобиться помощь, вот. Он сказал, что вы будете здесь, на острове Чеун Чау. И я должен смотреть за вами.

-Это ты убил «робинзона»? – Если не считать мучительной боли в левой руке, Бонд чувствовал себя уже гораздо лучше.

-Его так звать? Робинзон? О'кей, это я убить его. Вы убили человека с булавой. Я застрелил этого. – В правой руке Хан держал огромный «Кольт» сорок пятого калибра. – Правильно, что я убить его?

-Еще как правильно. Ах, черт!

Бонд изогнулся, чтобы посмотреть на свое левое запястье. Стрелки на «Ролексе» показывали пять-пятнадцать. Осталось сорок-пять минут, или около того, прежде чем Чернов приступит к делу. Джеймс еле-еле приподнялся, его шатало. Он осторожно проверил тело. Все, кажется, было в порядке, кроме руки.

-Дай-ка мне тот пистолет; тот - на земле.

Хан поднял «Люгер».

-Здесь где-то должен быть еще один, - сказал Бонд, всматриваясь в сероватую мглу... Оказалось, что оружие валялось рядом с телом его противника. Хан поднял его.

-Быстрей, - поторопил его Бонд. – Вытащи из обоих обоймы, и вставь все патроны в одну. Окей?

-Окей. Мистер Стриж меня многому учил о пистолетах. Говорил, я меткий стрелок.

-Полностью с ним согласен. Послушай, Хан, знаешь дом на северном побережье залива? Дом, где меня держали?

-Нет, - отрицал парень. – Стриж говорить, что вы будете здесь. Я присматривать за вами. Ну я и приехать сюда, а вас никто не видеть. Я походить вокруг, а потом вижу этих людей, которые вели себя, словно искали в темноте бабочек. Очень странно, подумать я. Ричард, следи-ка за ними, они замышляют что-то недоброе...

Юноша было хотел сказать что-то еще, но Бонд прервал его:

-Послушай, Хан, есть тут один дом... - Он объяснил ему точное местоположение виллы. – Вызови полицию. Скажи им, что это вопрос государственной важности...

-Стриж дать мне номер полиции Гонконга. Он сказал, что это Специальная полиция.

-Специальный отдел?

-Да, да. Я – дурак. Сначала думать, что это магазин такой. Но потом он все объяснить.

-О'кей. Найдешь телефон на этом острове?

-Здесь живет четвертая сестра моего отца. У нее маленький магазинчик с телефоном. Я разбужу ее.

-Позвони по тому номеру, что у тебя есть, и скажи им, чтобы как можно быстрее послали в тот дом местную полицию. Одна нога здесь, другая там! О'кей?

-Они приехать очень быстро. А вы куда-то собираться?

Бонд тяжело вздохнул:

-Да, пока у меня есть силы. А ты беги, вызывай полицию. Скажи им, чтобы задержали всех. – Хан уже бежал, и Бонд крикнул ему вслед: - Скажи, что люди в доме вооружены. И очень опасны.

-Окей! Сказать им! – Хан обернулся и махнул рукой. Но тут вся сцена, освещенная первыми лучами рассвета, превратилась в кровавую бойню. Раздалось два оглушительных выстрела, и голова Ричарда Хана взорвалась изнутри, пустив высоко в небо кровавый фонтан. Тело пробежало три... четыре шага и рухнуло на землю.

Где-то рядом внезапно зарокотал автомат. Вокруг Бонда засвистели пули, врезаясь в стену храма. Его реакция была

машинальной - помогли рефлексы и профессиональный опыт. Понимая, что в любой момент раздастся другая очередь, Бонд развернулся и выпустил две пули в место, где только что была вспышка. Послышался ужасающий крик, грохот упавшего на камни автомата и шум, рухнувшего тела.

Бонд упал на колени и замер в ожидании. Затаив дыхание, он пытался уловить малейший шум, но кроме чьих-то стонов, никаких других звуков слышно не было. Он медленно поднял правую руку, снова почувствовав резкую боль в левой. Стиснув зубы, Джеймс вслушивался. Стоны прекратились, Бонд встал и сделал шаг вперед. И тут же был вынужден замереть на месте, услышав знакомый голос:

-Шевельнешься хоть одним мускулом, и я снесу тебе башку, Бонд. Брось пистолет.

Она была очень-очень близко, где-то справа от него.

-Я сказала, брось пистолет! – Тон был резким, командным.

Бонд разжал пальцы и услышал, как «Люгер» упал на ступеньки. И в этот момент из темноты появилась Хейзер Дэйр, она же – Ирма Ваген.

-Ты? – выдохнул Бонд, охваченный ужасом от осознания того, что предатель именно она.

-Да, я. Прости, Джеймс, но не ужели ты считал, что генерал не предусмотрит такую возможность? Ты молодец. Я не думала, что тебе удастся одолеть этих, самых лучших ребят. Но Чернов все-таки беспокоился на этот счет. Он считал, что такая вероятность существует.

-Что ж, умница Костя Чернов!

Бонд проклинал себя за то, что не догадался обо всем ранее. Белый плащ в Лондоне! Тот, который так его обеспокоил. Ведь ни один здравомыслящий человек, прошедший самую маломальскую подготовку в разведке, не наденет подобный наряд, будучи в бегах! А ее предложение переспать! Ведь это тоже насторожило его, в особенности тогда, когда он увидел ее вместе с Максимом – два воркующих голубка!

-Неудивительно, что генерал так хорошо знал все наши шаги, - произнес он, надеясь, что Хейзер подойдет ближе.

-Я вела его, словно в танце... и тебя тоже, Джеймс. Точно также я сумела соблазнить Смолина и заставить его признаться в своих помыслах о предательстве. Но пора нам с этим кончать. У меня есть приказ убить тебя здесь. Хотя, честно говоря, я думала, что за меня эту работу выполнят наши драгоценные «робинзоны».

-И как давно...? – начал Бонд.

-Я работаю на КГБ? Очень давно, Джеймс. Еще с ранней юности. Операция «Торт» провалилась с самого начала. Когда пришло время бежать, нам дали приказ оставить Максима и Дитрих на месте. Их могли схватить в любой момент, но в Центре подумали, что, когда я попаду в Англию, Лондон, возможно, будет использовать меня. Но этого не произошло, как ты знаешь, поэтому было решено разделаться с остальными. Ты был дополнительным призом. А Чернов выбрался из своего безопасного убежища только ради тебя, Джеймс. Ты польщен этим?

-Очень

-Тогда на колени. Сделаем как на Лубянке. Пулю в затылок.

Он шагнул вперед, будто бы готовясь выполнить приказ.

-Значит покушение на твою жизнь в Лондоне было...?

-Маленькой шарадой, благодаря которой ты стал доверять мне. Хотя Миша недооценил тебя, чем очень на тебя разозлился. Но теперь он будет доволен.

Она шагнула ближе. Бонд пожал плечами, сумасшедшая боль разрывала его руку на части.

-Я упаду, если попытаюсь встать на колени. Эта сволочь всю руку мне раздробила.

-Тогда просто повернись, медленно. - Она была спокойней, чем он ожидал.

Хейзер еще ближе подошла к нему, словно на голос. Он начал поворачиваться, лихорадочно высчитывая шансы обезвредить ее одной рукой. И когда она сделала еще один шаг, держа пистолет наготове, Бонд предпринял действия.

Разворачивайся. Но всегда разворачивайся к телу, и держись прочь от пистолета. Именно так учат эксперты на тренировках. И любой, кто настолько глуп, чтобы подойти к тебе так близко с пистолетом в руке, заслуживает того, что заслужила она. Бонд резко развернулся по часовой стрелке, словно танцор, выполняющий сложное па. Пока все отлично! И хотя его реакция была слегка ослаблена из-за раны, он все выполнил правильно. Рука Хейзер, в которой был пистолет осталась в прежнем положении как раз необходимое для него время, справа от его шеи. Бонд резко ударил Хейзер между ног. Да, такой прием не так эффективен по отношению к женщинам, но все равно причиняет много боли. Он почувствовал, как девушка испустила вздох. Он учуял запах ее тела, упавшего на него.

Хейзер слегка согнулась от боли, и Бонд правой рукой схватил ее запястье. Даже одной здоровой рукой он был в состоянии рвануть ее запястье вниз. Он сломал ее руку о свое колено, и та вскрикнула. Пистолет упал на пол и поскакал вниз по ступенькам.

Бонд снова двинул коленом вверх. Хейзер потеряла равновесие и теперь ее позвоночник представлял собой прекрасную мишень. Джеймс ударил ей коленом по пояснице, да так сильно, что было слышно, как треснул позвоночник. Она упала, издавая короткие прерывистые вздохи. И хотя девушка наверняка потеряла сознания, из ее горла продолжали вылетать громкие стоны.

Он *должен* был знать, что это Хейзер. Ведь у нее была самая важная мишень – Максим Смолин. Он с самого начала должен был догадаться об этом. Бонд подобрал «Люгер». Он не мешкал. Одна единственная пуля, прямо в эту милую голову. И никаких угрызений... Ее смерть была мгновенной, а тошнить Бонда начало только из-за пронзительной боли в левой руке.

Джеймс подкрался к другому телу. Это был один из охранников. Парень был мертв, обе пули угодили в грудь. Жаль – Бонд надеялся, что убил Мишу.

Он снова взглянул на часы, потом на быстро светлеющее небо. Времени почти не осталось. Но если повезет... Бонд сделал глубокий вдох и стиснул зубы. Да, бежать придется чертовски быстро. И Бог знает, что он сможет предпринять, когда доберется до виллы! И все же часть задания выполнена: предатель найден и уничтожен. Шансы спасти остальных ничтожны, но попытаться стоит.

- 23 -

Прилетайте еще!

Ему казалось, что вот-вот - и легкие разорвет на части. Даже спасаясь от «робинзонов», Бонд не бежал так быстро, как делал это сейчас. Резь в легких, плюс ноющая боль в бедрах и икрах помогали ему отвлечь свои мысли от агонии в разодранной и переломанной руке, которую он все же как-то умудрился бережно уложить под лямки комбинезона. В правой (здоровой) руке Бонд держал «Люгер».

Он мчался изо всех сил, да так, что из-под ног летели камни и поднималась пыль. Он летел по дороге, которая должна была привести его почти к тому мысу, на котором располагалась вилла. Бонд даже и не пытался высчитать, сколько уже прошло времени, он лишь знал, что успеет только-только. Кажется, минула вечность, прежде чем он достиг вершины склона, у подножья которого находилась вилла. Бонд упал на колени и отполз назад, чтобы скрыться из вида. Приподнявшись на правом плече, Бонд посмотрел на виллу.

Внизу, буквально в нескольких ярдах от него на земле виднелось огромное коричневое пятно и останки двух тел: словно куклы, разорванные в клочья вздорным ребенком. Это все, что осталось от двух «робинзонов», которых он уничтожил ночью.

Внезапно Бонд засек какое-то движение рядом с домом. Это был охранник, которого, по всей видимости, Хейзер оставила сторожить виллу. С автоматом наготове парень присел у стены, осторожно осматриваясь по сторонам. «Значит, Чернов на взводе», - подумал Бонд, не сомневаясь, что охранники уже знали про двух «робинзонов», которых он обезвредил у виллы. А теперь еще и остальные два не вернулись. Пальцы на курках у них теперь точно чешутся, а Чернов, скорее всего, ждет возвращения Хейзер. У Бонда было слишком мало шансов, чтобы выжить, поэтому наверняка все думают, что он мертв. Миша, скорее всего, остался с Черновым в доме, чтобы помочь ему совершить ритуальные убийства. А произойти это должно уже очень скоро.

Медленно, преодолевая мучительную боль в ранах, Бонд стал обползать виллу вокруг, чувствуя, как внутри нее тикает «бомба замедленного действия», отсчитывая последние секунды жизни пленников. Джеймс сполз еще ниже и встал на ноги. Задняя стена виллы была где-то в пятидесяти ярдах от него. Он преодолел это расстояние быстро, двигаясь как-то неуклюже, боком. Точно также

он бежал и всю дорогу от храма Пак-Тай. «Как все-таки странно, - подумал Джеймс, - работает чувство равновесия, когда одна рука ранена...» Добравшись незамеченным до низкой стеночки, он бесшумно подкрался к дому.

И вдруг случилось то, чего Бонд боялся больше всего на свете, пока бежал от храма к вилле: он услышал жуткий, пронзительный вопль, раздавшийся эхом с противоположной стороны дома. Женский, похожий на визг животного, которому причинили нестерпимую боль. В его сознание ворвалась яркая картина: Эбби с силой распахивают рот, а стоящий рядом Чернов прицеливается скальпелем, готовый совершить свою «казнь».

В этот момент из-за угла появился охранник, шедший, видимо, проверить задний двор. Разинув от удивления рот, парень остановился как вкопанный. Он уже вскинул автомат, но выстрелить не успел – в руке Бонда дважды дернулся «Люгер», и в грудь охранника угодило две пули, сбив его с ног словно кеглю. Джеймс шагнул вперед, но тут ему показалось, что он краем глаза засек справа какое-то движение. Бонд резко повернулся с пистолетом наизготове, но там никого не было: рассвет сыграл с ним маленькую шутку.

В садике, за домом послышался крик, а за ним топот бегущих ног. Пока никто не появился из-за угла, Бонд подскочил к застреленному охраннику и схватил его автомат, почти на ощупь определив марку: «Узи», уменьшенная в масштабе копия с выдвижным прикладом. «Интересно, - подумал Джеймс, - почему кагэбэшники пользуются израильским оружием?»

Только Миша выбежал из-за угла, как Бонд вскинул «Узи», держа его одной рукой и пустил в главного помощника Чернова автоматную очередь, которая почти рассекла его пополам. Стреляя на бегу, Бонд сам не успел оглянуться, как оказался перед фасадом виллы. В окне он увидел Чернова, стоявшего в нерешительности. Костя был безоружен, если не считать скальпеля в руке. И судя по выражению бледного лица, генерал был в шоке.

-Брось нож и не двигайся, - проорал ему Бонд.

Чернов с грустью пожал плечами, выкинул скальпель в сад и, осунувшись, поднял руки.

В углу комнаты находились Максим Смолин, Сюзанн Дитрих и Джангл Бэйзли, все еще скованные цепями. Эбби лежала привязанной к широкой доске, расположенной на козлах для пилки дров с тремя циркулярными пилами.

-О, Господи! Чернов, ты сумасшедший! Сволочь какая! Ты и впрямь хотел их четвертовать?! – Бонд не кричал, а вопил, снедаемый неуправляемой злостью. Генерал попятился назад.

-Возмездие – это прерогатива не только одних богов, - слабым, дрожащим голосом произнес Чернов, хотя в глазах его сверкала смесь ярости и отчаяния. – Настанет день, Джеймс Бонд, и все призраки старого СМЕРШа придут за тобой и разнесут тебя в пух и прах. И вот это будет настоящим возмездием!

Бонд редко испытывал желание причинять кому-либо боль, но в этот момент он с удовольствием представил себе, как в голову Чернова вонзаются три стальных дротика из его «авторучки»: два в каждый глаз, и один - в горло... Но Чернов должен остаться в живых.

-К вопросу о возмездии мы еще вернемся! – кивнул Джеймс. – Где ключи, генерал? Оковы должны быть сняты немедленно.

Чернов заколебался на какую-то секунду, затем протянул руки к столу, и Бонд заметил, что на нем лежат ключи.

-Аккуратно возьми их. – Теперь Бонд был уверен, что контролирует ситуацию. – И освободи пленников.

Чернов снова заколебался, его взгляд на секунду устремился куда-то за спину Джеймса. «Ну уж нет, - подумал Бонд, - на эту бородатую шутку я не куплюсь.»

-Делай, что я сказал, Костя... - начал он, но тут вдруг почувствовал, как у него на затылке шевелятся волосы. Бонд обернулся.

-На твоём месте, Джако, я бы очень медленно положил свой пистолет на стол. - Это был Норман Мюррэй. И Бонд даже не слышал, как тот вошел в комнату. В своей правой руке инспектор крепко сжимал пистолет «Вальтер ППК».

-Что...? – в недоумении воскликнул Бонд.

-Костя, - спокойно произнес Мюррэй, - Я бы оставил ключи на месте. Но твоему возмездию придется подождать, поскольку у меня такое чувство, что очень скоро здесь будут гости. Прости, что я так опоздал: мне пришлось здорово попотеть, чтобы ни мои люди, ни Британцы не сели мне на хвост. Задача оказалась не из легких.

Чернов крякнул.

-Ну что ж. Чтобы спокойно убраться отсюда, придется воспользоваться твоим Бондом как щитом. Да?

Бонд отступил назад.

-Норман? Что, черт возьми...?

-Что поделаешь, Джако! Наш мир полон коварств и соблазнов! Ты помнишь эту замечательную книжку Роберта Льюиса Стивенсона? «Остров сокровищ»? Потрясающая книга! Помнишь момент, когда Джим Хокинс встречает того беднягу, который потерпел кораблекрушение? Бен Ганн, кажется, его звали? И вот этот Бен Ганн пытается объяснить Джиму, как он докатился до того, что

стал пиратом. Он говорит: «А все началось с игры в орлянку на могильных камнях». Сейчас, правда, орлянка называется трясучкой. Боюсь, что со мной произошло нечто подобное. А теперь клади пушку на стол, Джако Бонд.

Бонд повернулся и медленно положил свой «Люгер» рядом с ключами.

-А теперь руки за голову, Джако.

-У меня рука сломана.

-Ну тогда *руку* за голову, чертов педант.

Когда Джеймс поворачивался обратно, медленно поднимая правую руку, он незаметно вытянул из нагрудного кармана комбинезона авторучку, спрятав ее в ладони. «Итак, два предателя, - думал он. - Причем, второй - офицер Спецотдела полиции Ирландской Республики. Человек, состоявший в особых отношениях с Британской Секретной Службой, снабжавший ее важной информацией, сотрудничавший лично с «М»!»

-Отлично, - продолжал Мюррэй. - Как я сказал, Джако, все началось с игры в орлянку на могильных камнях; только я играл на тотализаторе. Помнишь старую-престарую шутку: вялые скакуны и распутные женщины? Так вот я погряз в долгах, а вдобавок одна дамочка из Дублина, с которой я разок переспал, стала шантажировать меня и в конце концов ободрала как липку. Я лишь хочу, чтобы ты знал: политика здесь не причем - скорее просто деньги.

-Деньги? - с нескрываемым омерзением переспросил Бонд. - Деньги? Тогда зачем же было спасать меня от Чернова?

-Во избежании провала. Мы ведь оба старались не провалиться. Правда, Джако? Дело в том, что я играл на три стороны: на своих, на вас - англичан, и на этих ребят. Я - самый, что ни на есть, тройной агент, Джако. И я не знал, что провалился до тех пор, пока не доставил тебя в Дублинский аэропорт. Вот такие дела.

-А мне плевать, Норм. И больше не говори, чтобы я не называл тебя Норм, потому что для меня ты теперь просто «товарищ Норм».

-Тут ты, наверное, прав. Не знаю, понравится ли мне их страна - там, должно быть, ужасно холодно. Но что поделать, Джако, ведь я теперь в розыске. По крайней мере твой «М» точно точит на меня зубы, поэтому я сматываю отсюда вместе с Костей. - Он обернулся к Чернову. - Костя, тебе не кажется, что нам пора уже двигаться? А то не ровен час, как прискачет полиция. Я еле успел смотать из Дублина, они почти сели мне на хвост!

Чернов с важностью кивнул.

-Мы поедем, как только покончим с ними.

Пока противник на миг отвлекся, Бонд указательным и большим пальцами правой руки повернул колпачок авторучки против часовой стрелки и направил ее вперед, положив большой палец на пусковую кнопку.

-Норман! – вскрикнул Джеймс, резко развернувшись, чтобы правая рука оказалась точно перед головой Мюррэя. Бонд дважды нажал на кнопку. – Прости, Норман, - добавил он, и два стальных дротика сделали во лбу инспектора две маленькие красные точки, точно над глазами.

-Джако! – слово вылетело рефлекторно, когда Мюррэй произнес его, он скорее всего был уже мертв, падая вперед. Пистолет выпал из его руки, и Бонд тут же схватил со стола «Люгер».

Дело сделано: все те, кто мог разжечь скандал, мертвы; а Чернов – дополнительный приз. Конечно, кое-что надо будет подчистить и придумать более-менее правдивую историю для прессы.

-Так, Костя Чернов... (голос агента 007 был не так спокоен, как мог бы, поскольку Мюррэй ему все же симпатизировал) ... возьми ключи и сними с этих несчастных оковы. – Бонд взглянул на Эбби. – Дорогая, как только ты будешь свободна, подойди к телефону и позвони по номеру, который я тебе дам. Он принадлежит резиденту моей Службы в Гонконге. Пока я буду говорить, ты будешь держать генерала на мушке. Теперь мы будем действовать официально.

Чернов начал снимать оковы. Эбби подошла к телефону. Разговор длился не больше трех минут. Остальных тем временем освободили. Джангл и Смолин, взяв инициативу в свои руки, заковали Чернова в цепи. Генерал не сопротивлялся; он, кажется, уже смирился со своей участью.

Бонд повесил трубку, опершись правой рукой о стол. Кто-то легонько тронул его за плечо и положил на его руку свою.

-Спасибо, - сказала Эбби дрожащим голосом. – Джеймс, я даже не знаю как тебя отблагодарить!

-Пустяки, - ответил он.

Тут вернулась боль, голова закружилась, а ноги стало подкашивать. Но в глубине души он был рад наступающему забвению.

Джеймс Бонд очнулся в палате госпиталя. У его постели сидел гонконгский резидент Сикрет Сервис. Агент 007 хорошо знал этого

человека. Как-то пару раз они работали вместе: в Швейцарии, а потом в Берлине.

Почти сразу же Джеймс понял, что левая рука загипсована.

-Она сломана в двух местах, и порваны мышцы.

-Ну а в целом, - ответил с улыбкой Бонд, - я считаю, что спектакль был великолепен, а мисс Линкольн играла просто бесподобно, правда? – Это была их общая, давняя шутка.

-«М» поздравляет тебя с успешным завершением задания. Правда старик бранился по поводу того, что ты привез сюда девушку.

Бонд закрыл глаза, чувствуя себя очень слабо.

-Таких девушек как Эбби просто так не остановить. Но ты не думай, это была моя не единственная ошибка.

-Он хочет, чтобы ты поскорее выехал в Лондон. На что врачи сказали, что выписать тебя можно хоть завтра, но желательно, чтобы ты остался здесь еще на пару недель. В конце концов шеф согласился. Ты пойми, эти коновалы хотят присмотреть за твоей рукой.

-А что с остальными?

-Всё в полном порядке. Скандал умяли. Вопросов ни у кого не возникло. Чернов сегодня вылетел в Лондон. Ты, кстати, пролежал в отключке почти весь день.

-Объявите о нем прессе. – На лице Бонда заиграла одна из его редких кривых ухмылочек, сквозивших жестокостью.

-В настоящий момент мы все отрицаем. Пусть сначала наши хорошенько с ним поработают, а уж только потом сделаем официальное заявление... Хотя до этого вообще вряд ли дойдет. Мисс Дитрих, молодой Бэйзли и Максим тоже уехали. Как агент, Смолин теперь бесполезен, но я думаю он еще здорово пригодится в отделе по делам Восточного блока. А ты, Джеймс, лежи, отдыхай. «Торт» съеден, ты смахнул последние крошки, и теперь не о чем волноваться.

-А где Эбби?

-А это мой маленький сюрприз!

Резидент подмигнул и вышел. Минутой позже в комнату вошла Эбби Хэритидж. Она задержалась в дверях, любуясь им, потом подошла к его постели.

-Я поставила их перед фактом, - начала она, растянувшись в улыбке, - что сама позабочусь о тебе. И каково же было мое удивление, когда они согласились! Представляешь, Джеймс? Мы с тобой теперь важные персоны! К нам даже приставили двух телохранителей, пока ты не поправишься.

-Думаю, что мне один пригодится, – он улыбнулся, и девушка приложила свою ладонь к его лбу.

-О, хорошо-то как, - сказал Бонд. Рука у него, может, и была сломана, но с остальными частями тела - полный порядок. – Твоя ладонь такая холодная!

-Старая китайская пословица гласит, - начала она, глядя на него сладким взором, – у женщины с холодной ладонью огонь под юбкой.

-Никогда не слышал. – В его глазах блеснул огонек.

-Да ну?

-Клянусь.

-Но это правда. Мне это сказал один пожилой японец.

Не смотря на гипсовые накладки, они провели в отеле «Мандарин» две недели чрезвычайно активного отдыха.

А потом улетели на самолете авиакомпании «Катай Пацифик». Когда ковер огоньков, коим из иллюминатора казался Гонконг, исчез, в салон вошла веселого вида девушка и представилась стюардессой.

-Мистер Бонд? Мисс Хэритидж? Мы рады приветствовать вас на борту нашего самолета. – Девушка широко улыбнулась и заразительно засмеялась. – Надеюсь, вы приятно провели время в Гонконге?

-Чудесно, - ответила Эбби.

-И было столько сюрпризов! – добавил Бонд.

-Вы приезжали в отпуск? – спросила стюардесса.

-В некотором роде.

-А теперь, значит, возвращаетесь в Лондон. – Стюардесса скорее загоготала, чем засмеялась. – Вы знаете, этот рейс в «Катай Пацифик» имеет особое название!

-Правда? – заинтересовалась Эбби, попивая шампанское.

-Да. Этот рейс из Гонконга мы называем «Прилетайте еще!»

Эбби захихикала, а Бонд криво улыбнулся.

-Не сомневайтесь, - ответил он, – когда-нибудь мы обязательно вернемся.

JAMES BOND WILL RETURN, ЁПТА